

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
светлой памяти моей матери
ЭТЕРИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
КУРДАДЗЕ*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

РАССКАЗЫ

Тбилиси

2004

УДК 882 –32

Г 31

© Гелхвидзе Самсон Прокофьевич

ISBN 99928 -0 -418 -1

“ РАССКАЗЫ МОЛОДОСТИ”

(От автора)

Сборник рассказов “Возвращение”, как и ранее изданные “Торговцы болью”, является составной частью одного большого сборника рассказов, именуемого “Рассказы молодости”, которые были написаны автором в основном за 1984- 1998 годы и которые явились его попыткой задержать, хотя бы на одно мгновение, на один миг, стрелой летящее время.

В рассказах сделана попытка передать читателю через своих героев те настроения и чувства, которые мог бы испытать каждый из нас, если бы подобное им уже не было испытано. Ведь каждый человек носит в себе

вселенную и, в то же время, сам является мельчайшей частичкой этой вселенной.

И в каждом человеке сидит каждый человек.

Известно - чтобы познать человечество, достаточно познать одного человека, и, наоборот, чтобы познать одного человека, нужно познать человечество.

Часто встречается любимый жанр - "бессюжетные" рассказы, или, как я их называю, рассказы настроений, как попытка подвести читателя к ознакомлению с теми тонкостями и нюансами человеческих чувств и переживаний, которые часто граничат с его глубоко интимными, эзотерическими переживаниями.

Описанные в рассказах сюжеты и истории, как и их герои, часто представляют смесь событий и персонажей, встречающихся нам в реальном, виртуальном, априорном, возможном, воображаемом... и других мирах.

Некоторые читатели считают рассказы автобиографичными. Нет, это неверное видение попытки и желания как можно ближе и явственнее пережить все испытываемые героями чувства.

Но, пожалуй, если говорить о самом главном назначении и цели творчества автора - это та красная нить, которая тянется и пронизывает все - это отношение людей к друг другу и к Богу.

"Жизнь без Бога - ад!", - считает автор и пытается показать в своих рассказах, в какие сложные и далеко

неординарные ситуации попадают герои, сбившиеся с единственно верного жизненного пути - тропинки, ведущей к Богу, которая пролегает через Церковь.

Всю свою "сознательную" жизнь мы, люди, ходим по мучительным и изнурительным кругам, придумываем сами себе некий мир, подвергаем себя всевозможным испытаниям и терзаниям, выдумываем разный "новый велосипед", тогда, как все уже давным-давно изобретено и сказано. "Я - свет миру; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни" (Иоанн, 8, 12), - говорит Господь Бог.

Мы же, люди, часто следуем не за Ним, а друг за другом или вовсе за самими собой, на поводу у своих земных желаний, чувств и страстей. И, как правило, как итог, - часто заходим не туда, куда нужно и необходимо нашей душе для ее спасения и воскрешения. И когда оказываемся в безвыходном положении, тогда начинаем звать на помощь людей, которые часто не в силах нам помочь, а иногда и вовсе не отзываются на наш зов.

Во многих рассказах автора звучит, хотя бы мельком, звон колоколов, призывающих, зовущих героев к себе, в Церковь, к тому единственному спасительному кораблю мирян, который способен вывести их из самых сложных, запутанных и опасных для жизни и здоровья ситуаций.

В нашем сегодняшнем сложном мире человеку нетрудно затеряться и потерять себя и то доброе начало, которое изначально было в него вложено Богом. И в

таких случаях очень важно бывает вернуться к самому себе, к своему началу, к своим истокам, и возвращение это возможно только с помощью Бога и Церкви.

В заключение отмечу, что более опытному писателю, возможно, лучше удалось бы сказать и выразить то, что пытался передать я.

Поэтому надеюсь на снисходительность читателей, у которых может возникнуть масса вопросов ко мне, из которых самым главным представляется: "А зачем же в таком случае я пишу?" "Ведь хлеб лучше пекарю выпекать." На что я могу ответить просто: "Пишу, возможно, не столько потому, что писать умею, а потому, что от этого делаюсь лучше!"

12. 12. 2003

ЛУЧШИЙ НЫРЯЛЬЩИК

*Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но будет жизнь моя светла,
Пока жива любовь.*

Н.С.Гумилев

Нугзар неторопливым шагом поднимался по лестнице и рассматривал на стенах следы своего детства. Нет, он был не из тех, кто мальцом пачкал стены. Тогда это ему не нравилось, но сейчас он смотрел на вещи несколько иначе.

Из друзей его детства в городе, в котором все они выросли, почти никого не осталось. Друзья здоровствовали, но переехали жить в другие города.

- Всю жизнь человек доходит до какой-то отметки, после которой предпринимает крутой поворот и

начинает все сначала,- с такими мыслями он подошел к почтовому ящику с номером двадцать шесть. Ловко просунул пальцы в верхнюю щель, достал небогатую почту, нагнулся и всмотрелся в дырочки понизу ящика.

Неохотно достал из кармана связку ключей, извлек из ящика ещё два конверта. Подумал: "Не слишком ли богато?" и, не читая адресов отправителей, продолжил свой путь наверх. "Что движет этими неутомными, беспокойными людьми?" - размышлял на ходу.

В комнате бросил всю почту на стол и двинулся в ванную - принимать душ.

Душ пришелся ему по душе.

В полурасстегнутом халате, с большим холщовым полотенцем, взлохмаченный, предстал перед собой в высоком зеркале.

Отпив из стаканчика кефира, приблизил к зеркалу лицо,- щеки и нос покрывали морщины. На полуоблысевшей голове впервые заметил седину и почувствовал, как кольнуло в сердце.

Удрученный, он вздохнул и отошел от зеркала.

Устроился поудобней в качалке, принялся разбирать почту.

- "Динамо" начало проигрывать уже у себя на поле и не столь уж именитым командам,- подумал не без грусти, вспоминая, когда в последний раз был на стадионе.

Раньше у него обычно на каждый сезон бывал абонемент, дома стены пестрели таблицами, фиксирующими ход чемпионата. Словом, футбол в нем жил. Да и только ли футбол?.

Быстро пробежав заглавия газет, Нугзар добрался до корреспонденции.

Он уже и забыл, когда получал столько писем.

Первое письмо узнал сразу, оно было послано им самим бабушке знакомого. Сам удивился тому, что к ней он отнесся внимательнее, чем к самому знакомому. Не мог вспомнить причины, забыл, с чего это началось, но переписывался с нею ровно двенадцать лет, причем регулярно. А знакомого простыл и след.

- Жизнь поглотила,- предполагал Нугзар.

Адрес на конверте был перечеркнут крестом, а на обороте конверта значилось: "Адресат скончался в прошлом году".

Сердце второй раз кольнуло, и заметно сильнее.

- Ну, вот, Нугзар, ты потерял ещё одного друга,- мелькнуло в голове.

Бабушка была уже в возрасте, но Нугзар своих друзей по возрастным категориям не разделял.

Второе письмо было из Союза охотников.

- Наконец,то вспомнили,- подумал он,- небрежно обрывая край конверта. В нем содержалось напоминание об уплате членских взносов.

- Какое безобразие не платить уже четыре года! - досадовал на себя Нугзар.- Нужно будет сдать в

Союзохот ружье и вообще закрывать всю лавочку,- прихотям молодости пришел конец.

Нугзар пошел в охотники из-за щенка, которого подарили ему в деревне, шотландского сеттера коричневой окраски по кличке Леди. Собака была ему хорошим другом. Много им довелось испытать за недолгую жизнь Леди. Собаки более умной и чуткой Нугзар не видывал никогда в своей жизни.

Ему несколько раз предлагали других щенков, но он напрочь отказывался. Никак не мог забыть предсмертного взгляда, взгляда с мольбой о помощи.

- Сильнодействующий яд! То, что она еще жива, это - благодаря частичной отрыжке. Это конец, Нугзар, я ничего не могу поделать, ей осталось от силы полчаса,- были слова ветеринарного врача.

Нугзар в последний раз взглянул на Леди.

В горле поднялся ком.

По щеке покатила слеза.

Собака дрожала в ознобе и изредка слабо повиливала хвостом. Нугзар не забрал ее обратно, он попрощался с ней живой и не хотел ее увидеть другой...

Сквозь открытые незашторенные окна видны были качающиеся на ветру тополя, великаны. Шелест листьев шептал подошедшему к окну Нугзару о том, что было и чего не было за время его отсутствия.

- Я очень устал и не в силах что-либо предпринять,- молча жаловался он своим друзьям, разглядывая их совсем еще нежные, зеленеющие листья.

Он сделал глубокий вдох.

- О весна, ты чарующе прекрасна, твой аромат волнует душу, мне с тобой хорошо. Но скоро покинешь меня и ты. Только я один никого не покидаю,- подумал Нугзар, и тут же в его душу вкрался легкий испуг.

Он вернулся в комнату на звонок телефона. Услышал знакомый и приятный ему голос друга.

- Привет, старина, как жизнь?

- Спасибо, Темо, понемногу.

- Я словно чувствовал, что ты сегодня приедешь, как это тебе удалось?

- Да вот вырвался, соскучился по жене и сыну.

- Такова, брат, семейная жизнь - мотает тебя, невзирая ни на время, ни на километры.

- Помнится, вроде я не жаловался тебе на нее.

- Да что ты, я просто шучу, сам - как волчок... Ты надолго?

- Завтра утром вылетаю обратно.

- Да, маловато, но мне хватит и этого времени.

- Что случилось?

- Помощь твоя нужна позарез, - переменял Темо тон. - Пойми, мне очень неловко перед тобой, но без тебя дело - дрянь...

- Объясни толком, что у тебя стряслось.

- Ну, хорошо! Ты мог бы приехать к нам на базу?

- Прямо сейчас?
- Да, там все и объясню, сейчас времени нет!
- Но,- замялся Нугзар, задумавшись на несколько секунд. - Ну, хорошо,- согласился, зная, что без крайности Темо человека не побеспокоит.

Он еще раз обошел все комнаты в доме. Некое ощущение от всякой встречи с ними не покидало его в детстве и все более обострялось с возрастом.

- Слава богу, хоть есть кому убирать дом,- подумал он и теплая волна прокатилась по его сердцу.

Что же делать с кафелем, отлетевшим почти везде? Кухня, боже мой, на что похожа! Пожелтевшие и полубодранные местами обои свисали со стен.

- Когда и кому все это ремонтировать?!

- Эх, родители! Мы, дети, и предположить не можем, какую ношу вы носите на себе всю жизнь.

В спальне на него взглянули с фотокарточки жена и сын. Он сам их снял прошлым летом на море, когда они приехали навестить его, узнать, как ему работается и живется без них.

Хотя Нугзар считал себя сильным человеком, ему были знакомы чувства, перед которыми нелегко было устоять, и некоторым из них удавалось даже иногда извлекать из глубин его строгих глаз не одну пару слезинок.

Стоя перед шкафом с распахнутыми дверцами, он на минутку задумался, перебирая взглядом свою одежду.

В передней раздался громкий нетерпеливый звонок.

- Иду, иду,- послышался в ответ женский голос.

- На, возьми, пожалуйста, - попросила вошедшая, высвобождая из рук часть сеток с продуктами.

- Фу,у,- протянула она,- думала, отвالتها.

- Здравствуй, бабуля,- радостно поздоровался с ней маленький, лет пяти,шести, внук, естественно, считавший себя уже большим.

- А мне мама купила автомат, тр,тр,тр,- затрепал он игрушечным оружием.

- Ух, ты, какой молодец, иди ко мне, бабушка тебя поцелует.

Внук не брезговал лаской бабушки и всегда с радостью на нее отзывался.

- Где вы так долго, Русудан, я уже начала волноваться.

- Выходной день, мама, рынок забит людьми так, что и не пройти, Кахи чуть не потеряла по дороге.

- Зачем же так надрываться, когда можно попросить отца и он подбросит тебя на машине.

- Ай, ты ведь знаешь его, - ему всегда некогда!

- В этом он тебе не откажет. Ну, ладно, а теперь быстро мыть руки и кушать.

- Что там твой скиталец, не приехал и не позвонил?- спросила мать у Русудан за столом.

- Не знаю, мам, я ничего не знаю.

- А, что тебе знать? Когда еще было не поздно, я тебя обо всем предупреждала.

- Мой Нугзар - он такой чуткий, внимательный...

- А теперь что? На кого стала походить, исхудала вся.

- Мама, я пойду во двор, можно? - попросил Кахи.

Русудан улыбнулась ему в ответ:

- Можно, только ненадолго!

- Пока слушается,- подумала она.

- Ты хоть любишь его, Русудан, теперь?

- Не знаю. Хотя да, наверное.

- А он тебя?

- Говорит, что да.

- Это не любовь, в разъезде.

- Мы с ним никак не утратим любви друг друга,- улыбнулась Русудан.

- Не успеет он у нас с Кахи обжиться, как снова в командировку. Иногда мне кажется, что так лучше, человек всегда стремится к тому, чего у него нет. А у него нет нас. Боже, какую я чушь несу!

- И что только дает ему эта работа?!

- Все, кроме нас. Хотя, может, и нас тоже... Акваланги и море - это его беззаветная любовь еще с детства, а с любимыми он никогда не расстается надолго.

- Мне кажется, он и тебя приучил к своим отлучкам?

- Что ты, мама, к этому приучить нельзя. Я очень устаю от дел, но часто вспоминаю его. Когда устаю, от этого появляется новое дело. Вот так и живем мы с Кахи в ожиданье его.

- Раньше, помнится, он ездил очень редко, а сейчас зачастил.

- На хороших специалистов везде большой спрос. Сейчас он собирает материалы для экологов. Подводная жизнь - это интересно, конечно. Знаешь, однажды он взял меня с собою.

- Что ты говоришь?! Этого еще не хватало, чтобы он тебя там утопил!

- Хм,- засмеялась Русудан. - Переселиться бы туда и жить, хотя бы некоторое время, как человек, амфибия. Было бы здорово!

- Женщине в тридцать лет пора распрощаться со своей сентиментальностью. Живи там, где тебя мать родила.

- Мама, не напоминай мне о возрасте, пожалуйста.

- Все равно! Так больше продолжаться не может.

- Что ты предлагаешь?

- Разведись. На что он тебе такой. Всю свою молодость ради него погубила. Молодой жене нужен

муж, пусть решает, что ему важнее. Нельзя же так! Прошлый раз вообще на несколько часов появился, только расстроил нас и уехал обратно. Ничего себе номера?! В конце концов может себе и здесь какую-то работу подыскать. Сколько у тебя было поклонников, - один лучше другого. И что ты в нем нашла? Он же вон на сколько лет старше тебя!

Русудан молча слушала и вспоминала глаза мужа, когда он делал ей предложение. Она тогда почувствовала себя стоящей над некоей бездной. Уловила в них такую мольбу...

- Если бы я не вышла за него замуж, он бы точно помер,- произнесла вполголоса.

- Ого,го, так,таки и помер бы,- ехидно протянула мама. - Это коронный номер мужиков, уж я,то их знаю.

Раньше Русудан закатила бы после таких слов истерику, но сейчас она просто улыбнулась.

- Что ты, мама! Ладно, оставим, пожалуйста, этот разговор...

- Тебе видней, но учти, что живем мы на этом свете однажды. И я, и твой отец не желаем видеть тебя несчастной.

- Я знаю!

Русудан умолкла на минуту. Мама продолжала доедать десерт, яблоко, вздыхая при этом так, словно кто-то пичкал ее им насильно.

- Пойду,ка я взгляну на Кахи! - направилась Русудан через комнату в лоджию.

В комнате она заперлась на ключ и дала волю чувствам. Едва удержанные слезы брызнули фонтаном.

- Господи, за что мне такие муки, ведь я люблю его, люблю,- взмолилась она, падая лицом на кровать. Уткнулась лицом в подушку и долго рыдала, пока полностью не излилась в слезах.

Со стоянки рядом с кафе открывался вид на морскую гладь. Машин стояло больше обычного.

Спускаясь по асфальтированной дороге к спасательной станции, где работал Темо, Нугзар окинул взглядом навес неподалеку, под ним было многолюдно.

Нугзар приостановился. Заметил машину на пароме, недалеко от берега, и копошившихся возле него людей. Сердце защемило уже в третий раз за день. Нужно быть на море новичком, чтобы не догадаться, в чем дело. Ему была непонятна лишь его собственная роль в этом деле. Он вдруг взволновался и быстрым шагом направился к станции.

Заметил уже вышедшего к нему навстречу Темо.

Поздоровались за руку.

- Кто? - едва переводя дыхание, спросил Нугзар.

- Парень, двадцать четыре года.

Словно камень навалился на сердце Нугзара.

Он тяжело вздохнул, вытер выступивший на лбу холодный пот:

- Ну и номер устроил ты мне, дружище!
- Прости меня, я не мог иначе. Вот, погляди, это

родственники и близкие погибшего.

Они медленным шагом прошли к станции.

Темо все еще извинялся перед другом.

Проходя мимо собравшихся, Нугзар услышал за спиной:

- Это лучший ныряльщик, Нугзар Чедия, я узнал его!

- Привели, наконец!

- Чего ждали до сих пор?

Нугзар уже знал, о чем должен был просить его Темо.

- Как это произошло? - спросил Нугзар.

- Видимо, сердце. Пока не знаем! С девушкой был, хотел, наверное, показаться. Она утверждает, что он умел плавать. Собирались свадьбу на днях играть, - добавил Темо.

Следующие вопросы Нугзар задавал уже из наблюдательного пункта.

- Сколько уже дней?

- Три,- замешкавшись, ответил Темо.

- Что предприняли?

- Все, что было в моих силах: водолазы, шнуры, сейчас вот он,- показал в сторону моря Темо.

- Какого же черта твои люди не следят за лодками до того, как произойдет трагедия?!

- За всем и за каждым не уследишь, сам знаешь,-
понурился Темо.

Живые всегда грешны и виноваты перед
умершими.

Нугзар заметил в углу комнаты принесенный с
пляжа знак с надписью "Ни одной жертвы морю". Темо
заметил взгляд друга. Ему стало еще более неловко. Оба
промолчали.

- Место, на которое указала девушка, мы
обложили буйками. Прочесали весь район, даже больше,
словно сквозь землю, - продолжал объяснять Темо. -
Родители плачут, не унимаются, хотя бы труп желают
заполучить, странные какие-то. Обещают ни за чем не
постоять.

- Человека больше начинают любить и уважать,
когда он умирает. Но не умирать же ради этого, черт
побери! Однако они меня не интересуют, меня
интересуешь ты.

- Нужно закончить это дело!- в лице Темо не
было ни кровинки.

- Метеосводка того дня тебе знакома?

- Да.

- Что ты думаешь предпринять?

- Я уже не надеюсь и на этих, хочу попробовать
сам. Нугзар, ты меня хорошо знаешь, я не из трусливых,
но сейчас разговор не обо мне. Лучше тебя этих мест
здесь никто не знает, - выручай!

Нугзар тяжело вздохнул.

- Мимо воронок я тебя проведу, а вот там, где подводное течение, - Темо задумался, всматриваясь в товарища.

Нугзару вспомнилось детство, когда они с Темо ныряли в простых масках с трубкой и ластами, вооруженные сперва подводными ружьями, а впоследствии и подводными фотоаппаратами.

Но с тех пор многое изменилось и в их жизни, и в жизни моря. Море стало иным, и Нугзар знал об этом. Знал и о том, что новое море Темо знакомо более, чем ему, но не мог отказать другу.

- Ну и в историю ты попал, приятель! - пробормотал Нугзар, не прерывая мыслей о деле.

Вскоре катер, нагруженный необходимыми для работ принадлежностями, отчаливал от берега...

Раздался особенно резкий телефонный звонок. Сердце женщины словно сорвалось с высоты.

- Это он, - промелькнуло у нее в голове. Она подскочила с кресла перед включенным телевизором и бросилась на звонок. По пути поскользнулась на тщательно отлакированном полу и упала лицом вперед на колени.

К счастью, успела подставить руки.

- Мама, телефон, междугородний!- успела проговорить.

Мать сняла трубку, услышала мужской голос и тут же увидела поднимающуюся с пола дочь.

Хотела было отложить трубку и броситься на подмогу, но дочь покачала головой в стороны, в знак отказа от помощи. Через несколько секунд сама взяла трубку.

Разговор длился недолго. Русудан отвечала лишь изредка, сухо, отдельными словами: хорошо, понятно...

Симпатичная молодая телефонистка мило улыбалась клиентам, рассылая их по соответствующим переговорным кабинам.

- Что там у тебя, Нино, стряслось? - спросила женщина свою сотрудницу.

- Да нет, ничего,- с изумлением отвечала молодая телефонистка,- просто мужчина, который сейчас ушел, вел себя очень странно. Звонил в город по междугороднему, а потом вышел из кабины и уставился на меня, как баран на новые ворота.

- Ха,ха,- рассмеялась сотрудница,- видно, ты ему очень понравилась.

- Да нет, думаю, здесь посерьезнее было дело.

Нугзар почти не чувствовал качки, лишь тяжелая голова и глухой гул двигателей приковывали его к креслу.

- А, что? Что случилось? - озадаченно спросил он.

- Вам уже лучше, - послышалось в ответ, пока он с трудом различал силуэт стюардессы,- вот выпейте это,- протянулась к нему рука с чашкой.

- Что это?

- Минеральная.

- Спасибо, - поблагодарил Нугзар.

Стюардесса приложила руку ко лбу Нугзара и, улыбнувшись, удалилась в глубь салона.

- Что ей было нужно? - поинтересовался Нугзар у соседки.

- Вы бредили, по моему, молодой человек, и требовали остановить рейс. Что мне оставалось делать,- возмущенно и взволнованно оправдывалась старушка, сидящая рядом с ним.

- А,а, - произнес Нугзар, видимо, начиная приходить в себя. - Ну, конечно, конечно, вы правильно поступили, спасибо вам!

Старушка рядом, не скрывая явного возмущения, все еще покачивала головой и утыкалась взором в иллюминатор. Нугзар отпил из чашки с минеральной и погрузился в размышления.

Полет воздушного лайнера приближался к концу.

- Стоило ли мне вообще приезжать на этот раз? - думал Нугзар. - С какой целью приехал и с чем еду обратно? Хм, как это народная пословица гласит: ездил дурень в город, что он вез туда, а что - обратно?

У него было несколько часов, чтобы повидать семью, но он ими не воспользовался. Тешил себя надеждой: доработает еще оставшуюся пару месяцев, а потом бросит "дальнюю" работу и навсегда вернется домой. Хоть и не представлял свою жизнь без нее. Или семья, или любимая работа - на сегодня жизнь предлагала ему такой выбор. Но на сегодня он не мог поступиться ни тем, ни другим.

Он пытался проволочь решение вопроса во времени, надеялся, что проблемы, которые не может решить человек, порою решает время.

- И бедняге Темо не помог ничем. И чего я такой невезучий!- досадовал Нугзар.- Всю жизнь крутишься, вертишься, а толком ничего сделать не успеваешь.

Там, куда сейчас направлялся Нугзар, его ждала радостная весть. За кропотливый труд и интересные находки его представили к награде. Но обрадует ли его сейчас то, чем он раньше жил и что радовало когда-то? Он чувствовал, как вместе с ним старели его печаль и его радость. Но начинать жизнь заново, в сорок лет, ему тоже не представлялось возможным и благоразумным.

- Хм,- подумал он,- как там, в этой пословице, сказано: за двумя зайцами погонишься, не поймашь... ни одного или обоих? Что за чертовщина, опять забыл!

Лайнер свободно парил над роскошными пестрыми полянами. На одной из них Нугзар заметил

разбегающихся по разным сторонам лошадей, которые, судя по всему, убегали от настигающего их рева двигателей самолета.

С ушибленного колена молодой девушки текла кровь, из глаза одного из пассажиров покатила слеза, по иллюминатору самолета струились капли росы. Родители девушки негодовали, пилоты, управляющие лайнером, переживали за полет, воздушный лайнер перевозил пассажиров с их проблемами и грехами.

Кому из них сейчас было тяжелее?

Лайнер неожиданно резко нырнул вниз, аж так, что у пассажиров перехватило дыхание, и сразу выправил крен полета.

- Вот кто лучший ныряльщик! - решил один из пассажиров, подумывающий уже о том, чтобы взять этот маневр на вооружение у себя на работе, которая начиналась уже с самого раннего утра.

А вообще, то Нугзар считал лучшими ныряльщиками нырков, на которых они вместе с Темо охотились на катерах в годы юности. За все время охоты им не удалось подстрелить ни одного. Охотничьи ружья их не доставали, а на расстояние выстрела нырки их не подпускали.

Убедившись в тщетности своей затеи, они решили поучиться у них высшей степени профессионализма - нырянию.

Когда нырки исчезали под водой, один из них оставался на катере, а другой нырял за ними в маске с

трубкой и в ластах, и там, под водой, наблюдал за их плаванием.

Нырнув, птицы камнем опускались вертикально глубоко вниз, затем чуть,чуть всплывали и, выправляя крен плавания при помощи клюва, свободно парили в водном пространстве, в течение долгого промежутка времени покоряя километры подводного царства.

Затем всплывали ненадолго на поверхность воды далеко,далеко от того места, где ныряли, и вновь повторяли все по несколько раз за день.

Нугзару теперь приходилось делать то же самое. Он нырял в свою работу и лишь изредка выплывал на поверхность, чтобы повидаться со своей семьей и затем нырял снова.

Лучшие ныряльщики на то и лучшие, что могут долгое время оставаться под водой, что доставляет им достаточно пищи, радостей и удовольствия в жизни.

Люди часто ныряют в жизнь, как и нырки в воду, подолгу оставаясь под ее глубинными толщами и при этом редко выныривают, чтобы увидеть Солнце - Источник Света и Тепла - и глотнуть живительного свежего воздуха.

А выныривать на поверхность, хотя ненадолго, им обоим спасительно необходимо, ибо не только пищей единой они живы.

9. 09. 1984

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Что утеряно нами, какую вредную
оплошность мы совершаем, так, что сила
христианская от нас удаляется, вся
живность из нас уходит, и мы, как гробы
раскрашенные, как пустая скорлупка,
изнутри изъеденная червем?*

/Архимандрит Лазарь (Абашидзе)/

Надеясь подавить свой духовный кризис, Огар решил навестить бывшего однокурсника. К своему большому удивлению, застал его дома.

- Такое может случиться в год лишь однажды!- откровенно заметил он, в ответ на что раздалось:

- Когда заходишь однажды в год, конечно, да, Огар!

- Не скажи! Ты вовсе мой адрес позабыл!

Хотя Огару поговорить с другом, переворошить страницы прошлого, так тесно их связывавшего, было очень приятно, четыре часа беседы все же не принесли ему желанного облегчения.

Такого состояния он давно не испытывал. Не мог с тревогой не замечать, что со временем теряет вкус к окружающему, что все краски смешиваются в один, нелюбимый цвет, что давно как бы замер, притаившись и присматриваясь к окружающему в ожидании чего-то

необычного, словно предчувствуя, что жизнь готовит какие-то перемены.

- Когда теряешь одно, то находишь другое,- думал он с надеждой, которой сейчас был обязан жизнью.

- Но Адам и сытым не чувствовал себя полностью удовлетворенным, и тогда,то и встретил Еву, из-за которой впоследствии лишился рая,- неотступно лезли и вызывали раздражение мысли.

После того, что он натерпелся от своей "красавицы", он остерегался женщин. Считал их пропастями, которые следует обходить, чтобы дойти до некой загадочной и все еще неведомой ему высокой цели.

- Встреча, не утоляющая сполна жажду духовного общения, не оправдывает себя. Даже мешает схожим по характеру людям поддерживать контакты,- полагал Отар, подводя итог разговора с другом.

Еще на бегущем вниз эскалаторе Отар заметил пожилого, лет семидесяти мужчину, который позже попросил указать ему дорогу до нужной станции. Старик оставался попутчиком Отара всего две станции.

Отар не помнил, как разговорился с ним, но помнил его слова.

- Был у врача, выкачали три литра жидкости, но по-прежнему настаивают на операции.

- Раз настаивают, может - нужно? - с жалостью спросил Отар.

- Какое там, двоим из нашего двора сделали, и ни один не выдержал.

- А если будет хуже?

- Куда уж хуже! Жена тоже остерегала, говорила, не соглашайся. А сейчас сама померла.

- Ну, а дети, то хоть у вас есть? - поинтересовался Огар.

- Дети, то есть, дай Бог им здоровья. Только не до нас им - некогда, у них ведь свои семьи, свои заботы. Я им ничего, в сущности, и не говорю.

Старик вел беседу с Огаром нехотя. Сразу было видно, что он болен. Слегка дрожал.

- Может, вас проводить?

- Не надо, сынок, я сам!

Огару и раньше приходилось видеть больных, но старик его озадачил.

- Куда и как он теперь?

Его глаза - большие и измученные - запомнились и не давали покоя.

Пора было возвращаться домой, наутро его ждал новый рабочий день, но он не спешил. Знал, что дома ждет привычная бессоница и куча лекарств от нее.

- Лучше полюбоваться луной, - думал он, прогуливаясь по главному проспекту. Но луны в тот вечер не было видно.

Он флегматично проходил мимо афиш, магазинных витрин, изредка всматривался в ярко мигающие цветные рекламные надписи из

люминисцентных ламп. Мечтал, чтобы день не кончился. Но движение по проспекту утиhalo.

Проходя мимо телефонных автоматов, Огар не удержался. Отыскал монеты, набрал знакомый номер.

Первая монета досталась автомату даром, а вторая соединила его с грубым мужским голосом.

- Вам кого?

- Мне Ирину, если можно,- замялся Огар.

- А кто ее спрашивает?

- А вы кто, собственно, простите?- добавил после некоторой паузы Огар.

- Послушайте, ни один джентльмен не отважится в такой час звонить даме.

- Дай трубку,- послышался в трубке веселый голос Ирины.

- Алло, кто это спрашивает?

Огар немного отошел, услышав знакомый голос.

- Здравствуй, Ира...

- Здравствуйте! - не заставил себя ждать удивленный женский голос.

- Как поживаешь?

- Хорошо. А кто спрашивает?- по-прежнему удивленно спросила Ира.

- Не узнаешь?

- Сергей - нет. Нико, здравствуй! Откуда ты?

- Нет, это не Нико, я - Шалико, - с досадой отозвался Огар.

- Шалико?!- изумилась Ира.- Не знаю такого.

Ира бросила трубку. То же сделал и Огар, но чуть позднее, при этом иронически улыбнувшись.

Он не обижался, хотя и досадовал, что разговор не получился.

- Когда долго не появляешься на сцене, тебя начинают забывать,- подумал Огар.

Всю жизнь нужно играть что,то и во что,то. Иначе ты - никто. Для других, разумеется. Так актеры теряют свои роли.

Тебя забывают даже старые подруги.

Интересно, кто был этот мужчина? Уж не вышла ли она замуж? Если да, то сегодня я заварил ей, наверное, кашу.

Жениться или выйти замуж - значит потеряться, тогда почему же развестись - не значит появиться? Похоже, и тут необратимый процесс. Если A равно B , то это не значит, что B всегда будет равно A . Может, все зависит еще и от C ?

В детстве Огар больше всего боялся темноты, но сейчас понял, что в жизни есть вещи и пострашнее. Пробубнил про себя как,то сложенное четверостишие:

Не живи без надежды

И себе не лги,

Одиночество наше

Хуже смерти и тьмы.

И тут же утешился словами Омара Хайяма.

- Хм... лучше одному, чем с кем попало. Не то смотришь порой на человека, вроде бы внешне оставляет нормальное впечатление, а рот откроет, хоть за три, девять земель беги. Нет, пожалуй, Омар Хайям в этом прав.

- Да, оторвавшись от людей, не так, то легко к ним привыкнуть вновь... Тяжко как с ними, так и без них.

- Золотая середина,- ответил ему внутренний голос.

- Знаю,- согласился он и тут же добавил другое четверостишие:

Золотая середина,
Кто подскажет, где она,
Если здесь в сию секунду,
А в другую - где, то там.

- Но если люди, даже самые близкие и родные, рано или поздно оставляют друг друга, не может же человек оставаться совсем один, без некоего высшего присмотра?

Размышляя на ходу, он молча продолжил свой путь.

- В таком большом городе и - никого! Неужели Робинзону было тяжелее? Ясно одно - не легче,- с улыбкой заключил Огар.

Кто рано начинает, тот рано кончает, и ничего тут не поделаешь. Ему казалось сейчас, что он живет так, словно до этого и не жил.

Куда ушло все прежнее, все былое, куда?

Перед временем не в силах устоять ничто - даже само время, тем более ни сила, ни любовь. Может, в этом - причина всех несчастий и невзгод? Дело в том, чтобы эта концепция помогала людям жить, а не наоборот, как это часто бывает. Ставила бы их перед пропастью, с условием обязательного продвижения вперед, даже тогда, когда крылья у человека оказываются давно подрезанными.

В таком случае любая другая дорога, кроме как вперед, - обреченность.

Как в той сказке: налево пойдешь - сердце насквозь пробьешь, направо - голову сложишь, прямо - вовсе нет дороги, сзади- смерть летит стрелой, а сквозь землю провалиться не позволяют небеса.

Стоять и ждать? Смешно: чего же? Или, быть может, просто испариться? Но как?!

Ладно, простимся на всякий случай кое с кем и кое с чем, чтоб плоды неблагодетельства не нависали потом над нами тяжелой тучей.

Размышления помешали Огару заметить идущую навстречу молодую пару.

- Здравствуй, Огар! Слава Богу, хоть на улице встретились.

- Тенгиз? - удивился Огар.

- Ну, конечно! Куда ты исчез? Как сквозь землю провалился? Не навещаешь ни к кому, словно, кроме тебя, никто и не работает.

- А сам,то? - подумал Огар, но промолчал.

- Знакомься, моя супруга. Были с ней в театре.
- Вика,- кивнула головой спутница.
- Очень приятно! Огар! - деликатно отозвался он

и полюбопытствовал:

- А в какой театр ходили,то?
- В "Современник".
- А где это?
- А вот тут, недалеко, пониже главной площади, помнишь, церковь там была. Подремонтировали ее, устроили отличный зал, в общем классно получилось!

- И на свадьбу ко мне не пришел!- сменил вдруг тему разговора Тенгиз. - Правда, ее и не было, как таковой, но ребята все же явились. Огар, что с тобой?

- Да так, ничего особенного.
- Слушай, браток, живи попроще, вот тебе мой совет. Бери пример с других. Учись жить, один раз ведь выпадает нам это, в конце концов. Все работают, как говорится, по зарплате не убиваются, пьют, гуляют, веселятся с подругами, с друзьями. Ну, а ты чего, "горемыка"? Что,нибудь стряслось?

- Нет, ничего, - изменил тон Огар,- просто временное затмение. Ищу выхода из жизненных проблем и ответы на них.

- Так, значит, решаешь очередные вопросы, поставленные жизнью? - улыбнулся Тенгиз.

- Может быть.

- Ну, ладно, Бог с тобой! Разрешай поскорее и возвращайся к нам. Нам тебя очень не хватает. Обещаешь?

- Постараюсь.

- Ну, счастливо тебе, извини, очень спешим. Да, ты помнишь Андрея Эбралидзе?

- Конечно, - припоминая, ответил Отар с испугом.

- Нет уже парня,- с грустью добавил Тенгиз.

- Отчего? - почти равнодушно спросил Отар.

- Перитонит. Ну, ладно, всего!

- Всего...- пробормотал Отар, провожая уходящую пару взглядом.

- Андрей, Андрей, прости бросившего тебя друга!

Отар пробормотал эти слова почти без боли, почти равнодушно, и от сознания этого помрачнел еще больше.

Воистину: все блага мира сего - лишь утешение смертных.

- Было время, мы с тобою дружили, - припомнил Отар. Но потом пути, дорожки разошлись, как это часто случается в жизни. Ничего не поделаешь, у каждого человека в жизни своя дорога.

К числу своих отрицательных качеств Отар относил, наряду с другими, и то, что никогда не возвращался туда, где был счастлив. Порой он пугался себя - когда земного счастья казалось недостаточно...

То были бессмысленные уже для него духовные рубежи, которых он всего более остерегался, хоть с точки зрения жизненной стратегии они и представлялись весьма удобными. За это он часто себя бранил, но ничего с собой поделать не мог.

Не мог без всякого сожаления не замечать в себе и того, что в последнее время у него пропал интерес к чему бы то ни было. Столько всего вокрут, а все равно - пустота.

Угнетающая пустота безжалостно гнала его к уяснению самого себя, определению своего места в жизни. И пугала его, и наполняла надеждой. Как ветер, дула ему в спину, словно в паруса и нашептывала: иди, иди вперед, смело, пока не отыщешь свою дорогу! Делать что-то, конечно, приходилось, но ни энтузиазма, ни интереса к делаемому не возникало. Скорей, обострялось чувство неудовлетворенности, и он укорял себя за попытку нарушить свой старый принцип: "Не искать выхода из безвыходного положения".

Только сейчас припомнилось ему некогда знакомое чувство, которое он испытывал подростком, когда родители оставляли его одного - в доме отдыха, за городом, в пионерском лагере. Там бывало весело и хорошо, но загадочная, таинственная грусть, имя которой он тщетно искал всю жизнь, все равно жестоко угнетала его. Он не выдерживал такого "сурового" испытания, и умолял родных забрать его обратно.

Да и сейчас все окружающие его люди как люди, а он среди них будто белая ворона. Вроде как не от мира сего. Поиски еще не открывшихся ему тайн, которые предстояло постичь, мучали и изводили его. Он чувствовал себя словно перед своим вторым рождением.

- Плоды дурного воспитания?! Если таковое и имеется, то лишь вина самого воспитуемого. Ребенок должен научиться думать сам, ему самому нужно отличать плохое от хорошего,- думал он, вспоминая прошлое.

Откуда в человеке столько меланхолии? Она накапливает в нем губительную желчь, без которой он не может жить и которая в то же время его так бесцеремонно и безжалостно угнетает.

Сколько же тайн скрывают в себе глубины человеческой личности, не видимые снаружи!

Оказывается, чтоб погубить человека, вовсе необязательно подрубать ему крылья, отрезать конечности, язык, затыкать уши, рот, выкалывать глаза... Достаточно оторвать его от корней, истоков.

- Если мы - пришельцы с небес, то, может быть, разлука с нашей истинной родиной и есть причина наших переживаний, - подумал он вдруг.

Как все просто!

А что, если причина всего этого - время?! Оно безжалостно ко всему живому на земле. В последнее время ему кажется, что скорость его протекания возросла в нем чуть не в два раза.

- В два раза, если не больше, - повторил Отар.

Это походило на закат во время восхода.

Отар взглянул на пасмурное ночное небо:

- Значит, ты предоставило мне жизнь взаимы, сжалилось надо мной, как однажды над Лилиан Ремарка? Ну, что же, скажу тебе спасибо только из чувства такта. Ты ведь наделило меня разумом не только ради того, чтоб я мыслил, но и, наверное, чтоб мысли привели меня к открытию чего-то самого главного и важного в моей жизни?

Ты можешь и не отвечать, любой ответ твой не облегчит моей участи.

Жизнь, укороченная вдвое... Разве она вдвойне красивей? Сделала бы людей благородней и красивее жизнь на земле, укороченная вдвое, втрое? Или погубила бы их вдвойне, втройне? Стал бы от этого человек быстрее думать, передвигаться и раньше приходить к своей цели? Какой смысл в сознании и в мыслительном даре человека, если они не приведут его к цели - к истине. Истина... я чувствую ее, но не вижу.

Мне всего лишь двадцать шесть. Боже, как доживают люди до семидесяти, восьмидесяти, причем умудряются еще не сойти с ума? Хотя частично это им все же удается.

Он уже не желал и думать, но мысли упорно одолевали его. Не хотел смотреть, но упрямые глаза почти все кругом видели и запоминали. Не желал идти домой, но что-то толкало его вперед. Наконец,

сопротивляясь себе, он попытался отмахнуться, но руки не слушались его... Под утро, с первым щебетом птиц и скрежетом трамваев, выезжающих из парка, Огар возвращался домой.

Мимо него проехали поливальная и мусорная машины.

Давно позабывшееся дыхание свежей росы с газонов и первые лучи наступившего утра вселяли в него бодрость и крохотную надежду на предстоящий день. Даже солнце умудрилось, преодолевая толщу густых тяжелых облаков, выглянуть на несколько минут из заточения, чтоб пригреть пробудившуюся веру человека.

Все во времени, но где оно?

- А может быть, уповать на время и приписывать ему все беды так же безрассудно и нелепо, как и совсем забывать о нем? - мелькнуло у Огара. - Значит, вся суть в человеке и в том, как он ко всему случающемуся относится?

Значит, есть надежда, хоть какая-то, на будущее, хоть оно невидимо и скрыто?

Он проходил мимо бани, двери которой радушно принимали и провожали посетителей. Стаи голубей теснились на ее крыше, слетаясь на продолжительные передышки между дальними перелетами.

- Хм, поговаривают, что здесь раньше была красивая церковь, а теперь - на тебе...

Два рыболова настигли и легко обогнали Отара, о чем, то нетерпеливо и весело переговариваясь между собой.

Счастливейшее лицо Отару видеть не приходилось.

- Наивные,- подумал он,- сумасшедшие, в такую погоду, но счастливые,- добавил он с доброй завистью.

Сейчас ему очень хотелось спать.

Когда он подходил к своему дому, в окне у себя заметил свет.

- Что это, оставил включенным или у меня гости?

Вставив ключ в замочную скважину, прежде чем открыть дверь, задумался на минуту:

- От самообмана я однажды уже убежал, и не вернусь к нему уже никогда.

14 .09. 1988

ДЕЛА КУРОРТНЫЕ

*Люди — как реки ...
Все в человеческой гуще
Течет, все изменяется.*

Старая мудрость

Большая стрелка часов перемахнула за двенадцать.

- Пора, - послышалось в зале.

Двухстворчатые двери распахнулись, и люди, почти организованно, направились в зал. Они проходили сквозь ряды столиков, словно грибы, разбросанных по "поляне" с крышею, удерживавшейся массивными колоннами, словно вековыми дубовыми стволами.

Каждый направлялся к своему столику.

Молодые девушки, официантки уже давно копошились на кухне, уставляя блюдами и украшая, словно новогоднюю елку игрушками, свои двухэтажные передвижные коляски.

Так у них начинался каждый рабочий день. Их каждодневному энтузиазму можно было только позавидовать, и, пожалуй, единственной наградой для них оказывалось "спасибо" от стола. Но случалось порою и по-иному: дежурному приходилось разбирать

заявления отдыхающих. Попадались замечания и этим девушкам в белых передниках.

Они, словно жонглеры в цирке, обращались с кухонной утварью, за время от "подайте, пожалуйста, это" с одного стола до "принесите мне, пожалуйста", - с другого.

Но, увы, этого никто в этот обычный рабочий день не видел и не замечал так явно, как Мария Михайловна - дежурная по залу. Да и кому до этого было дело, у всех были свои планы на день и свои заботы.

- Молодцы мои девчата!- с радостью думала Мария Михайловна, глядя, как те управляют.

Одни уходят, их сменяют другие, и так каждый день, а девчатам работа все веселей.

Что ни говори, а гармонь все,таки вдохновляет. Работаем в ожидании конца смены, когда приходят гармонист и учитель пения, и тогда,то уж изливаем душу,- просматривала Мария Михайловна журнал посетителей.

- Столик шесть - двое, семь - трое... одиннадцать - четверо. Многие уехали, но скоро приедут другие. Ничего не поделаешь, каждый встречает Новый год по своим возможностям, и не каждому одинаково радостно его приближение.

Перед новогодней ночью за столиками и в самом деле поредело, но от этого работы стало не меньше.

Все расселись, устроились. Мария Михайловна обошла отдыхающих, расспросила о здоровье, о том, как им живется у них.

- Как поживают мои девочки? - улыбаясь, спросила, задержавшись ненадолго возле шестого столика.- Как вам отдыхается? Насчет меню нет ли замечаний?

- У вас все чудно, Мария Михайловна, спасибо вам большое за внимание,- с ответной любезностью отвечали Надежда Николаевна и Клавдия Петровна.

Ну, а кроме обмена любезностями, им было чем поделиться друг с дружкой. И советы, и дельные предложения и, даже секреты. Женщины, даже незнакомые, всегда находят, о чем поговорить, причем делают это порой с таким рвением, что трудно бывает определить срок давности их знакомства.

Красота и тяга к общению, пусть даже к банальному, - это то, чего не смогла отнять у них вся история существования человека на земле.

- Клава, кто эти деликатные люди? - обратилась Надежда к сидящей рядом подруге, указывая на своих соседей за столиком семь.

- Муж и жена, - ответила Клавдия,- муж - художник, а она, кажется, в органах печати работает.

- Ты с ними знакома?

- В принципе нет, так, слышала, о них в холле рассказывали.

- Хм, о ком здесь только не рассказывают. Наверное, и о нас с тобой, Клава?

- Наверное. Ой, да пусть болтают, что угодно, мне от этого ни холодно, ни жарко.

Надежда потянулась за бутылочкой с подсолнечным маслом.

- Подсолнух - лучшее желчегонное средство, Клава. Тебе это известно?

Клавдия промолчала. Откусывая кусочки хлеба, она водила глазами по залу.

- Неужели ты и впрямь думаешь встретить его здесь? осведомилась Надежда, подливая масло в салат из свеклы, моркови и капусты с картошкой.

- Не исключено.

- По,моему, он все же должен быть в зале рядом.

- Может быть,- вздохнула Клавдия.

- Ешь, Клава, ешь, чего ты одним хлебом питаешься? Фигура у тебя неплохая, но столько хлеба...

- Не хочется что,то кашки, подожду второго. Зря мы с тобой вчера объелись салом, Надежда.

- Ничего, на танцах с ним все утрясешь.

- Да нет, печень что,то ноет.

- Ну, выпей пока хотя бы теплого чая. Может, принести шиповника?

' - Да нет, не надо, пройдет!

В зале слышался ритмичный и негромкий шум: постукивание стульев об пол, звуки падения ножей и вилок и какие,то непонятные слова от соседних столов.

- Вообще, то на вид - весьма интеллектуальные и интересные люди...

- Ты о ком? - спросила Клавдия.

- О соседях,- указала в очередной раз Надежда на столик с номером семь.

- А,а,- протянула Клавдия.

- Сколько им, примерно, будет лет, интересно?

- Они, наверное, старше нас лет на десять, возможно, что им и чуть больше - этак за шестьдесят...

- Знаешь, они всегда приходят очень рано и почти каждый раз решают все новые и новые кроссворды. Причем видно, что муж делает это нехотя, а жена то и дело донимает его своими вопросами, на которые не всегда получает удовлетворительные ответы. На его лице всегда удивительное спокойствие и загадочный флегматизм.

- Он живет только благодаря ей. Видно, давно уже махнул рукой на свою жизнь. Люди говорили, что она его вырвала из лап смерти. Вот и сейчас уговорила его приехать на Минводы. Вот это любовь, да, Надежда?

- Любовь преданная, что соседствует с любовью красивой и деловой,- вздохнула Надежда.

- А какая любовь была у тебя, Клавдия?

- Ах, да какая там любовь, когда муж напивается и размахивает кулаками. Не зря все,таки я с ним развелась. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

- Ну, а в начале хоть она была?

- Была, раз у нас есть Алена. Бедняга, и ей с мужем не повезло,- добавила Клавдия после короткой паузы.

- Не расстраивайся, Клава, мужчины все одинаковые, разве что некоторые... Но разве сразу поймешь?

- А как у тебя сложилась жизнь в этом плане?

Клавдия успела заметить, как слезинка со щеки подруги угодила прямо в стакан с чаем.

Она положила руку на рукав Надежды.

- Надежда, что ты? Прости, пожалуйста, если обидела, я этого не хотела.

- Ничего,- едва слышно произнесла Надежда, разыскивая в сумочке носовой платок.

Люди длинным потоком выходили из столовой через узкую дверь, расходились в разные стороны.

Двое мужчин в голубых спортивных костюмах, с непрозрачными целлофановыми сумками в руках стояли в стороне от выхода, с любопытством разглядывали выходящую толпу.

- С добрым утром, Клава,- позвал высокий худощавый мужчина в спортивном костюме.

- Ой, Гена, привет!- радостно отозвалась Клавдия, быстрым шагом подходя к ожидавшим.

- Это мой друг, Слава, познакомьтесь!

- Очень приятно, - поздоровалась Клавдия с незнакомцем за руку.

- Мне также, - со сдержанной улыбкой ответил Вячеслав.

- Надежда к нам не подойдет? - спросил Геннадий.

- Как же, - подозвала Клавдия к себе подругу.

- Ну, вот, все хорошо, теперь мы все знакомы, - заметил не без радости Гена.

- Куда ты вчера запропастился? - назойливо спросила Клава.

- Клавочка, не суди меня, пожалуйста, ЧП.

Лучше скажите, что вы сегодня делаете?

- Что, опять что-нибудь дельное? - поинтересовалась Клава.

- Ага, культурно,развлекательная программа. Сегодня в семь в Доме культуры танцы. Мы были бы очень рады увидеть вас там.

Клавдия взглянула на подругу. Надежда едва заметно покачала головой.

- Да, сегодня ничего не получится, к сожалению, - пояснила Клавдия.

- Ну, почему, Клавочка?

- ЧП.

- А завтра? - спросил Гена вслед уходящим собеседницам.

- Поживем, увидим, - пообещала Клава.

- Ну, погодите, хоть немного поговорим.

- Некогда, на процедуры опаздываем.

- Вот чудные, ни одной ошибки не простят, непременно ответят тем же,- расстроился Гена.

- Ладно, Слава, пошли и мы.

- Ничего себе, кавалеры,- жаловалась Клавдия Надежде,- рады были бы увидеть. Что им, пару рубликов жалко, не могут пригласить по,человечески?

Надежда всю дорогу, пока не разошлись, молчала, лишь выслушивая рассказы подруги о ее новых знакомых.

Вечером в фойе здравницы было сравнительно тихо, но многолюдно.

Одни смотрели телевизор, другие играли в домино, шахматы, а кто и отдыхал у себя, хотя последних было очень мало.

Надежда Николаевна сидела на своей убранной кровати и под светом настольника перелистывала время от времени страницы истрепанной книги, обернутой в газету.

Вдруг ей послышался знакомый голос, затем смех. Смех продолжался долго, несколько минут с непродолжительными перерывами.

- Хм, ничего себе больная,- продолжила Надежда читать книгу.

Раздался стук, затем скрип открывающейся двери и все тот же знакомый веселый голос.

- Заходите, ребята, посидим немного,- приглашала Клавдия гостей.

Надежда успела отложить книгу и приподняться с кровати.

- Добрый вечер, Надежда Николаевна, нам без вас было скучно,- заметил Гена.

- Что вы говорите? Извините, но я не могла этого предусмотреть,- съехидничала Надежда Николаевна.

На мгновение возникла пауза.

- Да!- произнес Гена.- Ну, ладно, мы пойдем, Клавушка, мы действительно не вовремя, досвиданья.

- Досвиданья, - не поскупилась ответить Надежда Николаевна.

Клавдия Петровна долго неподвижно смотрела на захлопнувшуюся дверь.

- Извини, Клава, если испортила тебе вечер.

Клавдия Петровна поставила небольшие чашечки обратно в шкаф.

- Ребята хотели выпить с нами бутылку шампанского... всего навсего А ты их прогнала.

Надежда молча вздохнула, уткнувшись в книгу.

- Надя, ну на что это похоже, скажи мне, пожалуйста. Как ты себя ведешь? Неужто не начиталась за всю жизнь, что каждый вечер ни на минуту не расстаешься с этой проклятой книгой. Встань и посмотри, как ты себя загнала.

Надежда оторвала голову от книги, взглянула на Клавдию.

- Какое тебе до меня дело? Как хочу, так и живу, и не тебе учить, как мне жить.

- А,а!.. - протянула Клава.- Не понравилось. Сколько же ты проживешь еще так, как ты думаешь?! Или надеешься со своими болячками дотянуть до глубокой старости?

Спор постепенно переходил в крики.

- Клава, прекрати сейчас же.

- Нет, раз уж я начала, то доскажу до конца. Хочешь знать, что о тебе говорят?

- Меня это абсолютно не интересует.

- А ты все,таки послушай. О тебе говорят, что ты уже не женщина, что мужчины тебя, следовательно, вовсе не интересуют.

- Замолчи, дрянь! - вскрикнула Надежда и наградила подругу пощечиной.

- Сама дрянь! - хлопнула Клава подругу подушкой по голове так, что она отлетела почти к противоположной стене.

Надежда Николаевна отвернулась и заплакала. На некоторое время воцарилась тишина.

- Ой, Наденька,- расслабилась Клавдия,- прости меня, пожалуйста, прости меня.

Клавдия Петровна подбежала к подруге, опустилась на пол, помогла ей подняться.

Усевшись на кровати, они смотрели друг дружке в заплаканные глаза, а затем, обнявшись, зарыдали вместе.

Наплакавшись, продолжали всхлипывать и извиняться друг перед другом, вытирая покрасневшие глаза.

- Куда же ты ходила сегодня одна, дурочка? - спросила наконец Клавдия.

- Звонила домой, с сыном разговаривала, - ответила все еще не успокоившаяся Надежда.

- Надя, что у тебя там, исповедуйся, - посоветовала Клава.

- Теперь уже нет смысла молчать. В прошлом году я в который уже раз за последнее время уложила мужа в больницу. Астма замучила беднягу, и видно было, что постепенно он начал сдавать. Знаешь, не силы у него были на исходе, а подводило желание помочь самому себе.

В тот день, когда я в последний раз повидала его в палате, он был такой веселый, сравнительно свежо выглядел, шутил.

Врачи хотели устроить ему пенсию, но он отнекивался, говорил, что они не успеют. Он оказался прав. В тот день я его, оказывается, видела в последний раз,- вздохнула Надежда,- кто бы мог знать! Он сбежал из больницы и исчез.

Вот уже больше года, как мы никак его не найдем.

Где только не искали, что только не предпринимали, все безуспешно. Столько средств, нервов и времени ухлопали.

Свою судьбу определил, но хотя бы обо мне с сыном подумал, - снова заплакала Надежда.- Кто теперь я, вдова, не вдова? Жить ли, не жить, и как?!

Долго, почти всю ночь, подруги провели вместе в слезах и продолжительных разговорах. Под утро силы их стали иссякать, клонило ко сну.

- Хватит, Надежда, томить себя и терзаться. Ты любила его и сделала все, что могла. Ну, что ты изменишь слезами? - Ничего! Поживи немного для себя. Не останется он один, не волнуйся. Во,вторых, глядишь, и когда,нибудь объявится.

- Ты думаешь?

- Конечно, все может быть!

- Нет,- покачала головой Надежда, - столько времени прошло!

- Жизнь тебе сама подскажет, что делать дальше,- успокаивала ее Клава.

Шли дни, и подруги постепенно свыкались с жизнью в санатории. Хотя морозец по утрам не радовал, зато тепло людей обогревало души.

- С добрым утром, мои хорошие,- поздоровалась Мария Михайловна,- как отдыхается? Так, сегодня у нас испортилась одна печь, и мы вам меняем меню. Вот, пожалуйста,- протянула она двойной печатный листок.

- Это меню на весь день?- спросила Клавдия.

- Нет, я думаю, к полудню мастера печь исправят.

- Ну, что будешь заказывать, Клава?

- А что выбрала ты?

- Блинчики с творогом.

- Тогда мне тоже блинчики с творогом.

- Вот и хорошо, заказ принят,- отошла от их столика Мария Михайловна. Да, девочки, я тут двоих ещё к вам подсадила - сын и мать, думаю, поладите.

Надежда кивнула головой.

- Клава, ты любишь блинчики с творогом?

- Так себе,- ответила Клава.

- Я тоже не особенно.

- Хм, зачем же заказывала?

- Муж их обожал. Помню ещё в свадебном пичкал меня ими. Станным был каким,то в ту пору. Был уверен: что нравилось ему, должно было понравиться и его молодой жене. Хотя за время нашей совместной жизни ему все,таки удалось склонить меня к блинчикам. А мой Вовка их не ест.

- Какой он у тебя, Вовочка?

- Большой уже, женился, но тоже со странностями. Почему,то ему не нравится все, что я для него покупаю. Неужели я стала такой уж старомодной, Клава?

Клавдия улыбулась в ответ.

- Спрашивает: мамочка, тебе нравится это? Если отвечаю положительно, он предлагает мне носить это самой.

Надежда, улыбаясь, слегка покачала головой.

- Похоже, наши новые соседи по столу идут,- заметила Клавдия.

Надежда моментально перевела взгляд на них.

Молодой человек лет тридцати, среднего роста, с прямыми волосами и удлинённым лицом, в джинсовых брюках и куртке, сопровождал пожилую, лет шестидесяти мать.

- А он вовсе не дурен собой,- вполголоса вырвалось у Клавдии.

- Здравствуйте,- поздоровалась первой дама, подходя к столу и отодвигая стул,- разрешите?

- Здравствуйте, - сухо проронил и сын.

Первый день знакомства прошёл мрачно. Каждая пара ограничивалась разговорами между собой.

Но понемногу Алексей, как представился молодой человек, и его мама, Пелагея Андреевна, находили общий язык со своими новыми знакомыми, и за столом порой завязывалась обоюднo интересная и веселая беседа.

Тон задавала Пелагея, вороша веселые страницы своего прошлого. Восхищение слушателей не всегда удерживалось одинаково прочно.

- Ну, ты даешь, Пелагея Андреевна? - то и дело покатывалась Надежда.

- А помнишь, Клава, мы волновались, думали, не повезло, - обращалась Надежда к подруге.

Пожалуй, из всех четверых наибольшие неудобства испытывал Алексей, пониманию которого были недоступны многие детали в беседе женщин. К

тому же рассказы матери ему приходилось слышать уже неоднократно. Но он не мог не заметить, что в новой аранжировке оригинальность их возростала вдвое. Возможно, она кое в чем и перебарщивала.

Благодарные слушатели не оставались в долгу. Официально объявив Алексея своим человеком, делились с Пелагеей сокровенными секретами жизни на курорте. Учились у Пелагеи регулировать свои провалы и взлеты в зародившихся курортных, как они называли, романах.

Было еще много встреч и интересных для женщин бесед до минут прощания друг с другом, не обошедшегося, конечно же, без поцелуев.

Клавдия Петровна добродушно и дружески, как сына, целовала Алешу.

- Прощай, Алеша, счастливо тебе! Слушайся маму, славная она у тебя. Короче говоря, всего хорошего,- расточала пожелания Надежда Николаевна,- ну, а мужчин я вообще не целую, не обижайся.

Случилось так, что Пелагея Андреевна и Алексей уехали раньше, хотя и приехали позже Надежды Николаевны и Клавдии Петровны.

В жизни часто действуют законы информационных стеков, когда пришедший последним уходит первым. Ладно, если это происходит только в хороших аспектах.

Теперь уже Клавдии Петровне приходилось оборвать свой отпуск и возвращаться домой раньше Надежды Николаевны при том, что приехала она позже. Такое решение вынудил ее принять недавний телефонный разговор с дочерью, и она была убеждена, что ее материнское сердце не допустит ошибки.

- За Аленкой присмотреть надо, - поясняла Клавдия Петровна,- там один парень подъезжает к ней, а он мне так не нравится.

- Молодые сами разберутся, Клава, не вмешивайся,- попробовала удержать ее Надежда Николаевна.

- Да, как же! Мы все в молодости думаем, что прекрасно разбираемся во всех жизненных вопросах и не нуждаемся в помощи, даже родительской, хотя бы в советах, однако...

- Да,- подтвердила Надежда Николаевна,- если бы молодость знала, если бы старость могла...

- Все мужики подонки, их надо давить, как клопов,- вскрикнула Клавдия Петровна с подступившими к глазам слезами, крутанула большим пальцем и прошлась ногтем по столу так, как если бы ей уже довелось осуществлять обещанное.

- Клава, что ты?- ошеломленная, едва выговорила Надежда Николаевна.

- У них только одно на уме!- расплакалась подружке "в рубашку" Клавдия Петровна.

- Ну,ну,ну,- утешительно похлопывала ее по плечу Надежда Николаевна.- Не волнуйся, у Алены все будет хорошо!

- Сейчас я не об этом,- пробормотала Клавдия Петровна.

Надежда Николаевна помялась, вопросительно посмотрела на подругу.

- Прости, Надя, ты была права, а я дура, что тебя не послушалась.

Удивление Надежды Николаевны росло с каждым словом подруги.

- Просто вся жизнь прошла без большой любви. А ее так хочется! Так больно и страшно, что умрешь и не успеешь ее испытать, хоть ненадолго, хоть чуть,чуть. Мотаешься без устали по жизни, мотаешься, и только и думаешь - встретить бы ее, пусть даже сгоришь в ней. И ради этого, Господи, прости меня, ничем не жаль поступиться - ни честью, ни благополучием, ни даже жизнью.

Клавдия Петровна расплакалась уже на полную катушку.

Надежде Николаевне едва удавалось удерживать ее порыв. Она чувствовала, с какой силой билось ее сердце, и боялась, что вот,вот оно выпрыгнет из груди.

- К черту честь, жизнь, здоровье и все на свете,- рыдала Клавдия Петровна,- любовь, настоящая большая любовь, где же ты, где, отзовись! Господи, помоги мне ее найти и не убей до этого.

- Ладно тебе, Клава,- утешала ее Надежда Николаевна, - ты ищешь то, чего не существует на свете.

Клавдия Петровна неожиданно умолкла.

- Ты что это, серьезно?- спросила она сквозь слезы.

Надежда Николаевна утвердительно кивнула головой.

- Да, но как же без этого жить, Надюша?

- Как живем,- пояснила Надежда Николаевна.

Страсти потихоньку улеглись.

- Ну, ладно, что еще у тебя там стряслось?- спросила Надежда Николаевна.

Клавдия Петровна молча понурилась.

- Это тебя твой красавчик обидел?

Последовал легкий подтверждающий кивок.

- Не скажи!.. У вас что,то было?- всплеснула руками Надежда Николаевна.

Движение головы повторилось после паузы.

- Что?- возмутилась Надежда Николаевна.- Ты с ума сошла? Когда? Мы же почти все время были вместе?

- Много ли нужно времени...

- Ну, погоди! Я ему устрою,- в гневе бросила Надежда Николаевна, порываясь лететь к обидчику.

- Погоди, Надя, дело не в нем,- теперь уже приходилось успокаивать ее.

- То есть как это?

- Я сама, первая... и не жалею об этом. Даже сейчас.

- Тогда какого же черта...
- То есть не к нему потянуло, а к той любви, какую, показалось, я наконец,то встретила.
- Где он сейчас, интересно?
- Уехал!
- То есть как уехал?
- Вот так вот, взял и уехал! Неожиданно, тайком, не попрощавшись.
- Да, но ведь он приехал гораздо позже нас. Вроде так?

Клавдия Петровна склонила в знак согласия голову.

- А между тем обещал, что проводит, что обменяемся адресами, что будем переписываться, что пригласит меня к себе и что даже подумывает о том, как связать со мною свою жизнь. Он же тоже представился разведенным.

- Подонок!- заключила Надежда Николаевна.

Подруги долго еще обсуждали проделки знакомого красавчика.

Через несколько дней Клавдии Петровне устроили роскошные проводы. Только исходили они не от того, от кого она мечтала. Прощальное застолье устроили Надежда Николаевна и Мария Михайловна с ее девичьей свитой.

- Все равно мне удалось выхватить у жизни минуты счастья, которые могут и не повториться,- утешала себя в душе Клавдия Петровна, и уже через час

прощально помахивала подружкам рукой из,за большого окна отъезжающего комфортабельного автобуса.

А еще через несколько дней то же Мария Михайловна обещала устроить и Надежде Николаевне, но та напрочь отказалась от нескромных проводов, ограничившись теплыми словами благодарности хозяйке столовой.

- Алло, Вовочка, ну как вы там,- громко спрашивала по телефону Надежда Николаевна.

Разговор устроили по заказной связи из кабинета администратора.

- Ничего, ма, как ты?

- Все хорошо, вылетаю через несколько часов, буду к полудню. Слышишь?

- Слышу, мам, слышу, мы тебя встретим.

В аэропорту проходила регистрация на полет по объявленному рейсу.

- Гражданочка, вы - Надежда Николаевна?- разлетелся молодой человек в форме сотрудника аэропорта.

- Да,да,- удивленно протянула Надежда Николаевна.

- Пройдемте, пожалуйста с нами на досмотр.

Двое сотрудников проводили ее в отдельную комнату. Усадили в удобное кресло, перед широким столом с полированной поверхностью, оставили одну, попросив минуточку подождать.

- Здравствуйте, Надежда Николаевна,- услышала она вдруг знакомый голос из,за спины.

- Здравствуйте,- отозвалась она, поднялась с места и обернулась.- Вячеслав? выронила удивленно. - Что вы тут делаете?

- То же, что и вы.

- Что все это значит?

- Ничего, прошу вас, сядьте и выслушайте меня.

- Нет уж, это вы меня выслушайте! Или вы меня тотчас же отсюда выпустите, или я позову милицию.

- Вам ее звать не придется, потому что я и есть милиция,- рассмеялся Вячеслав и представил удостоверение.

- Ну, хорошо, что вам угодно?

- Надежда Николаевна, можно на ты? Так будет проще!

- Власть в ваших руках,- покорно потупилась женщина.

- Надя, поверьте, я и не думал вас задерживать. Просто я работаю здесь, случайно увидел вас и...

Вячеслав помялся.

- Ну смелее, смелее, что же это вы смутились? Не забывайте, где вы работаете!

- Хорошо, я буду прям и откровенен.

- Уж извольте.

- Мне так неудобно об этом говорить, но...

- Ну давайте же, не то мой самолет улетит.

- Он не улетит без вас, я позаботился об этом.

- Что? Это уже становится интересно. Господи, что это за приключения?

- Ладно, так и быть. Думаю, вам известно о романе вашей подруги Клавдии Петровны и...

- Вашего Генки,- не дала договорить Надежда Николаевна.

- Геннадия Алексеевича,- уточнил Вячеслав.

- Ну, и...

- Знаете, у них поначалу все так здорово складывалось! Я даже завидовал им по,хорошему.

- Что вы говорите?- с иронией бросила Надежда Николаевна.

- Да, представьте себе!

- Ну, и что же произошло дальше?- взяла на себя роль допрашивающей Надежда Николаевна.

- Вы можете не верить, но сперва у Геннадия Алексеевича пропали золотые часы, потом понемногу стали пропадать деньги. Кто бы мог это сделать, кроме меня и вашей подруги? Только мы находились рядом с ним.

Надежда Николаевна растерянно глядела на собеседника.

- Вы думаете?

- Да.

- Вам лучше об этом знать!

- Ну, так вот, когда деньги у него почти вышли-естественно, у него были кое,какие расходы,- он мне раскрылся. И хоть и верил мне, но какое,то подозрение в

нем я все же чувствовал. Оно, думаю, прошло, когда я ему дал денег на дорогу домой, и даже больше, чем требовалось. Хоть он и обещал мне их выслать сразу по приезде домой, но разговор сейчас не об этом. Эта сумма для меня, человека, работающего здесь, в этой должности, ничего не значит. Думаю, вы понимаете меня.

- Да уж, конечно. Я готова заплатить вдвое больше, чтобы вы меня поскорей выпустили.

Между беседующими возникла пауза.

Надежда Николаевна уловила большую обиду, нанесенную собеседнику.

Вячеслав нажал кнопку и вызвал дежурного.

- Слушаю вас, Вячеслав Григорьевич,- отчеканил молодой человек в штатском.

- Проводите даму к выходу на посадку в самолет по перрону под номером один.

- Слушаюсь,- отозвался на команду молодой человек.

- Постойте, Вячеслав,- смущенно бросила Надежда Николаевна,- простите меня, я вас незаслуженно обидела. Признаюсь, вы меня озадачили.

- Я хотел спросить у вас: Клавдия Петровна вам об этом ничего не говорила? Или, может быть, вы сами что-нибудь заметили или почувствовали?

- Да нет! Правда, говорила, что нужно помочь дочери, но у нее нет возможности. Вот и все!

- Да вы не подумайте, что я расследую это дело по долгу службы. Геннадий Алексеевич категорически

попросил меня не делать этого. Но просто, знаете, чисто спортивный интерес, как говорится. Может, чашечку кофе? - неожиданно предложил Вячеслав Григорьевич.

- Пожалуй, если вы за вылет отвечаете.

Вячеслав Григорьевич улыбнулся.

Разговор между собеседниками продлился еще минут двадцать. Собеседники, казалось состязались друг с другом в том, кто кого больше шокирует и удивит.

- Если хотите, вот моя визитка! Может, она вам еще на что,нибудь сгодится,- улыбаясь, протянул Вячеслав Григорьевич красиво оформленную картонную визитку.

Надежда Николаевна с улыбкой взяла ее и направилась к выходу на перрон, где ждала специально подогнанная иномарка, чтоб доставить ее до трапа авиалайнера, задерживавшегося, по объявлению, - по техническим причинам.

Она приоткрыла дверцу иномарки и обернулась. Взгляды встретились.

Она вдруг закрыла дверцу автомашины и пошла обратно, словно забыла что,то сказать.

Он шел ей навстречу.

- Вы что,то забыли? - спросил он, приблизившись.

- Да. - Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

Он обнял ее радушно и пристально взгляделся в глаза.

- Прошу вас, не думайте о нас так плохо,- попросил он.

- О ком это о вас? О милиционерах?

- Нет, о мужчинах! У женщин слишком превратное о нас мнение, но мы, в сущности, такие же, как и вы.

- Господи, Вячеслав, что это такое вы говорите?!- едва удерживая смех, пробормотала Надежда Николаевна.

Вячеслав Григорьевич схватился за голову и попытался оправдаться.

- Вы знаете, Надя, я только хотел сказать, что мы, люди, не имеем права думать друг о друге плохо независимо от того, каких людей приходилось встречать. Не должны даже смотреть на них через призму своих взглядов и своего мировоззрения. Надо просто помнить, что человек - Божье творение и Бог относится к каждому с такой любовью, с какой мы относимся к нашему творцу.

- Вот и познакомились,- шепнула она на ухо ему, опуская в его наружный карман свою визитку. Она еще раз наградила его поцелуем, в другую щеку, и то и дело оборачиваясь, бегом ринулась к машине, бросая на прощанье:

- А я думала, что в милиции только милиционеры работают!

Авиалайнер долго выезжал на взлетную полосу, потом остановился, потом вдруг разбежался, быстрее, быстрее, пока не взмыл, словно большая стальная птица, набирая постепенно и скорость, и высоту.

Белая легковушка ловко объезжала догоняющие автомашины, дружелюбно подмигивая им левым "глазом".

- Вова, ты можешь помедленнее? Ну, как вы там, рассказывай,- попросил водителя женский голос.

Вова включился в разговор, не отрывая пристального взгляда от растилающей перед ним автотрассы.

Надежда Николаевна погрузилась в воспоминания о недалеком прошлом, не пропуская при этом ничего важного из сообщений сына.

Она раскрыла сумочку, достала оттуда маленькое зеркальце и долго в него смотрелась.

- Мама, ты меня слушаешь?- поинтересовался Вова.

- Да, конечно, продолжай,- отозвалась Надежда Николаевна.

Она слегка подмазала губы помадой и губами же равномерно распределила ее, но от зеркальца взгляда не отрывала.

- Хм, как интересно,- наплывали воспоминания,- то, что не удалось ему по желанию и по дружбе, то

удалось по службе. А что, если это был просто повод познакомиться поближе,- мелькнуло у нее вдруг в голове. Довольно,таки оригинально, в таком случае.

- Мама, ты это о ком?- словно подслушав, спросил ее сын, направляя салонное зеркало так, чтобы можно было видеть свою мать на заднем сиденье.

- Да так, просто, ни о ком.

- Так вот...- продолжил свой рассказ Вова.

Надежда Николаевна усердно копалась в сумочке, словно пыталась отыскать что,то очень ей нужное.

Под руку ей вдруг попал клочок бумаги, на котором она с легкостью разобрала адрес Клавдии Петровны. Отыскала и визитку Вячеслава Григорьевича.

- Интересно, кому из них можно и нужно верить - Клаве, Генке, Славке или себе? Кто из нас лжет, а кто говорит правду?

- Надо верить Богу, мама, - словно читая ее мысли и включаясь в ее размышления, ответил Вова,- ибо всякий человек лжив и суетен.

Надежда Николаевна неторопливо сложила листок бумаги вдвое, изорвала его на отдельные кусочки и выбросила их через опущенное стекло автомашины.

Вова внимательно наблюдал за ней в зеркало. Поразмыслив, она так же поступила и с визиткой Вячеслава Григорьевича.

- Что ты там рвешь и выкидываешь в окошко, мама? - поинтересовался Вова, улыбаясь.

- Да так, ничего,- ответила Надежда Николаевна,
- дела курортные.

- А,а...- протянул Вова,- курортные? Ну, как ты там, не познакомилась ни с кем? Не попался интересный человек на твой крючочек?

- Что за глупости ты говоришь, Вова! Следи лучше за дорогой, а твой отец...

- Отец, отец! Его, наверное, уже нет, мама, надо смотреть правде в глаза, какой бы тяжелой она ни была.

Надежда Николаевна пожалела о том, что нагнала грусть на сына, и, желая изменить тему разговора, допустила вторую ошибку:

- Зря ты все,таки сынок на Маринке женился, она девочка больная, много возни у тебя будет из,за нее.

- Мама, - предупредительно выговорил Вова, - я люблю ее, во,первых, а во,вторых, какое уже время говорить об этом!

Уже в городе Надежда Николаевна бросила взгляд и не могла оторвать его от Церкви на главной площади.

- Служба восстановилась!- воскликнула она, заметив входящих и выходящих прихожан.

- А она и не прекращалась. Ремонт ремонтом, а служба службой.

- Как хорошо,- подумала Надежда Николаевна,- надо будет привести себя в порядок, а вечером исповедаться и заодно причаститься после курортных дел.

- В нашей жизни, мама, добро и зло так перемешались, что только церковь их и может теперь разделить. В погоне и в поисках правды люди так часто забывают об Истине.

- Может, я все,таки поспешила повыбрасывать адреса? - с досадой подумала Надежда Николаевна.

- Нет, мама, нет,- словно угадывая ее мысли и в продолжение своего рассказа,- отозвался Вова, - обратной дороги нет, есть дорога только вперед, в церковь и домой. Теперь нам куда? - остановил он машину на развилке.

- Прямо! - уверенно скомандовала Надежда Николаевна.

После скромно встреченного Нового года и празднования Рождества, Надежда Николаевна получила две поздравительные открытки. Она их ожидала от Клавы и Вячеслава, а получила от Марии Михайловны и Пелагеи Андреевны.

- Не надо мучить себя лишними размышлениями о своих будущих планах в жизни,- подумала Надежда Николаевна,- жизнь сама подсказывает человеку, в каком направлении надо двигаться.

Марина и Вовочка уже ожидали ребенка и завладели помыслами Надежды Николаевны.

- Свято место пусто долго не бывает,- думала она. Как увидят человека освобожденного, сразу прибегут и поглотят. Кто? Да каждый! Охотников на эту радость хоть отбавляй. Только достается человек -

жертвой, и лишь тому, кто посильнее и побыстрее. Кто раньше добежит до тебя.

10. 1990

ДОСУГ "СИМУЛЯНТА"

Чайки кружили высоко над рекою, парили под мрачным зимним небом. Кругами продвигались навстречу друг дружке.

- Интересно, ведают ли они, что на Земле ничто не вечно? думал сутулый молодой человек в старом твидовом пиджаке, наблюдая у окна полет белых птиц в воздухе.

Сохранить крылья до будущего лета, может быть, удастся только удачливым.

Конец осени не сулил теплой зимы, как часто бывало в этом городе.

- Дожить до будущего лета! Неужто они понимают это, или живут, не ведая себя, просторы неба беспрестанно бороздя?

- Разве забота их лишь корм да семья? все стоял у окна и с чувством сострадания посматривал на беспомощных птиц Тамаз.

- Ну, почему же они парят, не махая крыльями, лишь по небольшому, словно заколдованному, кругу,- недоумевал он. Будто ненастоящие... Или, может быть, по-другому они летать не умеют? Или и впрямь отупели? Почему бы и нет, если такое свойственно даже людям...

Сейчас Тамаз испытывал именно такое состояние. И виной тому был не предстоящий отпуск, а затянувшееся до сегодняшнего дня поступление оборудования.

Работы в управлении было много, у него, естественно, тоже, но он явно тянул, не засиживался за работой, словно делать совсем было нечего.

- Черт знает что,- злился он на себя,- сорвал отпуск, рвался сюда, а здесь вот что творится, просто безобразия. И никому нет дела. Каждый делает только свое, защищает лишь свой престиж и свои интересы, а что до общего: ай, да ну их!

Прижмет с планом, тогда и закопошатся. Я, в конце концов, человек маленький, всего какой-то вшивый инженеришка, только недавно окончил институт,- урезонивал себя Тамаз. - Но моя совесть чиста. Видит Бог, я делал и делаю все, что было и есть в моих силах.

Паршивцы и сами бездельничают и нам не позволяют нос во что-нибудь сунуть, словно мы запутаем что или не разберемся. Тупеешь, конечно, когда ничего

не делаешь, но и когда делаешь то, что не по душе, не до конца по правде, и не полностью по твоим возможностям. Неужели это так непонятно?

Зачем же губить специалистов и тормозить прогресс, убей, не пойму!

Он негодовал, отчаивался, и всякий раз дело кончалось тем, что лишь торопливо выполнял неотложное, да и то, кстати, не всегда сполна и высококачественно.

Последнее происходило не по его вине, это знал лишь он сам и лишь некоторые, что работали и общались непосредственно с ним.

Виновным он себя отчасти все же считал, и постепенно в его сознании утвердился статус работника неполноценного, что, то до конца не понимающего и не улавливающего, впрочем, не только в профессиональной области.

Все это подавляло его оптимизм и высокий духовный настрой первых лет.

И так постоянно, почти всю жизнь: желание хоть что,нибудь и как,нибудь изменить в лучшую сторону на работе или в быту то разгоралось в буйное пламя, то затухало в легкую хрупкую мечту.

Всякий раз дело кончалось тем, что он оставался на прежних позициях рядового инженера, которому суждено тянуть лямку, словно расплачиваясь за свои мучения, терпение и лжерадости, усеивающие весь пройденный им путь до точки, достигнутой сегодня.

Единственным утешением было доверие и моральная поддержка главного инженера, который хотя и замечал ошибки и промахи в работе молодого специалиста, но с надеждой смотрел на него, нет,нет да и поручая самые "горячие точки" дела.

Но сейчас главный инженер был в отъезде, а мнение Тамаза мало кого занимало.

С первых же дней Тамаз почувствовал себя в кабальной зависимости и понемногу сникал. Способствовали этому и усилившиеся дисциплинарные меры, требование безукоризненно расписывать поминутное местонахождение.

Излишние формальности сказывались на нем пагубно. Он не смел возражать, не мог не отмечать в себе нарастающего негодования, постоянного раздражения, чувства некоей неприятности, переходящего в изнурительную и продолжительную скуку, в ощущение тяжелого затягивающего болотного пласта под собой.

Силы таяли, он чувствовал это как никто другой. И не только ожидание, а уже и видимость конца моральной и духовной жизни сокрушали его, высвобождали неведомые доселе заградительные, защитные резервы.

Он метался, как зверь в клетке, из одной стороны в другую, все более убеждался в том, что помощи ждать неоткуда и что единственно правильный выбор - ожидание и смирение с участью. Но к беде добавлялось то, что и эта констатация не утверждалась надолго в его

сознании. Забывая о сделанном на днях выводе, он начинал все сначала. Разница была лишь в том, что интервалы между каждым "сначала" все удлинялись, и он это осознавал.

Глубокая обездоленность и ошеломляющая пустота все больше и больше сковывали его цепями, все чаще диктовали свои условия жизни.

Боль не столько за свою беспомощность, сколько за реальность происходящего надолго овладевала им, терзая измученную душу.

Помнилось, как после окончания учебы ему то и дело мерещилось, что он идет вдоль непреодолимой высокой и длинной стены, с надеждой ищет в ней спасительную дверь или хоть крохотную лазейку, чтоб проникнув сквозь эту толщу каменных плит, навсегда откинуть и освободиться от своих пороков, промахов и поражений, выйти из серости и темноты в ясный Свет.

С каждым разом он двигался медленнее и медленнее, падал, вновь подымался, снова шел и вновь падал. Поглаживал обеими руками полугладкую поверхность стены, словно надеясь обнаружить наименее прочное место, с тем, чтобы его проломить. Но все было безуспешно.

Ему казалось, что это длилось долго, всю жизнь, вечность, и он измотался морально настолько, что был уверен: ни за что не пройдет даже сквозь золотые ворота в стене, кто бы его ни просил, кто бы ни умолял.

Он привык падать, а потом подыматься и идти, и снова падать. Другой жизни он не ведал и ведасть уже не желал.

И только теперь догадывался, что со многими рядом с ним происходит такое же, и он никогда не понимал причину их халатности и распущенности так ясно, как сейчас. Но от этого ему не делалось лучше.

Вечером, после ужина, Тамаз почувствовал утомление с еще большей силой.

- Прошло вот уже более двух недель, как я вернулся из отпуска, а Гиви так и ни разу и не заглянул,- думал он с грустью. - Обижается, наверное. Но за что? Проходит каждый день, по пути на работу и обратно, мимо моего дома, а мне нужно специально выкраивать время, чтоб навестить его. Подумаешь, какой гордый, а может, у меня гордости и побольше...

Он отпил последний глоток горячего чая, поблагодарил маму за ужин.

- Нет, нельзя так думать, черт побери, может что, то с парнем случилось. Придется зайти!

Преодолевая утомление и вялость, влез в плащ, поворошил рукой волосы, посмотрел на себя в зеркало.

- Я, мам, пошел гулять. Возможно, приду не скоро...

- Счастливо тебе. Конечно, гуляй себе, пока молодой! Что со старой матерью дома сидеть.

Ему не раз приходилось отчитываться перед мамой.

Он в бессильном отчаянии махнул рукой и вышел, громко захлопнув дверь.

Идти к Гиви предстояло по крутому узкому подъему.

Такой темноты здесь Тамаз никогда не помнил.

- Многое, конечно же, пришлось Гиви перенести. Я всегда делал для него все, что мог, и никакого намека на упрек, все от чистого сердца.

Сейчас, когда Гиви ремонтировал свой новый дом, ему, как никогда, нужна была поддержка друга. Походило на то, что Тамаз отвернулся от него.

- Черт бы его побрал! Дай Бог увидеть его сейчас в здравии, но ему порой свойственно никого и ничего не видеть, кроме самого себя. Как будто в мире существует только один побитый жизнью Гиви.

Подъем Тамаз миновал сравнительно легко, без одышки.

- Вот это да!- подумалось ему. Отпуск хоть и треплет частично нервы, но дело свое делает,- заключил он.

Сворачивая вправо от подъема, Тамаз заметил кое, где тусклые огоньки.

На одной из таких улиц, припомнилось ему, его однажды ограбили. Его, тогда школьника, двое, вооруженных пистолетом и ножом хулиганов, которым досталась лишь ушанка и потрепанный бумажный рубль. Но в моральном плане Тамаз понес убытки куда более значимые. Это "поражение" в детстве, хоть и от

неравных сил, наложило на него свой отпечаток: постоянное сознание беспомощности, обобщенный взгляд на людей, исповедание принципа "Вооруженный злодей - злодей вдвойне" ...

Осторожно открыв узкие двери, Тамаз не без смущения вошел во дворик высокого двухэтажного дома, правая часть которого еще не ожила после происшедшего в нем четыре года тому назад пожара.

Семье, в которой жил Гиви, принадлежала именно эта часть здания. Все это время они ютились на первом этаже, в кухне, она служила им одновременно приемной, парадной. Правда, Гиви в последнее время перебрался наверх, где от "экзотики" полуопаленных бревен и досок над головой защемило бы сердце любого, случайно попавшего сюда искреннего человека.

Тамаз пошел на свет и не ошибся. Сквозь застекленную дверь разглядел своего друга. Тот сидел на тахте в голубой спортивной форме, подтянув под плечо правое колено. Взгляд его был устремлен в развернутую газету. Он был дома один.

Тамаз почувствовал, как по телу его прошло успокоительное тепло.

- Жив,здоров, паршивец,- ласково подумал он и легонько постучал в стекло. - Гиви,- удивленно окинул взглядом дверь и наполовину приоткрыл ее.

- А,а,- протянул он, - симулянт пришел! А я все не захожу, думаю, может, надумаешь сам.

Друзья обнялись.

Минуло уже более двух месяцев, как они не виделись. Такое в их жизни, начиная со школьной скамьи, произошло впервые. Оба чувствовали, как охлаждаются чувства людей, когда их не подпитывают хоть редкими встречами.

С первых же слов забылись все обиды, налачился разговор. Больше говорил Гиви, рассказывал о наиболее трудных моментах в те два месяца, что они были вне поля зрения друг друга, словно лишний раз укоряя Тамаза за равнодушие.

Тамаз молча слушал, испытывая некоторое сожаление об участии друга.

- Ну, а теперь рассказывай, как дела у тебя,- попросил наконец Гиви.

Тамаз чувствовал, что друг излился весь, ничего не сокрыв в душе, и за это был благодарен ему.

- Как отдохнул, как съездил?

- Как обычно, немного измотался, конечно.

- Надеюсь, здоров?

- Разумеется, вполне! Как твои? - отвел он дальнейшие расспросы.

- Ничего, нормально...

Вскоре пришла мать Гиви, с радостным удивлением приветствовала гостя:

- Что так долго не заходил?

Тамаз заметил, что о тонких трансформациях взаимоотношений его с другом она и не подозревала.

Проговорили в крохотной, душной кухоньке более двух часов.

Наконец Тамаз извинился, поднялся с места.

Провожая друга через дворик, Гиви на вопрос Тамаза, работает ли телевизор, ответил несколько странно.

- Да что там смотреть, все так наскучило!

Скуку испытывал иной раз и Тамаз, но телевизора в роли источника скуки он себе еще не представлял.

И тут,то в него вкралось подозрение, что Гиви рассказал далеко не обо всем, что его постигло.

Он не удержался и выложил,таки другу то, что решил "железно" не говорить никому:

- Пришлось, Гиви, немало испытать и мне!

- Что именно?

- Двоюродного брата, приехав, застал в тяжелом состоянии. На работе со второго этажа упал.

- Ух, ты!

- А до отъезда с сестрой было то же самое, что, помнишь, с твоей. Измучилась и изрядно напугала вас.

- Операция?

- Да... Вот так, брат!- недовольный тем, что раскололся, проговорил Тамаз. - Ладно, бывай! Заглядывай, хоть иногда.

- Нет, теперь ты ко мне целый год ходить должен, пока прощу тебя я. Сейчас сюда, а потом в новый дом.

Тамаз вспомнил, как "близко" получил друг новую квартиру, чуть не на самой окраине города и, вздохнув, утешительно бросил:

- О,кей, согласен.

Идя вниз по спуску к себе, перешел широкую улицу, нырнул в арку длинного восьмиэтажного дома.

Взглянул на часы. Была половина десятого.

- Поздно уже, черт побери!- подумал он.

Но потом все же решил подняться.

- Нодар раньше и не бывает дома,- вспомнил он.

Отыскал дверь со знакомой дощечкой, приложился пальцем к звонку.

Дверь открыла сестра Нодара, пригласила в дом.

- Здравствуйте, тетя Надя,- едва слышно обратился Тамаз к лежащей в углу комнаты женщине.

Включенный телевизор и мирно покоящиеся на лбу очки еще не были признаками того, что женщина не спит.

Тетя Надя взглянула на гостя, с радостью признала в нем одноклассника сына.

- Здравствуй, Тамазик, проходи, дорогой!

Нодара дома действительно не было. Его ждали попозже.

Тамаз знал, что проводывал больше мать после операции, чем самого Нодара.

Тем более, что на этой неделе ей предстояла еще одна.

Успокаивали уверенность женщины в себе и хороший цвет ее лица.

Но час беседы с ней превратился для него в терзання и муки. Больно было слышать о тяжелой ноше друга. Днем работать, кормить свою молодую семью, вечером учиться в вузе, сном залечивать дневные раны, наносимые преследовавшей его жизнью. Мать и сама сейчас больше волновалась за судьбу сына, чем за свою.

Последний раз Тамаз видел Нодара похудевшим и утомленным. Пожилой отец его тоже день и ночь работал, выпивал после работы, правда, в меру, но, приходя домой, валился без сил.

Долее оставаться было неудобно, и Тамаз попрощался.

- Значит так, мой золотой,- обращалась тетя Надя,- в понедельник ложусь на операцию. Зайдешь до того, да?

- Да,- коротко согласился Тамаз, направился через коридор к легкой стальной входной двери. Но остановился вдруг, вернулся назад.

Тетю Надю уже увидел поднявшейся с кровати.

- Тетя Надя, когда Нодар придет, приветствуйте его от меня.

Он почувствовал, что сделал это лишь для того, чтобы тронуть сердце матери.

- Ой, мой золотой!

Уже в подъезде Тамаз взглянул на часы. Было ровно одиннадцать.

- Поздно,- подумал он,- впускают ли в общежитие?

Хотелось повидать и родственника, своего ровесника Ваню.

Ваню работал на вагоноремонтном заводе и так же, как и Гиви, по долгу службы, минимум два раза в день проходил мимо дома Тамаза.

Тамаз питал добрые чувства к Ваню, с которым был знаком, кстати, только последние несколько лет, и чувства эти диктовались не только родственными связями.

Тамаз знал от отца, что в день его прилета Ваню два раза ездил в аэропорт. Правда, встреча в тот день не состоялась, рейс откладывали еще два раза, и самолет прилетел лишь в час ночи.

Тамаз с тех пор все думал сходить узнать, как Ваню, знал, что чрезмерная скромность того могла не позволить увидеть его у себя еще долгое время.

Тамаз отыскал Ваню без труда.

Ребята сидели в прокуренной комнате и смотрели по телевизору "Мертвые души".

Ваню пошел с гостем в "свою" комнату с четырьмя кроватями по углам и двумя высокими шкафчиками между ними. Горела одна тусклая лампочка. Но ее в общем хватало.

Посередине стоял квадратный столик с накрытой испачканной скатертью.

На столике с выпачканной скатертью были разложены два больших куска хлеба, несколько наполовину очищенных головок лука, колбаса на обрывке желто,серой бумаги, полупустая бутылка из,под красного вина.

В комнате было довольно чисто, но хаотично разбросанные вещи придавали ей далеко не благопристойный вид.

Вано достал сигарету.

- Не кури, Вано, тебе ведь потом здесь спать,- попросил Тамаз.

- Ах,- флегматично махнул рукой Вано,- все равно перед сном проветривать.

Понемногу завязался разговор.

Вано рассказывал о трениях и неладах на работе и наивно, как показалось Тамазу, рассуждал об отрицательных свойствах людей, живущих в городе.

Тамаз догадывался, что человеку, всю жизнь прожившему в деревне, пусть даже в поселке городского типа, и привыкшему к душевной прямоте и доброте людей, трудно понять, как это люди в городе, пусть хоть некоторые, даже на полмизинца могут отличаться от деревенских в худшую сторону. Тамаз в душе улыбался наивности Вано. Успокаивал разочаровавшегося парня, утешал напоминаниями о добром будущем.

Домой Тамаз возвращался в первом часу. Он думал о том, как порой друзьям приходится помогать в жизни больше, чем родственникам.

Отец у невыключенного телевизора, понуриив голову, спал усталым сном. Тамаз разбудил его.

- Что это такое, сынок? - недовольно пробубнил отец, - разве можно так задерживаться! И мы волнуемся, и ты не спишь. Безалаберность, да и только...

Прихватив высокогорлую бутылку с водой, он пошел медленным шагом в лоджию, где его ждал полуоткрытый диван, с чистой, но изрядно измятой постелью.

- Выключай свет и скорее ложись,- все тем же недовольным тоном завершал отец беседу с сыном.

- Заходи, Тамазик,- послышался голос матери из комнаты, где она обычно спала вместе с дочерью, которую в ближайшем времени собирались выдать замуж.

- Что тебе, мать? - обиженным тихим голосом спросил Тамаз.

- Поздравь меня, я выкупалась.

- Ох, в самом деле большая радость,- подумал Тамаз.

- Сегодня шла горячая вода, и мы все помылись. Кажется, и сейчас идет, может, и ты успеешь.

- Неужели? - удивился Тамаз.

- В самом деле, - в шутку и рифму ответила мать.

К двум часам ночи Тамаз лежал в чистой постели и слушал программу для полуночников по своей радиоле.

Он вовсе не чувствовал усталости, вода освежила его, придавала новую силу. Он завел будильник, наблюдая

за энергичными перемещениями секундной стрелки. Под часами заметил записку с поручением, которую оставила ему старшая сестра, жившая с мужем на другой квартире.

Задание откладывалось на завтра.

- И сколько еще на завтра дел,- с ужасом думал Тамаз. Он уже не смотрел перечень дел, выписанных на отдельном листке. Некоторые записи были настолько давними, что уже впились в его память. Он выполнял их "по ходу жизни", когда появлялась малейшая возможность.

Проглотив серую, уже успевшую полюбиться таблетку и запив ее водой, Тамаз отключился от внешнего мира, медленно погружаясь в этот пленительный для него, блаженный мир сна.

- И все,таки я хорошо провел сегодняшний вечер,- подумал он в полусонном состоянии,- такой счастливый случай повидать столько знакомых людей за один вечер...

Сегодня, то есть уже вчера, у Тамаза был свободный от работы вечер.

23. 11. 1984

ЛИЗА

*Не слушай птиц, людей и звезд,
И даже разума и сердца своего,
А только лишь Создателя всего!*

Опускающиеся на город сумерки зажигали ночные фонари, возвышающиеся на выкрашенных в белый цвет стальных трубчатых столбах.

По широкому проспекту медленно текла река легковых машин, местами перемежающаяся забитыми до отказа троллейбусами и автобусами. Пешеходы на тротуарах поспешали по разным направлениям.

Наступало время пробуждения рекламных осветительных ламп и афиш на фасадных стенах домов. На главной городской площади блистал своею красой высоко бьющий под аккомпанемент цветной светомузыки фонтан.

Пожалуй, единственное, что омрачало вечер, - это множество мелких луж, застывших на асфальте после недавно прошедших продолжительных дождей, принесших однако столь желанную прохладу городу и его жителям.

На месте старых электрочасов, у входа в метро, жался газетный киоск, а за ним длинный ряд телефонных будок, автоматов.

Круглолицый светловолосый молодой человек нервно потягивал у будки,автомата сигарету, не отрывая взгляда от выхода из метро... Он выкуривал уже вторую сигарету, переминался с ноги на ногу, но... Вдруг замер, отбросил окурок и двинулся навстречу выходящей толпе.

- Дима!- воскликнула девушка, вынырнувшая из толпы.

- Лиза!..- ответил после короткой паузы Дима.

Взялись за руки. Лиза потянулась было в невстречающие ее объятия Димы, хотела даже поцеловать его, но почувствовала сдержанность и сникла. Долго и упорно смотрела ему в глаза.

- Здравствуй,- произнесла с радостью, и получила унылый ответ тем же словом.

Они направились в сторону фонтана. Дима пытался заговорить, но не знал, о чем, и то и дело сбивался.

- Я знаю, ты сердисься на меня. Прости, пожалуйста, я была права,- просила Лиза.

Лицо Димы добродушно и точно отразило поведение его сжавшегося сердца, но он не произнес ни слова.

Они молча шли в направлении кафе,мороженого, каждый анализируя и вспоминая время, прожитое друг без друга, и оба жалели свою любовь, принявшую первый урок сурового испытания - долгую разлуку и холодную переписку.

"Любит ли тот, кто не скучает по любимым?"- думал Дима.

Лиза не считала некое знакомство, состоявшееся после отъезда Димы, порочащим их любовь, тем более, что оно помогло ей яснее осознать и лучше понять мир людей и цену ее сегодняшней встречи с Димой.

"Я совершила глупость только потому, что дала об этом знать Диме. Но ведь в любом случае он должен был это знать, разве я поступаю не честно, хотя, возможно, и жестоко,- думала Лиза.- У каждого, в конце концов, своя правда".

Эlegantный мужчина, стоящий рядом с обширными витринами сувенирного магазина, серьезно и деловито накручивал на шею пестрого и длинного ужа, выделявая со своим подопечным всевозможные трюки на удивление окружающим.

Прохожие, сбавляя ход, но не останавливаясь, чуть стороной обходили странного иллюзиониста, и, удаляясь, оглядывались.

После мороженого в мисочке на подставке, предложенного им в кафе, была набережная реки, чайки, кедровая аллея, скверы и, наконец, тихий садик. Потом был первый глубокий поцелуй на скамейке, первые после долгой разлуки объятия, долгая ночь с прогулкой по спящему городу.

В пиджаке Димы и рядом с ним ей было тепло и отратно.

Они угадывали созвездия, проходили места детства, катались на скрипучих качелях, спускались с горки, встречали рассвет и восход горячего, ласкового солнца.

Так светло, в полутьме, прошла их первая встреча после разлуки.

Время разлуки с каждым днем все реже смущало их сердца, и раны понемногу зарастали.

Маленький стальной шарик с треском упал на вращающееся вокруг оси ложе игровой рулетки и, пробежав с грохотом несколько оборотов по циферблату, остановился на девятке.

- Опять проиграл, - недовольно заявил Лева.

- И я проиграл! Эх, везет этому фраеру!- вдруг воскликнул Ника и, поднявшись, наделил звонким шутивным подзатыльником Сергея, с улыбкой встречающего свою победу.

- Выигрыш достался красному жетону,- объявил "банкир" Валера и сгреб рулетной метлой в банк проигравшие жетоны.

- Валя, и ты проиграл,- обернулся Ника с шуткой к другу,- а ведь обычно говорят, что дуракам везет.

- Сам дурак,- обидчиво возразил Валентин,- чмо болотное,- добавил тоже в шутку.

- Без оскорблений, друзья,- предупредил Валера,- делайте ваши очередные ставки, господа. Он

старался подражать голосу настоящих крупье, работающих в казино зарубежных стран, и частенько это у него получалось.

Каждый из друзей делал очередные ставки.

Они собирались не так уж часто.

После окончания школы их дороги разошлись в разные стороны, как и дороги многих других одноклассников. Каждый тянул лямку жизни, как мог, на своем месте.

Но в желании встретиться, пообщаться нельзя было отказать никому. Повод не заставлял себя долго ждать. То в большем, то в меньшем составе, но тем не менее, собираясь, они наслаждались друг другом и никогда не позволяли себе ничего лишнего и недостойного.

Вырученные из придуманных состязаний деньги шли на кутеж - покупку чебуреков, хинкали, а то и вовсе на разные культурно, спортивные мероприятия.

Все шумнее крутилась рулетка.

- А почему Дима сегодня не явился? - поинтересовался Сергей.

- У него возобновился роман с Лизой, - огласил Ник. - На прошлой неделе всю ночь провели вместе, а утром их, как сумасшедшие, искали родители.

- Да, - протянул Леван, - что, то зачастили они на свидания, как бы чего не вышло.

- Дай Бог! - заявил Валентин. - На здоровье! Может, скоро на их свадьбе погуляем...

- Эх, Дима, Дима, не слушается меня,- огорчился Ник.- Она ему не пара. То, что до их романа, перед армией она с другими гуляла,- это ладно, но ведь, пока он служил, тоже кого,то завела. А служили мы с ним вместе, и я знаю, как она мучала его своими письмами. Я там ему и девушку хорошую нашел, да и он, вроде, про Лизу со временем позабыл, хотя и переживал так, что даже поседел. С большим, большим трудом погасла его тоска по ней. Но в конце,то что получилось: он приехал, она извинилась, и все пошло по новой!- досадовал Ник.

- А что, если у них и впрямь любовь,- заявил Сергей.

- Знаешь что, Сергей, и не в обиду и вам, ребята: Дима мне самый близкий друг, и я не желаю, чтоб он воделся с какой,то проходимкой,- горячился Ник.

- Опомнись, Ник!- перебил его Сергей.

- Вы это знаете лучше меня: все тогда были на школьном вечере у меня и знаете, что я с ней вытворял! Но не решаетесь говорить ему об этом, потому, что - трусы, не хотите портить с ним отношений.

- Ну, знаешь, это уже слишком! - загомонили в ответ.

- Запомните: это дорого будет вам стоить!- нервно выкрикнул Ник.

- Пойми ты, черт, уже поздно что,либо делать! Помешать любви - значит разрушить ее, а это грех,- не менее нервно пояснял Сергей.

- Ладно, Ник, в самом деле все образуется! Все мы когда-то как-то грешим,- попробовал успокоить ребят Леван.

- Дима отличный парень, он не заслуживает такого, и я, даже ценой нашей давнишней дружбы, буду против их брака,- не унимался Ник.

- Об этом нас никто не спрашивает, и это не наше дело,- заявил Лева.

- Сколько он уже из-за нее потерпел,- настаивал Ник, словно не слыша слов Левы,- вроде занимались вместе, к вступительным экзаменам готовились. А на самом деле она мешала ему. И представьте себе, даже после этого он сдал все экзамены на отлично и хорошо и не попал только потому, что не добрал очка. Целых два года впустую пропало. Отвадила от него хорошую девушку, измучила парня на службе своими дурацкими письмами, сволочь!- кипятился Ника.

- Ладно, Ник, успокойся, заходи лучше на ставку, не то крупье исключит тебя из игры,- напомнил Лева.

- Да я и сам себя исключу. Извините, ребята, мне пора домой, маме еще нужно пойти по делу.

Дверь холодно хлопнула.

- Да, черт бы ее побрал,- досадовал Валентин,- ходил бы с ней, гулял, любишь- люби себе на здоровье, но жениться?

- Полно торопить события, ребята! Ведь это еще не решено,- предположил Леван.

- Нет, Лева, все к этому идет, поверь мне,- подтвердил Валера.

- Да, там, в университете, на подготовительных курсах, он был гораздо толковее многих. Жалко, если голова его пропадет,- сокрушался Сергей.

- Но в чем дело? Он ведь еще может попробовать свои силы в будущем году?- утешал всех Валентин.

- После пяти лет разлуки с книгой?!- усомнился Сергей и покачал головой.

- Нет, конечно же,- подтвердил Валера.

- Нет, ребята, Ника явно перебирает! Может, в чем,то он и прав, но так ведь тоже нельзя,- возмутился Валентин.

- Ника вообще любитель показывать себя, однако...- заявил Валера.

- Черт, сколько кретинов разными путями не только поступают, но и учатся потом в вузах, а сколько достойных ребят теряется по своей глупости! Это ведь ущерб и стране!- возмущался Сергей.

- Ирония судьбы,- усмехался Валера.

- Это просто жизнь!- предположил Сергей.

Цветные жетоны были неряшливо разбросаны по зеленому суконному полю, опрокинутая рулетная метла застыла в ожидании руки человеческой. Незадвинутые тяжелые стулья, сдвинутый с места стол, приоткрытая дверь гостиной, тишина и редкие предметы мебели подчеркивали некую опустошенность. Комнатную

тишину нарушал лишь голос сверчка, доносившийся из, под окна.

То одна, то другая нога попеременно закидывались друг на дружку. Их украшали длинные белые шнурки, продетые в специальные отверстия эластичных резиновых кедров.

На лице уже начинали выступать первые капли пота, и чувствовалось, как красная майка пытается все плотнее прилипнуть к худощавому телу.

Почти на всем протяжении круга дистанции то и дело разносились подбадривающие возгласы и выкрики "Быстрее! Быстрее!"

Поначалу взгляд упирался в ноги бегущего впереди. Но дистанция вытянутой руки, державшаяся долго, вдруг нарушилась. Дыхание погони испытывала теперь уже "красная майка".

"Погоня" явно не выдерживала темпа лидера и дистанция между ними с каждой секундой возрастала все больше.

- Пстой, куда тебя так несет? От меня еще никому не удавалось убежать.

Едва переводя дух, "голос" продолжал свои разъяснения:

- Рано или поздно я догоняю каждого, ведь жизнь - дистанция куда длиннее той, на которую ты дерзко осмелился вызвать меня. А вот когда догоню,

пощады не жди, скручу в один миг. Что поделаешь, так распорядилась судьба - жизнь дала тебе ноги, чтобы убегать от меня, а мне, Смерти, терпенье и волю, чтобы дожидаться часа. И хотя визиты мои порой преждевременны, я их наношу неожиданно в промежутках между своими обычными делами. Или когда нечего делать. Или просто желание потешиться берет верх над терпением. Чем больше жизнью тревожу я за день, тем становлюсь живучей, страшней и коварней. И никто не в силах помешать моей работе, даже временные успехи жизненной силы, случайности и усердие врачей. Сегодня - да, согласна- твоя взяла, ты сбежал от меня! Но завтра? Послезавтра?

"Красная майка" уже едва виднелась.

- По,твоему, мне следует прийти к тебе и сдатьсь? Дудки,- возражала "красная майка",- я не откажусь от единственной возможности подразнить тебя - возможностью еще дожить свое.

- Ну, как знаешь! Только не откладывай своего визита ко мне, - советовала Смерть,- помни и о том, что хорошо умирать молодым. Кстати, тебе должно быть известно, что слова эти принадлежат не мне, а вам же, людям, как и те, что, кого полюбят Небеса, умирают молодыми.

Ответа не последовало или его уже было не слышно.

Из ванной доносился шум бьющей из душа воды. Он внезапно прервался, и через несколько минут перед залитым светом окном появился Евгений Павлович, в длинном цветном халате, усердно растирающий махровым полотенцем мокрые волосы.

- А, сынок, уже пробудился? Вставай, вставай, пора!

- А который час? - спросил еще не полностью пробудившийся голос.

- Дима, ты купил вчера чай? - последовало вместо ответа.

- Да! Пачка на столе.

Радио вполголоса передавало обзор печати. Чай с бутербродами к завтраку был готов.

- Ну, ты скоро, Дима?

- Иду, иду, дядя Женя.

- Ты что это - умылся, а все равно полусонный?!

- Плохо спал вчера, кошмары какие-то снятся в последнее время. Какие-то стихи читают, неизвестные поэмы, постоянные погони, меня желают убить, я убегая, в меня стреляют, испытываю во сне боль. Сам я стреляю в них из их же оружия и попадая, почему-то не убиваю, а их - несчетное количество. Просыпаешься - голова болит...

- Причаститься, что ли, тебе, сынок?! Очистишься?!

- Да, вот вечером придем с работы, искупаюсь,- согласился Дима.

- Хм,- улыбнулся Евгений Павлович,- о духовном очищении говорю.

- А это что такое?

- О,о,о,- протянул Евгений Павлович, - ты, я вижу, сынок, кроме, как о своей красавице, ни о чем не думаешь.

- Я предпочитаю раздумьям чувства.

- А что, если они обманчивы?

- Все равно, лучше идти в жизни, по голосу и зову своего разума и сердца.

- Ограниченного, слепого разума и падшего сердца?- пояснил дядя Женя.

- Уж больно вы умны, дядя Женя, а чего,то пропадаете на этой пыльной и тяжелой работе, на кладбище, да еще в такой дали от своего родного города. С вашими красными дипломами то могли бы устроиться на чистенькую работу.

- Хм, я, сынок,- улыбнулся Евгений Павлович,- всю жизнь был отличником на Земле и, оказывается, двоечником на небе, а теперь, под конец жизни, чего,то наоборот захотелось.

- Странный вы какой,то, дядюшка, вроде и при должности в прошлом в одно время были, а теперь?- недоумевал Дима,- вы знаете, что о вас тут поговаривают ваши некоторые коллеги?

- Мы, люди, в суете земной жизни всячески стремимся и пробиваемся вперед к богатству, к власти, положению в обществе, к карьере, и к многим другим

вершинам мира сего и порой преуспеваем даже во многом, кто честным, порой каторжным трудом, а кто другими путями, и попадаем в число первых, если не становимся первыми, часто забывая слова Спасителя о том, что "многие из первых, станут последними, а последние - первыми".

- Да, но все же я хочу учиться на своих ошибках,- воспротивился Дима.- У каждого человека - своя жизнь, и нельзя навязывать ее другим, даже если этот другой - ближний. Вы ко мне излишне строги,- пожаловался Дима.

- Может быть,- вздохнул Евгений Павлович, добавляя в мыслях,- от того, наверное, что добра тебе желаю.

- Когда обещали новую партию камня? - поспешил Дима поменять тему разговора.

- Со следующего понедельника!

- Не успеем управиться с работой в срок.

- Поживем, увидим! Ну, выпил чай? Айда.

Отдыхать вечером будем!

Чай и в самом деле утолял жажду, но победить летнюю сырость и жару неподвластно было даже ему. Разве только просиживать целыми днями в воде.

Солнце щедро разбрасывало лучи, словно пытаясь выпить всю воду из находящегося неподалеку моря. Но чем больше оно утоляло жажду, тем сильнее разыгрывался его аппетит. В жадности с последним могли состязаться разве что комары. Напившись досыта

человеческой крови, липли к углам комнат, неповоротливо металась в дальнейших поисках легкой наживы...

Почти все было готово к приходу гостей и Нового года. Но Лиза и Мари Львовна все крутились на кухне.. Андрей Ильич разливал вино по бутылкам.

- Мама, соли найти не могу.

- Там, Лиза, в буфете, на верхней полке,- пояснила Мари Львовна.

- Дима, ты какое пиво принес сегодня?- спросил Андрей Ильич.

- Жигулевское, па, немного старое, но ничего, я уже его пробовал, - пояснил Дима.

- Вот и хорошо, - порадовался Андрей Ильич. - На днях и рыба будет.

- Дим, поди в залу, там уже ребята подошли,- предложила Лиза.

- Ну, вот, молодожены, получайте подарок,- весело передали ребята Диме и Лизе красивого гигантского матерчатого мишку.

- Ой, Валера, полно тебе! Ну, какие же мы молодожены, три с лишним года, как тершим друг друга.

Они переглянулись и улыбнулись. Лиза ласково провела своим маленьким кулачком по лицу Димы.

- Ну, вот, Дима, и чтоб поскорей пополнение!- пожелал Валера.

Эти последние слова друга вызвали у Димы грусть.

- Поздравляю тебя, жлоб этакий,- радостно зарокотал Валентин, дождавшийся своей очереди вставить слово.

- С наступающим, что ли? - поинтересовался Дима.

- И не только! И не только! Кстати говоря, в последнее время ты стал, браток, тихарем. Родился племянник - смолчал. Сестру замуж выдал - смолчал!

- Странно, я о последнем и не слышал! - тихо отозвался Дима.

- Как же, все говорят! Ведь они уже расписались?!

- Может быть, - сурово оборвал Дима.

- Так что, браток, за тобой, как видишь, еще не один могоарыч.

- Валя, не обижайся, но свои дела меня занимают больше, и я не всегда осведомлен, что там происходит у родных,- пояснил Дима.- Да и признаться...- добавил он вполголоса и не договорил. - Ты лучше проходи, проходи!..

- Привет, Гоша, где пропадал, давно тебя не видели, - с улыбкой приветствовал Дима друга, одноклассника.

- Вот на тебе, держи сумку и глаза остро!

- Не то... что?

- Выцарапают, как пить дать.

Огодвинув молнию сумки, Дима разглядел черного сиамского котенка.

- Учти, он агрессивный и нервный.
- В общем, с характером, да?
- Вот именно!
- Ладно, проходи, Гоша, а я его на балкон снесу.
- Постой, Дима,- кто там еще?
- Да свои все ребята, не смущайся.
- Леван и Ник пришли?
- Леван не придет потому, что не придет Ник, а Ник не придет потому, что он...- последовала долгая пауза, - подонок.

Это слово подействовало на Гошу, как внезапный холодный душ, и ошеломило его.

Дима почувствовал это и решил пояснить сказанное:

- Не удивляйся, Гоша, ты еще не знаешь, какой у него язык и чего он только про Лизу не наговорил. Да ну его, лучше проходи!

Из комнаты уже доносилась легкая музыка и шумные разговоры.

Было много задранных тостов, пожеланий и, особенно в адрес молодых хозяев.

- Много хлопот доставила ты нам в прошлом, Лиза,- призналась Мари Львовна.
- Что, разве нет?- ответила она на смущенный взгляд дочери.

Только что присоединившийся к столу Андрей Ильич настороженно и испытующе выслушивал слова супруги, власть которой в доме была непререкаема.

- Пусть Сергей скажет, он ведь у вас самый прямой и честный?!

- Ой, нет!- открестился Сергей.- Все мы одним миром мазаны. Один Бог - хороший и бесконечно добрый.

- Не голова, а дом правительства,- заключил Валентин.

- Встань, Сергей, и скажи правду, положи руку на сердце, ведь вытворяла Лиза глупости в школе,- попросила Мари Львовна.

- Вот женщина,- молча удивился Сергей.- Еще мать называется... Да еще при Димке.

- Кто же из нас в школе глупостей не вытворял, Мари Львовна? Чепуха все это по сравнению с мировой революцией.

Сергей посмотрел на друга. Дима, и без того уже осунувшийся от вина, лукаво и грустно улыбнулся.

Все вокруг замерло, воцарилось молчание.

Сергей нерешительно привстал. Холодный пот обдал его. Он еще раз переглянулся с Димой.

- Говори, Серж, что и как есть, не волнуйся,- разрешил Дима, - горькая правда лучше, чем... - далее он скорее подумал, чем сказал. - Хоть мне и без тебя кое,что известно, и знал я это и до свадьбы, но что с того,- пробежало у него в голове,- поймите, тупицы: я ее

люблю, люблю, и все тут! Да так, что ничего и никого этому не противопоставить!

- Ну, погодите, - решил Сергей и, приложив руку к сердцу, с трудом удерживая бокал, заговорил о том, что ничего плохого за Лизой не наблюдал, не слышал и не знает. Правда, было видно, что он не совсем уверен в своих словах...

Лиза слушала внешне спокойно, только курила сигарету за сигаретой.

- Валентин, открой,ка шушхуну,¹- показал взглядом Андрей Ильич.

Это слово кольнуло Лизу.

Валентин неудачно раскупорил бутылку, заливая сидящих рядом .

Табачный дым окутывал молодую красивую девушку, которая, казалось, улетучивалась вместе с ним.

Одна из главных городских привокзальных площадей уже давно включилась в предновогодние приготовления. Завезли большую елку, смонтировали ее в середине просторного газона эллиптической формы перед зданием главного железнодорожного вокзала.

В горожанах, спяющих по разным направлениям, чувствовалось приподнятое настроение.

¹ Шушхуна- шипучка, шипучее вино и одновременно, бенгальский огонь.

Неподалеку от площади, посматривая то и дело по сторонам, бойко промышляли всякими мелкими новогодними мелочишками проворные смышленные цыганки, на ходу перехватывая покупателей у государственной торговой сети и магазинов.

Три девочки, старшеклассницы, взявшись рука об руку и едва сдерживая смех, быстрым шагом неслись по широкому тротуару. На бегу как веером раскрылись вокруг двух скромных молодых пареньков, в недоумении переглянувшихся друг с другом.

- Девчата, отпустите нас, пожалуйста!- жалобно простонал один,- если хотите, мы даже заплатим.

Девичий смех брызнул, колеблясь по частоте, тональности и тембру.

- А мы деньгами не берем, мы берем вещичками,- раздался один из девичьих голосов.

Один из парней сорвал с себя шапку, другой шарф и протянули девушкам.

Девушки расступились.

- Шушхуна, шушхуна, шушхунеби!- покрикивала молодая цыганка, разводя рукой и осыпая блестками прохожих и изредка подходящих покупателей.

- Боря гадает, Боря гадает,- зазывала другая, с коробкой, набитой бумажными трубочками, предсказаниями и устроившимся на них пестрым попугайчиком.

Попугай вдруг, видимо заскучав от безделья, выгасил клювом одну из трубочек, повертел по сторонам и бросил на землю.

Тут же последовало назидание со стороны хозяйки, наградившей питомца легким шлепком:

- Дурак! Чего разбрасываешься нашей работой?

- Сам дурак,- огрызнулся попугайчик и взлетел было в воздух, забыв, что привязан недлинной веревкой к руке хозяйки.

- Ладно, ладно, извини, сиди спокойно!- подняла хозяйка повисшую на веревке птичку, подхватила с земли бумажку и затолкала ее на место.

- Извини, извини!- огорченно повторял попугайчик.

Одна из девушек с ходу налетела на цыганку и смущенно попросила извинения.

- Дым мой на долгую память тебе,- пронзительно выкрикнула цыганка и выдохнула в лицо девочки дым от сигареты.

- Какие у тебя красивые глаза!

Девушка улыбнулась в ответ.

- Дай мне твою руку!- резким движением рванула к себе цыганка ее руку.

- Роковая женщина,- заключила после недолгой паузы,- разобьешь сердца многих мужчин. Они будут тебя любить и ненавидеть, уважать и пренебрегать, ценить и ни во что не ставить, ты будешь дарить им любовь и ненависть, добро и зло, жизнь и ...

- Пустите меня,- испуганно пролепетала девушка, пытаясь высвободить руку.

- Каждому свое, каждый будет получать от тебя то, чего он заслужит. И жизнь у тебя за это будет недолгой.

- Лиза, Лиза! - звали девушки подругу.

Лиза почти вырвалась из плена и бросилась к ним.

- Постарайся родить рано, девочка, чтобы не остаться потом совсем без ребенка!

Лиза в слезах подбежала к подругам, и они увели ее подальше от места происшествия.

- Да не слушай ты их, они ненормальные!- утешала одна из девочек.

- Да,- соглашалась другая,- чего только не наговорят, чтоб выжать деньги.

- Она у меня денег не просила,- пояснила Лиза.

- Да потому, что не успела,- успокаивали ее подруги.

Лиза еще долго не могла успокоиться и даже через многие годы ей часто слышался из-за спины резкий голос, чудился пронзительный взгляд и облачко дыма.

Лиза сделала последний глубокий вдох докуренной сигареты и залпом выдохнула в потолок. Погасила окурок о небольшую узорчатую стеклянную

пепельницу. Покачала головой и снова включилась в беседу.

Сергей все еще красноречиво о чем-то распространялся.

- И более того, - продолжал Сергей, - кто поперет на их любовь, тот будет иметь дело со мной. Он уловил улыбку Димы, и по телу пробежала горячая дрожь.

Словно огромный камень свалился с плеч Андрея Ильича, подтвердившего, что Сергей все сказал верно, не ошибся ни в чем.

- Цените вашу дружбу, ребята, как вы делали это до сих пор. Вы храните ее еще недолго, сколько там, Дима?

- Уже семь лет прошло.

- Ну, а предстоит еще по меньшей мере семь десятков!

Последовали добрые напутствия и пожелания в адрес Димы и Лизы.

- Спасибо, ребята, всем вам за пожелания! Прежде, чем тамада объявит музыкальный перерыв, разрешите пожелать и вам всем того же!

Уже порядком огушенный, в отличие от гостей, вином, Дима принялся расточать тосты и пожелания каждому в отдельности.

- Желаю и вам, Валера с Таней, чтоб все было хорошо и, главное, чтоб были дети. Вот ты меня

спрашивал, Валер, отчего у нас их нет, но, в отличие от тебя, я об этом никогда не спрошу.

Окончательно разнервничавшись, Дима уже едва сдерживался.

Вскоре, еще задолго до рассвета гости понемногу начали расходиться.

- Да, хоть Дима мне друг, но когда выпьет, становится несносным, - утверждал Валера, расставаясь с Сергеем на остановке автобуса.

Гоша, усадив Валентина в такси, отправился до дому пешком. Он негодовал на человеческое упрямство и непокорность судьбе.

- Ведь сколько ни говори, ни ругайся и ни брыкайся, в конце концов все получается так, как это должно получаться и должно быть,- думал он. - А человек только напрасно тратит энергию и силы, когда противостоит жизненным процессам, идущим своим упрямым ходом. Зачем людям так охотно укорачивать свою жизнь?- недоумевал он.

Жизнь звезд Гоше нравилась куда больше, чем жизнь людей. Она отличалась, по его мнению, гармоничностью, дисциплиной и покорностью установившимся межзвездным отношениям. Гоша перебирал взглядом разбросанные по холодному ясному зимнему небу ярко горящие светила.

- Закреть бы удачно эту сессию!- думалось ему.

В ту ночь глаза Гоши при этом пожелании зафиксировали падение двух звезд с интервалом не более десяти минут.

- Все будет хорошо, только не сопротивляйся жизни, человек,- думал он, прибавляя ходу.

К сожалению или к счастью, он не знал языка звезд. Падение двух из них было, как ему показалось, предсказанием кому,то чего,то в будущем.

- Нет,- подумал он,- с такими знаниями о звездах до них не долетишь. Надо будет вернуться к основам астрономии, через них в астрологию, а там звезды сами укажут путь звездному человеку. Может быть, и ребятам удастся помочь.

Наутро Гоша приобрел все показавшееся ему сейчас необходимым, учебники, книги, карту звездного неба, глобус, телескоп и т.д.

Он погружался в новое увлечение с каждым днем все больше и больше, по ночам высматривал звезды и созвездия, делал какие,то расчеты, прогнозировал появление новых и падение старых звезд, учился строить натальные карты по биографиям людей.

Звезды, их рождение, жизнь и смерть все больше занимали его. Он уже получил прозвище звездного мальчика. Его астрологические прогнозы появлялись кое, где в печати, кое,какие прогнозы сбывались, что еще больше окрыляло и вдохновляло его.

- Гоша, когда же ты бросишь наконец это ребячество,- жаловалась его старшая сестра,- уже нет

мочи смотреть на твои телескопы. Скоро весь дом превратишь в обсерваторию!

- В обсерваторию? - переспросил Гоша. - А ты мне подала неплохую идею. Надо будет туда съездить!

- Вот и хорошо, поезжай и работай там!

- Лена, откуда у тебя такая неприязнь к звездам? - поражался Гоша.

- У меня нет к ним никакой неприязни. Просто у каждого человека свой маяк, свое светило!

- И какое же светило у тебя? - поинтересовался Гоша.

- Ты прекрасно знаешь.

- И все,таки?

Сестра дерзко хлопнула дверью перед его носом.

- И все,таки? - допытывался Гоша, догнав сестру в ее комнате.

- Отстань! Надоело все время говорить об одном. Все равно ты не понимаешь!

- Ну, ладно, обещаю разобраться, - попросил Гоша.

Она призадумалась, долго колебалась, но все же решила и осмотрительно достала из ящичка небольшую икону пресвятой Богородицы с младенцем. Солнечные лучи играли на ее лице.

Гоша на мгновение замер, его словно приковало магическое сияние! По телу прошла теплая дрожь.

- Ладно, хватит, не то я ослепну, - попросил Гоша пощады.

Сестра сжалась и уложила иконку на место.

Гоша покидал комнату сестры в глубоком раздумье.

- Она права,- соглашался он,- у каждого в жизни своя дорога. Только откуда ей знать, кого и куда приведет эта дорога, если не подскажут звезды?

Время и жизнь изрядно спутали планы и прогнозы одноклассников Гоши, внесли в них свои жесткие коррективы.

Служба в армии, в ракетных частях, наложила свой отпечаток, и Димы не стало через три года. Он скончался от острого лейкоза.

Лиза вскоре после смерти Димы вышла замуж, через три года развелась, на дочь от второго брака возлагала все оставшиеся надежды.

Через десять лет развернувшиеся в стране события вынудили Валеру, Левку, Ника и Валентина перебраться жить в Россию, а Сергей и Гоша подались за рубеж, в поисках лучшей доли.

05. 1985/2001

ВЕРШИНЫ

*Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От любимой ушел,
Я от жизни ушел,
И от тебя, смерти,
Я тоже...?*

Колобок

Ртутный термометр с каждым днем все энергичнее подступал к отметке плюс тридцать. К городу потихоньку подкрадывалась "настоящая" жара. Но она пока не чувствовалась, не чувствовали ее приближения и жители, после нескольких ненастных и прохладных дней теплое солнце всегда приятно. И вопреки словам из известной песни о том, что у природы нет плохой погоды, в единоборство вновь вступали прения по поводу того, курица явилась на свет раньше или яйцо?

Так или иначе, пока споры заводили собеседников в дремучие дебри, жизнь продолжала течь по своему неписаному закону: на смену одним событиям приходили другие.

И в нашем случае не имело значения, кем и как творились события - жизнью или человеком, сознательно или подсознательно.

Карусель жизни кружилась по принципу тесной последовательной зависимости событий, то есть события

настоящего предопределялись предшествующими, происшедшими в прошлом и т.д.

И было трудно и даже боязно разорвать эту злополучную цепь хотя бы неким отдельным звеном человеческого общества.

Дело шло к лету, несмотря на то, что весну как следует ни осознать, ни ощутить не удалось, и приближалось время отпусков. Хотя и не везде. У каждого учреждения, завода, предприятия своя специфика, периоды своей "горячки", "напряженки" и своего "отхождения". Словно и здесь проглядываются следы "злополучной" цепи. Будто бы и вправду все, что монотонно, - нестабильно.

Как и все учреждения, научно,исследовательский институт имел основные двери входные и, в целях противопожарной безопасности,- запасные.

В здании в несколько этажей на любой можно было попасть посредством лестницы или лифта.

В кое,каких комнатах вдоль длинного пустынного коридора второго этажа уже приоткрывались двери. И дневной свет, падающий из дверных проемов с обеих сторон коридора, отрицал необходимость его искусственного освещения.

Из,за одной из дверей середины коридора едва уловимо доносились странные звуки - человеческий лай

по,собачьи, куплеты из езидских песен и глухой звон монет.

- Ав, ав, гав, гав.

- На тебе еще, получай! Молодец! Ну,ка, песенку.

- Ай лала ла, ай лала ла лело...

- Умница, вот тебе еще, получай! Ну,ка...

- Ребята, да вы что, в самом деле? Слышно по всему первому этажу, - полушутя, полувсерьез возмутился голос вошедшего.

- А, Гоча, привет! Где тебя носит, черт побери? Погляди, какой я цирковой номер устроил,- похвастался Дмитрий, мужчина лет тридцати пяти, плотного телосложения, высокий, с уже начинающими седесть коротко остриженными кудрявыми волосами.

- Ну,ка, покажем Гоче,- с едва сдерживаемым смехом предложил Дима.

Маквала, с улыбкой буквально до ушей, с ярко светящимися и стреляющими карими глазками, обратила взор уже на двух своих слушателей и охотно повторила номер, с той лишь разницей, что на сей раз проделала это при закрытых дверях.

Маквала была чуть младше Гочи, но старше Дмитрия, худощавее последнего, но по росту немногим ниже. Она не относилась к числу красавиц, но, с появлением Димы в институте, во многом преобразилась и изменилась, явно в лучшую сторону.

Не оставался в стороне и молодой друг Маквалы и Димы - Гоча, нет,нет, да и получавший комплименты,

то от одних, то от других. К чести Гочи, ему редко приходилось лезть за ответным словом в карман. В общем, это был один из редких и беспрецедентных случаев жизни, когда третий явно не лишний. Чувствуя это, Гоча был благодарен своим коллегам. Их близким отношениям завидовали другие сотрудники. И вообще, он же считал неприемлемым, чтоб старшинство было не в моде и не в почете.

- Ну, ладно, вы валяйте дальше, а я пошел!- заявил Гоча.

- Подожди. Поди сюда! Посмотри, как это у нас классно получается,- просил Дима.

Глазки Маквалы сверкали огнем. Она, казалось, бессознательно улыбалась. Короткая молодежная стрижка, крашенная легкая седина и минимум косметики снимали с нее почти десять лет.

- Некогда, хочу задачу пустить на машине,- серьезно объяснил Гоча.

- А зря стараешься, сегодня они зарплату считают. С завтрашнего дня к ним наладчики приезжают. Когда заработают - и сами не знают,- с легкой досадой пояснил Дима.

- Черт бы их побрал с их зарплатой! Сколько же раз в месяц можно считать зарплату? За время, которое они у нас отбирают, можно три раза пересчитать все их зарплаты и фонды вручную,- обиделся Гоча.- А где же Аркаш и Вахо?- вдруг поинтересовался он.

- Пошли в центр за вчерашними листингами,- предложил Дима.

- Вот так всегда. Настроись на работу всей душой, так обязательно... тьфу,- осерчал Гоча.

- А шеф наш здесь?

- Нет, на ученом совете.

- Меня никто не спрашивал?

- Кому ты нужен! Записан ведь был в журнале, вот и все.

- А вот и наши листинги, Гоча, - похвастался Вахо, увидев входящего в соседнюю комнату Гочу.

- Не скажи, все без единого?

- Нет, как всегда, часть потеряли! На сей раз не повезло тебе и Аркашу,- пояснил Вахо.

- А где Аркаш?

Аркаш ввалился с грохотом двери, с кружкой холодной воды из,под крана туалета, дверь которого тоже захлопнулась с оглушительным стуком.

Аркаш - худощавый парень лет тридцати, с исхудалым лицом и неуклюже выступающим тонким орлиным носом, с которым во всем институте мог поспорить лишь массивный нос Гочи. Кстати говоря, эта "конкуренция" длилась со времен их знакомства.

Отличительной чертой Аркаша было то, что он любил носить белую сорочку, и не столько носить, сколько быстро ее пачкать. Выпачкав, он гордо задирает свой нос и демонстрировал собеседнику профиль. Вот, мол, я каков!

- Гоча, ты понимаешь, что они сделали,- пояснял Аркаш на нарочито ломаном грузинском языке,- ведь я работаю "клевит институтши" (в научном институте). Амас гамоаклес (у этого вычли) - указывал он пальцем на место, где сидел Дима, - шен гамогаклес (у тебя вычли), да мец гамомаклес (и у меня вычли). "Хода гамодис, ром гамоклевебулеби варт чвен суквелани" (вот и получается, что нас всех оборали).

Раздался гомерический хохот. Долго не могли успокоиться. Аркаш же, как ни в чем не бывало, демонстративно зафиксировал свой профиль.

Ребята занялись обработкой полученных на листингах данных, и день пришел к концу незаметно.

На смену служебным обязанностям и заботам пришли домашние и личные. Беззаботность, если и существует, то лишь в сознании одних по отношению к деятельности других. "Мне бы его заботы!" - эта избитая фраза не раз интриговала и отвлекала не худшие умы. Путь к остановке пролегал мимо ряда зданий и сооружений и небольшого спуска.

- Нет радости и богатства больше, чем когда знаешь, что делать, и знаешь, как делать, и когда процесс работы радует тебя, да так, что от радости этой аж мурашки по телу пробегают. Тебе знакомо это чувство?

- Нет, Гоча, у меня диссертация висит на шее, словно переэкзаменовка. Я мечтаю поскорей избавиться от нее.

- Потому ты и засиживаешься со мною в Центре до полуночи. Крутишь варианты своей задачи?

- Да!- тяжко оборвала Маквала.

- Хм! Его нравучений только и не хватало,- подумала она.

- Эта двойка нас устроит, полагаю я.

- Пожалуй.

Троллейбус, нежно позванивая и позвякивая, тронул с места.

Аркаш работал в другом отделе и околачивала среди людей своего поколения, перенесших в жизни много трудностей, испытаний, порой несправедливостей и даже горя. Он никогда не унывал, мало того, порой превосходил в шутках самого себя. Возможно, оттого он и ходил в любимцах у всех.

- Аркаш, конечно же, парень отменный,- заявил Гурам,- но и у него есть отрицательная черта.

Гурам работал в соседнем отделе инженером и за короткое время пребывания в институте во многом преуспел. Он всегда и везде спешил, но ему часто удавалось реализовать свои жизненные планы не в ущерб делам общественным.

- Ха, ха! - словно возразил ему Дима.- Этот недостаток есть у каждого из нас. Послушай, как у тебя с изобретением?!

- Пока - никак, жду.
- На конференцию едешь?
- Хочу, но и на альпиниаду попасть надо. Как будет со временем, не знаю.

Коридор - это место минутных встреч, желанных, нежеланных, неожиданных, а порой запланированных, как, к примеру, в перерыв при игре в настольный теннис, где сходились поиграть оптимисты.

- Гоча, можно тебя на минутку?- позвал Вахо.-
Посмотри, что делает программа! Вроде, все рассчитал, а вывод не тот. Картина верная, но числа!..

Гоча с важным видом пробежался по программе. Скользнул взглядом сверху вниз и снизу вверх. Попытался вникнуть, но, пройдя несколько операторов, остановился:

- Чья система операторов?
- Аркашина, верно, работа!
- Сразу видно. Извини, Вахо, но в работах асов я не компетентен!

- Вот жулик,- ласково, но не без досады, воскликнул Вахо,- работала программа нормально, попросил его улучшить, и вот тебе на, услужил!

- Кстати говоря, где он?
- Ещё не приходил!
- Хорошо же числиться на полштата! Может, тоже перейдем, Вахо?

' - А что, можно!

Друг с другом соглашались, а на самом деле явно понимали, что ни у кого подобного на уме никогда не было и не будет.

- Странный он, этот Аркаш. Всем во всем помогает, а для себя хоть бы пальцем двинул. Вахо, может, ты уговоришь его взяться за ум?

- Что делать, Гоча? Раза два уже говорил...

В комнату ввалился Дима.

- Ребята, слышали про Аркашку?

- А что? - поинтересовался Гоча.

- Он опять себе в желудке устроил бактериофаг! Прямо, так, как вечный зов!

- Вот черт эдакий,- возмутился Вахо не без улыбки, - сколько раз я ему говорил, не пей целый литр некипяченого молока, и притом после еды, а он, будто назло, продолжает устраивать себе "вечные позывы".

- Да, теперь это не меньше, чем на неделю,- заявил Гоча утвердительно.

В комнату вошла Маквала:

- Вахо, дай мне одну сигарету, пожалуйста!- жалобно протянула руку. Закашляла.

- Помрет эта глупая девка,- подумал Гоча, и с жалостью следя, как странно она втягивает своими тонкими губами белый дым светящейся сигареты и залпом выпускает его обратно.- Как она все,таки любит молотить языком, и какой у нее нежный голос, несмотря на то, что она губит его сигаретным смогом.

У других трепня Маквалы наверняка вызвала бы отвращение к ней, но Гоче было приятно её слушать. Не ее болтовню, не разбирательства дел, не наивные речи о происходящем вокруг и в мире в целом, а ее нежный голос, в котором он улавливал ту беззащитность и слабость, которыми скрытно наделен каждый человек на земле!

- В нашем злобном и уродливом мире человеку не просто сохранять добрые и благородные качества, которыми так щедро награждает всех при рождении Бог,- поддался набегаящим мыслям пожилой альпинист, много повидавший на своем веку.

- Джони, что ты там делаешь?- поинтересовался женский голос из соседней комнаты.- Небось, опять сам с собой разговариваешь или о чем-то размышляешь!

- Размышления и разговор с самим собой это почти то же, что и с Богом,- подумал он и добавил вслух:- Чего тебе надо?

- Займись, пожалуйста, с Андрейкой, пока я управляюсь с делами.

- Пусти его ко мне, пусть идет,- согласился Джони и вернулся к своим мыслям.

- Каков век - таков поэт!- Это знаменитое высказывание легко перефразируется простым народом:

каково время - таковы и люди, а каковы люди - таков и человек!

- Но с такими принципами и формулировками человечество легко катится к своей неминуемой гибели. И его не спасают природные внутренние законы, которые со временем изнашиваются и угасают. Очень важно в таких случаях оказывается найти ту единственно верную тропинку, которая вернет человека к его истокам.

- Правильно сказано,- соглашался старый альпинист,- что только истина Божья и спасает человека.

И истину эту он искал там, в природе, высоко в горах. На вершинах, ему казалось, легче исповедаться Богу, поговорить с ним обо всем, что происходит внизу, на земле, на которой живут люди. И каждое возвращение домой целым и невредимым он воспринимал, как прощенье его грехов. И чувствовал он себя после этого чище и благороднее.

- Удаляющийся от Бога удаляется и от истины,- думал он.

- Сила человека - в единстве с Богом. Только так можно постичь истину. Уходя от истины, человек уходит и от жизни, и от многих еще благ.

- Хм, деда, но разве тот, кто уходит от жизни, уходит и от смерти? перебил вдруг его мысли незаметно подошедший к нему внук.

- Ишь ты, тебе то это откуда известно?

Внук скорчил обиженную гримасу.

- Ладно, не хмурься! Рано тебе о таких вещах думать. Но раз спросил, так и быть, отвечу. В жизни нужно уметь ладить с людьми, а это дело, Андрейка, непростое, запомни.

- Я понимаю, деда, вот мы с Гоги в детском саду дружим, а еще я люблю тетю Тамару и, когда вырасту, обязательно женюсь на ней.

В комнате раздался хриплый смех шестидесятилетнего дедушки.

- Джони, что там с тобой стряслось? - слышалось из кухни.

- Погоди, бабушка, - едва переводя дыхание, ответил Джони, - тут Андрейка меня смешит. Ну, ладно, слушай дальше. Жил, был один глупец. Все женщины проходили мимо него. Глупец был счастлив, но сам того не ведал. Счастлив, как и тот, кто случайностью, чудом, волею судьбы или по другим причинам уберегался от них, оставался вне поля их интереса.

- А почему счастлив?

- Понимаешь, Андрейка, женщины это такой народ, который своей земной суетой уводят нас, мужиков, от познания высоких духовных начал. После того, как мы становимся их достоянием, ни о ком и ни о чем мужику думать больше не приходится, кроме как о них. А их проблемы, потребности и пожелания порой не знают границ. Что же тогда остается мужику? Идти от одной женщины к другой - это то же, что и идти от одних проблем к другим и втягиваться в болото жизни

еще больше. Поэтому мужики порою спасаются от них бегством и подаются кто куда. Кто в науку, кто в спорт, кто в искусство, а кто и вовсе уходит в запой.

- А ты подался в горы?- спросил внук.

- Ты смотри, какой умный, - обрадовался дедушка,- рассуждает, совсем как взрослый.

- Джони, ну, ты и впрямь, словно маленький, ерунду какую,то ребенку городишь, разве можно? Лучше идите пить чай.

- Вот видишь, опять с толку сбивают,- посетовал дедушка.

- Не ерунду, во,первых, бабка! А во,вторых, попросил человек пояснить, вот я объясняю ему, а заодно и себе. Ты иди, и мы скоро!

- Разве это плохо, быть взрослым?

- Для чего тебе, Андрейка, быть взрослым? Что, тебе в малышах плохо?- Обняв внука, сидящего на коленях, бабушка целовала шестилетнее создание природы.

- Я хочу. Вот пойду в школу, стану взрослым и женюсь тогда на тете Тамаре.

Новая волна смеха раскатилась в комнате.

- Ладно, жених, пошли пить чай. А тетю Тамару придется повидать, ты знакома с ней?

- У,у... старый бесстыдник, тебе не стыдно?

- Вот тебе на,- с улыбкой заметил Джони,- надо же знать вкусы своего внука. Правда, Андрейка?

- Деда, я тебя обязательно познакомлю с ней, вот увидишь, она тебе очень понравится. Правда!

Раздавшийся звонок поверг кухню в минуту молчания.

- Я пойду, открою,- заметил Джони. - Гено, что случилось?

- Здравствуй, Джони,- сурово произнес мужчина лет сорока, высокий и плотного телосложения.

Гено, хоть и был ростом с Джони, массивностью в два раза превосходил худощавого друга.

- Проходи,- пригласил Джони.

- Некогда, Джони, там в турклубе все уже собрались.

У старого Джони защемило сердце, он почувствовал что-то неладное. Старый волк имел за плечами много лет работы в горно,спасательных группах. Спас в суровых и холодных высоких горах много человеческих жизней и редко ошибался в предчувствиях. Навидался погибших, сам не раз чудом спасался. Ко многому привык, но каждая потерянная в горах жизнь волновала его душу.

- Кто,нибудь из наших?- осторожно и с болью спросил Джони.

В ответ Гено закрыл и открыл глаза.

Состав своей группы горно,спасательной службы (ГСС) Джони знал отлично, как и всех тех, кто отправился в составе группы почти месяц назад. Сам в

эту группу не попал по чистой случайности и сейчас пожалел об этом.

- Кто же? Не томи!- попросил Джони, хотя знал, что любое названное имя его одинаково огорчит.

- Малхаз,- грустно произнес Гено.

Силы покинули на минуту Джони, он почувствовал, как у него подкосились колени.

- Черт побери! Это ведь Казбек, с ним шутить нельзя! Сколько раз я говорил об этом ребятам!

- На сей раз было без шуток, Джони.

- Видно...- помолчал Джони.- Обвал?

- Трещина! Пошли, Джони, если можешь. По дороге все расскажу,- предложил Гено.

- Что там, Джони?- послышался женский голос из кухни.- Пригласи человека в дом!

- Нет, ба, некогда, лучше присмотри за Андрейкой, я скоро,- печально отозвался старик.

Джони и Гено спускались на ближайший городской проспект быстрыми, длинными шагами. Гено тоже входил в эту спасательную группу, и случившееся вдвойне томило его.

- Джони, мы буквально видели, как он медленно скатывался по склону, и казалось, что до него - рукой подать, только спрыгни, и его можно будет удержать. Ведь он успел несколько секунд продержаться над трещиной на ледорубе, потихоньку продолжал ползти вниз. Поняв, что не удержится, посмотрел последний раз в нашу сторону. Казалось, и не старался удержаться на

склоне, словно сам себе смерти пожелал в этот момент... Отпустил, словно отбросил от себя, ледоруб, и камнем полетел вниз. Катился так же безмолвно, как и падал, лишь в конце издал негромкий короткий крик. Как вспомню...- Гено едва перевел дух. Мощный спазм перехватил ему горло. - Ника бросился спасать, хотел прыгнуть на склон, я силой удержал. Джон, там был такой ледяной склон, они погибли бы оба.

- Что же с ним случилось, черт побери?

- Не знаю, он, видимо, сам отключился как-то от жизни. Мы отправились спасать группу молодых ребят: трех парней и девушку, успели и нашли полуживых, трое спаслись, а четвертый погиб. Тоже парень молодой- всего двадцать лет, неделю тому назад женился.

- И с женой полез в горы?

- Нет, это была не его жена.

- Они прошли через пункт?

- Прошли через меня, но я им не разрешил лезть на вершину и в препроводилровке записал то же самое, а они, видите ли, тайком улизнули. Тело четвертого Малхаз поднял, для надежности обвязал его и своей веревкой. Когда вытянули труп, Ник с тревогой заметил веревку Малхаза, оба они были связаны друг с другом. Ник только крикнуть успел, смотри мол, без шуток и фокусов. А Малхаз успокаивал. Освободив веревку, Ник тотчас же бросил её обратно, но Малхаз куда-то исчез и не появлялся минут пять, семь. Мы решили не

нервировать его лишним зовом, а когда увидели вновь, было поздно.

- Нашли тело?

- Да, видимо, умер сразу же, бедняга! Сильно разбился,- вздыхал Гено. Трех придурков тоже сюда, в город, приволокли в первую больницу.

- А что, руководитель у них был?

Гено кивнул.

- Покажешь потом придурков, я хочу с ними поговорить.

- Джони, поверь, они тоже сожалеют о случившемся, и у них погиб человек, и говорить на эту тему сейчас с ними не стоит.

- Черт знает что, ни порядка, ни дисциплины, ни старшинства, ни советов, ни инструкций - ничего уж эти молодые принимать не желают. Ладно в городе, дома, на равнине, на ровном месте, Господь с ними, пусть живут своим умом, но в горах, елки,палки!.. Горы это ведь не только красота - это прежде всего порядок, строгость, дисциплина и многое другое. Ай, да что я тебе об этом говорю! Жаль, черт побери, ребята наши из,за таких дураков по своей же дурусти погибают.

- В горах все предусмотреть, Джони, не всегда удается и спасателям, ты ведь знаешь,- пояснил Гено.

Джони узнал свои слова. Промолчал.

- Тот, кто идет в горы, знает зачем идет, как и то, на что идет,- думал Джони, и ему вспомнились случаи, когда он сам чудом вылезал живым. Они помогли ему

обрести чувство осторожности в экстремальных условиях, преодолеть страх перед мощными вертикальными и отвесными скалами чудовищ, красавиц, именуемых словом "горы и ледниковые вершины".

Что там говорить: сами Джони, Гено, Ник и другие ребята не раз выручали друг друга.

Возможно, этим и объяснялась их столь нерушимая многолетняя дружба, невзирая на большую разницу в возрасте. Если и бывали между ними какие, либо ссоры или непонимание, то длились они недолго.

- Да, горы многому учат,- думал Джони,- и после каждого похода привозишь обычно что,то новое, необычное, что и помогает в жизни, и мешает, и тяготит в то же время. Почему настоящая жизнь там, где человек не живет? Неужели помеха жизни на Земле - сама жизнь человека? Неужели человек идеализирует свою жизнь? Недооценивает ее, как недооценил ситуацию бедный Малхаз. Даже маленькие победы, одержанные человеком в жизни, и невысокие вершины, покоренные им, делают его слишком уверенным в себе. Уверенность постепенно переходит в излишнюю самоуверенность, и если человек не остановится вовремя, в чувство непобедимости, во вседозволенность, и вот тут то, на этом рубеже его подстерегают на каждом шагу - опасность или даже смерть. Недооценка своих возможностей, в конце концов чревата плачевными последствиями.

Ласточки давно уже отщебетали свое и, оставив воробьев господствовать в небе, умахнули в дальние края.

Листва меняла цвет, и первые пожелтевшие листья, опавшие с деревьев, подавали признаки своего существования робким шуршанием, когда по ним пытались пройти с нескрываемым удовольствием.

- Какая прелесть, Гоча, правда? воскликнула очарованная Маквала, обращаясь к Гоче.

- Правда,- печально отозвался Гоча.

- Ты чего?- удивилась Маквала, ласково хлопнув по руке попутчика.

- Телячьи нежности. Я люблю ее,- подумал про себя Гоча и добавил вслух:.- Ничего.

Группа туристов в составе около десяти человек во главе с Джони "штурмовала" холм высотой до 1500 м над уровнем моря с отметки 450 м. Вершина, с которой открывалась панорама ущелья реки, каскад вершин и гряды холмов с высокогорным озером, не могла не заворожить, не очаровать любого, даже равнодушного человека. Оттого Джони, не спеша, шаг за шагом вел молодых любителей природы по крутому склону к вершине. Чтоб не слишком утомлять ребят, выводил их на прямые участки, удлиняя тем самым путь.

Именно здесь, на ровных участках склона, встречалось громадное скопление листвы прошлых лет и свежей в верхнем слое.

Кое,где лиственный покров достигал пояса.

- Попробуй, догони,- крикнула Маквала ихватила Гочу в спине так, что он едва удержался на ногах.

- Ах, я сейчас тебе,- разъярился Гоча и пустился вдогонку.

Он бежал, быстро догонял, валил, поднимал, сам убегал. Они толкали друг друга в опавшую листву. Смех и громкий говор бесцеремонно вторгались в загадочную и блаженную тишину леса...

Гоча чувствовал нежность и теплоту ее тела, ее сердца, и она дополняла его и без того переполненную душу. Душа изливалась вся, и он чувствовал, как безболезненно и беспрепятственно погружается в нее. Он погружался и растворялся постепенно. Чувствовал, что процесс, происходящий с ним, необратим, но чем больше включался в него, тем больше открытий для себя делал. За внешней грубостью, неуклюжестью и многими, на первый взгляд присущими ей отрицательными чертами, он открывал и обратное - нежность, чистоту, порядочность...

Чем агрессивнее становились чувства, тем больше он им противился. И не от того, что не доверял своим чувствам, - он не доверял словам.

- Чувства изменчивы,- с досадой подумал он, принимая во внимание и учитывая как свой жизненный опыт, так и опыт проживших уже до него жизнь на Земле людей,- а слова- они остаются в памяти. Да и

любовь, если она настоящая, не должна нуждаться в словах,- полагал Гоча и проверял свое предположение на деле...

- Ну, что мне мешает любить еще кого,то, кроме Димы,- думала в свою очередь Маквала,- ведь и в нем есть что,то привлекательное.- Счастливый треугольник, это в жизни такая редкость!

Оба они, как и каждый в группе, шли к своей единственной, желанной вершине, где их ждала вспышка очарования, накал страстей, сгорание. А потом спуск, расплзание, обыденная жизнь, лишь из,за однообразия потерявшая свою прелесть и привлекательность. Покорение вершины, наслаждение на пике, спуск почти то же, что покорение человеком вершины чувств любимого человека, наслаждение ими и - неминуемый их спад.

И здесь, как в природе, человеку выпадает проходить те же этапы. Гоча очень отчетливо почувствовал это сейчас на себе. Ему казалось, что сейчас он стоит на двух вершинах одновременно: на вершине реальной горы и на вершине чувства любви. Подобное могло произойти, в случае везения, только один раз за несколько жизней...

На вершине был привал, костер, чай, бутерброды, общение людей между собой и с природой. Это - то хорошее, что в силу равновесия процессов в жизни дает компенсацию за разочарования, боль и обиды. Не сразу,

но со временем, - так во всяком случае полагал человек, попивающий чай.

- Знаешь, Гурам, как Маквале приходится подрабатывать иногда на работе, - заинтриговал партнера Гоча, улыбаясь.

Маквала со сверкающими глазами кивала головой то в одну, то в другую сторону.

- Как? поинтересовался с жадным любопытством Гурам.

- Лаем по,собачьи. Мак, покажи, пожалуйста,- попросил Гоча.

Мзия и Тинико сразу наострили уши, пытаясь не упустить интересного момента.

- Ав, ав, гав, гав,- залилась Маквала.

- Не так!- возражал Гоча.- Надо по,другому.

- Как? - выпытывала глазами Маквала.

- Ава,вав! Ава,вав!- подсказал Гоча.

- Ава,вав! Ава,вав!- радостно подхватила Маквала. Ей явно понравилась новая аранжировка своего репертуара.

- Это кто же тебя так мучает? заинтересовался Джони.

- Это - наш Дима, Джони,- пояснил Гоча.

- А, это тот, которого мы никак не соблазним пойти в горы, как и Вахо, впрочем,- вспомнил Джони.

- Тут соблазны бесполезны. Он сейчас наверняка в отменной компании. В окружении очень даже

интересных ребят и девушек,- пояснил Гоча,- проводя время за столом.

- А,а,а,- протянул Джони, - даже так! Ты смотри - молодец! - Но, выдержав паузу, добавил. - Горы лучше!

- Каждому свое, Джони,- заявил Гоча, - но у некоторых мозги работают в одном направлении: где бы попить и где и с кем погулять.

Гоча переглянулся с Маквалой.

- Кстати говоря, у тебя тоже мозги работают в том же направлении,- таинственно прошептала Маквала.

- Ах, так? Хорошо!- будто с обидой выговорил Гоча и решил сыграть с ней обиженного.

- Нет, ты не понял меня, Гоча,- испуганно возразила Маквала,- я...

- Ничего, ничего, все понятно, - отрезал он.

- Алеко, Гурам, Тина, идите сюда, посмотрите, что я нашла, - доносился из,за стены монастырского комплекса голос Мзии.

Джони, медленно выкуривая сигарету, допивал чай, всматривался в небо, которое не предвещало перемен погоды, в облака, определял точное направление ветра, любовался восторгами молодых. Всякий раз, в похожих ситуациях, его охватывало желанное чувство заботы и ответственности за каждого члена группы, которого следовало довести обратно до города не только целым и невредимым, но и максимально довольным. И надо сказать, что испытываемые чувства вполне

сочетались с его ролью лидера, ибо молодые, в свою очередь, его понимали, верили и относились с благодарностью и благоговением.

- Ну, а сейчас - отбой привалу, собирайся в путь!- послышался призыв Джони, и с разных сторон группа начала сходиться к костру.

- Есть два пути, - заявил он,- через водопады и по тропе вниз, мимо них.

Большинством голосов было принято предложение Джони - на водопады!

Каньоны многочисленных мелких отрогов преграждали путь к спуску, и потребовалось немало усилий, чтобы отыскать тропу.

- Да, черт побери, ничего не поделаешь, придется двигаться дальше,- с волнением заявил Джони, стоя на обрыве каньона.

Высота скалистого обрыва достигала пятнадцати метров, с широкой полкой в низовье, за которой шел другой - до восьми метров высотой.

Многими членами группы это известие было встречено с криком и воем. Лица у всех были веселы, но в душах чувствовалось беспокойство. Страх пытались скрыть, кто как и чем мог.

Спуск занял три с лишним часа. Понадобилась и веревка Джони, и обучение некоторым элементам альпинистской техники.

Пожалуй, свободнее и элегантнее всех, после Джони, выглядел юркий, цепкий и сильный Гурам,

который помогал Джони страховать и безопасно спускать остальных членов группы.

- Вот завозились,- недоумевал Джони, - почти четыре часа ухлопали на какой-то вшивый обрыв! Не тургруппа, а турбалдежники настоящие!..

- Ничего, Джони, они еще зеленые, - с улыбкой пояснял Гурам.

Группа так и не вышла в тот день к водопадам.

Рассматривая разрушенные строения отдельных базилик на подступах к населенному пункту, группа вновь разбрелась, но недалеко друг от друга.

Наслаждение архитектурой строения с прямолинейной кладкой заманили Гочу в арочный входной проем, где проникающий через пролом обвалившегося свода церкви свет освещал часть его интерьера. В углу церкви, под старыми росписями на стене, Гоча увидел знакомую фигуру.

- Что ты там нашла, Маквала?- спросил он.

Маквала не отвечала.

Огар подошел поближе, посмотрел на росписи, затем на Маквалу.

- Ты чего это, Мак? - опешил Гоча, увидев ее прослезившейся.

- Гоча, ты и вправду обиделся на меня? - жалобно произнесла Маквала.

- Господь с тобой, Мак, что ты мелешь, я ведь все в шутку!

Маквала укрыла лицо ладонями обеих рук и опустила голову.

Гоча осторожно обхватил ее голову и медленно затряс как копилку, словно проверяя наличие в ней монет. Пытался хоть как-нибудь ее успокоить. Он видел Маквалу такой уже второй раз. В первый раз, когда у нее вышла серьезная ссора с Дмитрием.

Но тогда чувства излились из-за утраты прежних взаимоотношений с Димой. И хотя с великим трудом и настоянием Гочи Диму и Маквалу удалось помирить, но временами холодок все-таки пробивался.

Гоча всячески старался восстановить и вернуть прошлое, но безуспешно.

- Да, - убеждался он в очередной раз с огорчением,- ничего на сто процентов вернуть и восстановить нельзя: ни пошатнувшегося здоровья, ни пошатнувшихся отношений.

Опасаясь нарушить то настоящее, что в их все еще хороших взаимоотношениях оставалось, он не предпринимал более никаких мер.

- Окунуть раскаленное железо в холодную воду и достать его,- именно такими видел их взаимоотношения Гоча.

- Гоча, дорогой,- объясняла тогда с досадой Маквала,- со многими приходилось мне оказываться в разных местах, при разных обстоятельствах, но никто никогда не позволял себе ничего подобного. Даже на словах. Иногда его так заносит не туда, куда надо, что он

и не догадывается. Нельзя так неосторожно обходиться и злоупотреблять добрыми отношениями. Я уже не могу быть с ним в прежних взаимоотношениях!

- О, тоже мне, гордая нашлась, - гневался Гоча, желая Дмитрию добра и в то же время веря в его порядочность.

Но все это уже было и прошло. А сейчас?

А сейчас, как лисица, поджидавшая, когда ворона выронит кусок сыра, Гоча ухватился за Маквалу, которую выронил Дмитрий.

Всем своим существом он противился этим мыслям и убеждал себя, что это отнюдь не так, тем не менее мысли такие нет,нет, да мучили его.

- Ты запомни, дурочка, что бы ни случилось, мы будем всегда вместе и нас ничто и никогда не разлучит,- пообещал он ей.

- Зачем же мучать друг друга, Гоча, ежели... Я люблю тебя.

- Я тоже,- сознался Гоча помолчав,- но я не могу. Прости меня, Мак, прости, если я поступил с этим чувством неосторожно, но пойми... Я надеялся на то, что у меня есть надежный щит - твои отношения с Димой, которые как я полагал, не позволили бы тебе подъехать ко мне близко, но теперь я вижу, что ошибался, прости. Хорошо посмотри на меня, посмотри! На кой черт тебе такой дурак, как я, ты - мировая девка, и тебе еще повезет в жизни! Вот увидишь, я тебе обещаю это...

Они немного постояли, пристально взглядываясь друг другу в прослезившиеся глаза, и обнялись.

Гоча желал ее губ, ее нежности, ее тела, ее ласки, но с немалыми усилиями сдерживался, сжигал в себе чувства, с грустью пенял судьбе за то, что не встретил раньше.

- Я не понимаю,- произнесла с изумлением Маквала,- почему ты отказываешься от своей любви?

- Я не смогу жениться на тебе, не потому, что не люблю, а потому, что не могу,- повторил он, не разжимая объятий,- не имею права быть в чем,нибудь виновным перед тобой.

- Но почему, если...?

- Одной любви всегда оказывается мало. Любовь необходима для жизни человека, но этого еще недостаточно.

- А что же еще?

- Нужно еще соблюдать и выполнять правила и пожелания, которые предъявляет человеку окружающее его общество.

- Да, но разве человек становится счастливым ради общества?

- Без общества счастья человека не бывает и к тому же я не смогу тебе дать всего того, чего ты заслуживаешь.

- Вы, мужики, словно слепые котята, не видите своего счастья и почти всегда проходите мимо него,- с досадой воскликнула Маквала.

Гоча с изумлением смотрел на нее.

- Все равно у нас с тобой одна судьба, одна жизнь, одна любовь и одна...,- не договорила она.

- Откуда ты знаешь?

- Женщина не знает, она чувствует.

- Это наверное тебе какая,нибудь гадалка нагадала?

- Да, если жизнь и будущее назвать таким именем.

- Мак, прошу тебя, мне тоже сейчас нелегко.

Он словно подсознательно отрекался от нее, желая избавить ее от той участи, которая судьбой была уготована для него.

Некие странные, недопонимаемые им до конца чувства осаждали его. Порой ему казалось, что с Маквалой говорил за него некий другой голос.

Джони подозвал к группу и предложил поторопиться в город до наступления сумерек.

- Ладно, - обреченно прошептала Маквала, словно у нее отняли сердце,- пусть все будет, как ты хочешь и как было раньше.

- Вы чего задерживаетесь, Гоча?- крикнул Джони.

- Идем, идем!- слышались одновременно два голоса.

Группу уже дожидался пазик, остановленный Гурамом на трассе. Автобус направлялся в город.

Попрощавшись с ребятами и Джони, Гоча от ближайшей станции метро пустился до дому пешком, окутанный вечерними сумерками, уличным смогом и мыслями.

- Отчего так безудержна и страстна моя любовь к тебе, Ква,- подумал он о девушке, которую любил называть сокращенно именно так,- не оттого ли, что любовь наша безысходна и невозможна?

В это Гоче верить не хотелось.

- Да оттого, что невозможна!- отвечал ему затаившийся таинственный голос.- Ни ее жизнь, ни моя не принадлежат ни ей, ни мне. Она это знает лучше меня. Кроме нас, есть еще наши родные, близкие и дальние, коллектив на работе, люди из окружения. Если мы даже огласим и узаконим союзом нашу любовь, ее заключают, забросают камнями, осквернят, растопчут. Если даже мы соединимся, мы не сможем вместе жить счастливо,- ныло сердце Гочи от этих мыслей,- а если не сможем вместе жить, то на кой черт нам все это? За своим желанием быть моей она не видит никого и ничего. Так значит, ты потеряешь ее?!- спрашивал он себя.

- Нет, нет,- в ужасе отвечал себе,- только не это! А что же тогда? Не кажется ли тебе, дружище, что ты сам себе противоречишь: ни уступить ее не хочешь, ни принимать не принимаешь!

- Да иди ты,- огрызнулся Гоча на себя, но сразу смягчился,- сжался надо мною, я прошу тебя. Ну,

почему, почему нельзя оставить все так, как было раньше, любить ее по-прежнему, питать к ней те же чувства, быть рядом с ней почаще, ходить вместе с ней в походы, любоваться ею, беседовать о ерунде, жить ею и в ней. Ну, разве это невозможно?

- Ха, ха, ну, ты даешь, дружок, а где же тогда движение жизни и материи вперед и превращение одних форм в другие? Ты словно впрямь пожелал остановить жизнь, все заморозить и омертвить.

- Ну, хоть на миг!

- Долго длился этот твой блаженный миг! Пришла пора платить, и, если тебе это не по карману, уйди с пути.

- Уж, вправду, ничто не вечно под луною!- скорбно произнес Гоча.

- Ничто, мой друг! И не надо ни на себя, ни на жизнь обижаться. Все мы в конце концов под властью неких правил и законов,- долбил Гоче надменный внутренний голос.

- Но и ты не гневайся, я попытаюсь пойти наперекор жизни и судьбе и оставляю все так, как было раньше.

- Что же, дело твое, попробуй! Только запомни и учти, что ничего у тебя не выйдет, и если уцелеешь от этой заварухи, то считай, что тебе повезло, и ты потерял лишь время, а не жизнь. Так что, прощай! От души желаю тебе удачи!- заявил и вдруг умолк голос, говорящий изнутри.

- Все это - какое-то наваждение и чужь! Мы любим друг друга, и ничто несоизмеримо с нашей любовью, даже если она невозможна. Чем невозможней, тем она блаженней,- думал Гоча,- ни расстояния, ни время не сумеют преградить нам путь.

А время на часах отбивало одиннадцать сорок шесть, и Гоча постарался не думать больше ни о чем. Он прибавил шагу и отгонял от себя мысли, отдаваясь мелодиям музыкальной группы PINK FLOYD .

Заря заступила на свой пост, и стали отчетливо проглядываться строгие белоснежные вершины целой гряды холмов. Хотя вчерашняя метель и угомонилась, ветер неохотно сдавал свои позиции.

Солнце лишь изредка выглядывало из облаков, точнее - его скрывали плывущие по небу белоснежные островки, названные кем-то когда-то облаками.

- Очевидно, сегодня распогодится окончательно,- упрямо заявил бородатый альпинист.

Там, далеко внизу, проглядывались палатки альплагеря. Туман постепенно рассеивался.

- Всем проверить ботинки и кошки, сменить шерстяные носки,- звучали строгие указания инструктора.- Кислородных баллонов брать не будем, хватит и одного. Все основные вещи остаются здесь, в палатке. Пойдем налегке, вы и так запыхались.

Проскочим на вершину и - обратно. И чтобы я еще с вами подался куда,нибудь - ни за что, хватит с меня.

- Джони, может, хватит?

- Успокойся, Гурам!

- Ух, если бы не вершина, Гоча. Я так и не дойду, наверное, до нее. Лучше дождусь вас в палатке.

- Тогда и я останусь!- последовал женский голос.

- Ну и оставайтесь, очень хорошо! Собирайся, Гоча, будем трогать.

- Джони, прошу тебя, ведь немного осталось, проскочим на вершину, и все кончится.

- Чего же тогда она во всем поддакивает ему? Тоже мне, артист, поднимается без экипировки и спецоборудования, словно на прогулку по проспекту собрался. Я не разрешаю ему идти дальше, и пусть оба остаются здесь. У нас даже веревки нормальной нет с собой, он ведь все в лагере оставил.

- Нет, и разговор окончен!

Солнце давно уже поднялось высоко над горизонтом. Тучи почти полностью рассеялись. Идти становилось все труднее и труднее. К ощущению нехватки кислорода добавилась и жара. Пот лил градом. Пришлось снять шерстяную шапку под каской. Расстегнутая штормовка пропускала под теплый свитер порции холодного горного воздуха.

Гурам взял у Маквалы ее вещевой мешок, передал часть своих вещей Гоче. Свой ледоруб вручил ей, и Маквала, словно на костылях, при помощи двух

ледорубов ковыляла второй в группе старого Джони, чем задерживала передвижение всей группы. После нее шли Гоча и, последним, Гурам, который никак не мог отучиться от привычки все время торопить и подталкивать Гочу в спину словом "Вперед!"

- Не отставай от Джони!- неслись его напутствия.

Все осадки и неприятности прежних походов и взаимоотношений вдруг всплыли в сознании каждого, и в их душах вновь потянуло холодком взаимного непонимания.

Ненависть, обида, зло, любовь, чувство дружбы - все перемешалось в белоснежном покрове хрустящего под ботинками снега.

Четверка шла на вершину, шла медленно, но строго и ровно.

Люди шли вперед, поднимаясь все выше и выше, туда, где чище, красивее, блаженнее...

Каждый из четверки питал сейчас по отношению к другому не лучшие из своих чувств, но идти было нужно вместе.

Да, не лучшие чувства властвовали над каждым. Все четверо стремились к одной общей цели, у всех четверых была лишь одна сокровенная мечта, к которой они с такими трудностями, шаг за шагом шли и приближались. Одна заветная общая мечта - вершина белоснежной чистоты. И если их что-то сейчас и объединяло, то это было осуществление мечты. Была вершина, которую следовало покорить. И всё же каждый

был одинок перед этой общей мечтой, своеобразен, индивидуален. Каждый по-своему воспринимал окружающее, видя его через призму своих страстей и мировоззрения.

Но горы не любят разлада, неясности, не любят ссор и не терпят холода во взаимоотношениях людей. Они очень тщательно оберегают сокровенную чистоту своей выси.

То, что дозволено было там, внизу, среди людей и другого живого мира, не дозволялось здесь, на тысячи метров выше той жизни. Низинная жизнь переплеталась в многочисленном сцеплении и сожительстве миллионов человеческих сердец. Инструктор знал об этом, но и ему трудно было победить в себе эти негативные чувства.

Словно почуяв это, горы разразились вдруг мощным грохотом, все вокруг задрожало, замерло от испуга.

- Нате вам, получайте беду, ведь именно она объединяет вас, людей! - вещал грохот.

Гром среди ясного неба, гром и грохот в знак предупреждения всему человечеству. Гром и грохот от боли, от гнева, от непонимания и негодования, от того, что все в людях - именно так, как есть. И не чуточки иначе.

Старый альпинист Джони хорошо знал язык гор, и сквозь грохот ему слышались слова вершины: "Чтобы покорить вершину, нужно покорить прежде всего самого себя, и если человек не сможет покорить и победить

себя, то он не сможет победить никого и ничего на свете. Прежде, чем лезть к нам, разберитесь в самих себе и между собой. К подобному нужно идти с подобными чувствами и нутром. Нельзя восходить к вершине, красоте, свободе, чистоте, возвышенному... с земными и низменными мерками. В горы нужно идти не для того, чтобы там очищаться, а для того, чтобы там проверять свою чистоту. А очищаться вам нужно там, внизу, на земле, где живут люди. Очищаться самим и очищать своим примером других.

- Ваше поведение здесь - абсолютно неприемлемо. Неверно, неоправданно, обидно!- все с нарастающей силой сотрясались эти могучие и величавые властители планеты.

Нате вам, подхалимы, обратно еще и ваши крылатые изречения о том, что красивее гор могут быть только горы. Ибо красивее любви и построенных на этом чувстве человеческих отношений не может быть ничего на свете... Любви человеческой, которая также является подобием и прообразом той, большой абсолютной любви, которую питает сам Бог к человеку.

Если Вы не способны любить и терпеть друг друга, как вы можете любить полноценно горы и постичь глубину их прелестей и красоты.

- Без этого чувства все на свете теряет смысл и пропади все пропадом,- гремели горы, великаны,- если нет смысла ни в вашей, ни в нашей жизни!

Похоже было, что горы кончали жизнь самоубийством. Сотрясаясь, они с нервной дрожью сбрасывали со своих рукавов огромные массивы белоснежных лавин, с грохотом катившихся вниз, в бездну белоснежных отвесов...

- Алло, алло, Бархат, отвечай, как у вас там дела,- слышался тревожный голос в радиоаппаратной алылагеря.

- Что там?

- Бархат молчит, Геннадий Ильич,- тревожно заявил радист.

- Гена, ну что там?

- Молчат, Ник, вызови срочно машину и свяжись с вертолетами, а я в лагерь. Да, и вот еще что: возможно, у них вышла из строя только передающая связь. Радируйте им о происшедшем, и чтобы без паники, понятно?

- Понятно,- заявил радист и пригнулся к трубке.- Алло, алло, Бархат, отвечай. - Ответа не следовало. - Бархат, передаю информацию о происшедшем. Всем членам ГСС просьба сохранять спокойствие и не поддаваться панике. Вы оказались в эпицентральной зоне происшедшего несколько минут тому назад мощного землетрясения, вызвавшего лавинные обвалы. Балльность землетрясения пока нам неизвестна. Возможны и последующие толчки.

Приказано до подхода спасательных машин никаких выходов по спасательным работам не предпринимать. Алло, алло, Бархат, ты слышишь меня, Бархат...

На перевале УАЗик прочно застрял.

- Геннадий Ильич, подождем тягачей, с ними ехать надежнее, они вот,вот подъедут,- жалобно попросил водитель.

- Ну,ка дай твой бинокль!

Гено вышел из машины.

Панорама вершины открылась перед ним столь же спокойной, сколь нервно и напряженно он чувствовал себя сейчас. Оставалось впечатление, будто бы ничего и не произошло. В бинокль он едва разглядел самую высокую точку вершины и увидел на ней реюющий флаг.

- Есть, есть флаг, вершина покорена!- с выступившими на глаза слезами проронил Гено, - ты слышишь, - обратился он к водителю, не в силах сдержать себя,- ты понимаешь: они взяли вершину!

Слезы катились из глаз огромного и сильного человека.

- Джони, ты такой живучий, ты бы не растерялся, ты что,нибудь все равно бы предпринял, не дал бы себе погибнуть, не погубил бы и ребят. Вспомни, разве и не из таких заварух мы с тобой выкручивались! Ах ты, старый хрыч, ты не мог покинуть меня никак!

- Стойте, Геннадий Ильич, куда же вы? Скоро ведь тягачи подъедут,- крикнул ему вслед водитель.

Но Гено направился пешком к альплагерю без оглядки...

Там, еще ниже, раздались выстрелы из охотничьего ружья: Родился мальчик где-то в отдаленной деревне, в горах.

Вот так, ни с того, ни с сего - родился и все! Появился на этот свет и никого об этом не спрашивал. Как его назовут, кем он станет, когда вырастет - пока было неизвестно. А, может, ещё один альпинист родился?

Солнце уже опускалось за горизонт, надменно заявляя: вот так! Так было и так будет, пока я существую, утвердятся тепло, любовь и понимание. А после меня - пусть будет то, что будет.

Горы по-прежнему стояли - величественно и строго, словно затаившись, словно ожидали от кого-то вопроса за содеянный ими ужас. Казалось, они пытались скрыть тайну судьбы покорителей одной из их вершин четверых смельчаков, терпевших бедствие ради одного великого чувства - чувства любви к чистоте белоснежных вершин.

08.1986

ВАННАЯ ФИЛОСОФИЯ

Останавливаться подолгу на одном месте небезопасно, как и теряться, впасть в панику. Это сознание, как и многие другие - явные, скрытые, приходит с каждым шагом пути, становясь другом тех, кто продолжает идти...

Впрочем, слово "идти", хоть и отождествлялось со словом "жить", не совсем определенно выражало и раскрывало всю сложность воспринимаемого и испытываемого, с которым приходилось бороться даже при минутных расслаблениях, когда "жизнь" предоставляла небольшие передышки даже при обманчивых наслаждениях, казавшихся или желавших казаться далеко не сиюминутными.

Нотки переживаемого просачивались глубоко в сущность индивидуального, побуждая его объясняться на усложненном и лишившемся силы воли языке, переплетая иерархические строки слов с грубыми и далеко не всегда легко воспринимаемыми рецидивами.

Таковым было следствие неординарных судеб индивидуальностей. Далеко не каждый падал тогда, когда созрел: падали кто раньше, кто позже, и лишь в одном все сходилось - каждый умирал в одиночку. Последнее в свою очередь помогало осознавать и понимать всю неизбежность потерь и смиряться. Иных осознание неизбежности настигало и сшибало с ног сильнее и больнее, чем виражи нелегкого пути и причудливые странности судеб. Падение спутника порой казалось более страшным, чем еще не испытанное, свое.

К происходящему добавляется и надменная бессмысленность жизни, определить смысл которой удавалось немногим...

Черный усач, "альпинист" полз медленно и старательно, прижимаясь к белоснежной и скользкой эмалированной стене, неуклюже ворочал головой по сторонам и осматривался, шевеля усами. Почти наравне с ним с необычайной легкостью подымался рыжий. Но конопатый не решался выбиваться в лидеры.

Перебирающий задними лапками "альпинист" по кличке Стукач старался не отставать от старших, то и дело подстукивал музыканту, напевавшему знакомую мелодию, призывая его к большей серьезности. Ниже ползли еще двое. Остальных не было видно ни выше, ни ниже. То ли время, то ли пространство разлучили их с остальными, лишив последних возможности быть вместе со всеми.

Да, да, не желание и возможности, а пространство и время явились причиной разлуки!

О ползущих впереди можно было судить по тому, как они летели вних головой и пролетали мимо основной группы.

При одном из падений зацепили Стукача, и тот с напутствием: "Счастливо вам, ребята", сорвался с места и устремился вниз, в бездну бытия.

Здесь по большому счету никто никому помочь был не в силах. Максимум могли посочувствовать, утешить боль, спасти от хвори, недугов, подбодрить... но не более.

Стукача проводили минутой молчания.

Лапки его скользили, не удерживаясь без движения на гладкой поверхности. Хотя он и не чувствовал еще усталости, но хорошо знал возможности остальных и не считаться с ними не мог.

- Всем идти,- скомандовал он, и группа двинулась дальше, в путь...

Шли без лишнего груза, даже предметы первой необходимости были оставлены внизу, на месте, откуда началось восхождение. День отступал, и нужно было торопиться на "вентиляционную станцию".

Совсем недалеко проявился переход через гладкую белую зону, в шероховатую серую, хождение по которой чувствительно упрощалось. Нужно было лишь преодолеть небольшой бугор на их границе.

Усач долго удерживал новичков, сорвавшихся на бугре, но его передние мощные лапы, вцепившиеся в выступ, все больше и больше ощущали усталость. Все лишь наблюдали за тем, что происходило вокруг. Даже обреченно висевшие на задних лапах черного усача тоже флегматично ожидали своей дальнейшей участи...

- Мы все, в конечном итоге, оказываемся достойными своей участи, - с досадой подумал усач и, махнув рукой, скатился вниз вместе с неудачниками. Он падал гораздо быстрее, чем два его спутника.

Никто не в силах никому помочь- эта мысль погубила усача,- подумал в свою очередь конопатый рыжий,- хоть он и не был ей подвластен.

До станции добрался лишь музыкант, которого встретили другие "счастливчики", - мощный поток горячей "лавы" понудил расстаться с ним и конопатого.

У "счастливчиков" не было уже ни желания, ни сил идти куда-нибудь со станции, они не согласились бы на поход даже в рай, но все понимали наивность своих желаний и знали, что, переждав день, они снова

двинутся в путь, ибо, чтобы оставаться на месте, им нужно было идти.

Ослепительный свет стеклянного мини,солнца нарушил ход происходящего.

- Мама, поди сюда, погляди, что творится. Тараканы скоро съедят нас! Обещала посыпать средством и не посыпала...

Горячая вода, подхватив трупки тараканов, неслась к водостоку, закручиваясь воронкой вокруг широкого отверстия.

Горячую воду давали с большими перебоями, и надо было торопиться.

Погружаясь в теплую ванну с разбавленными в воде шампунями и укладываясь в ней на спину во весь рост, Женя, смежив веки, погрузался в свои думы.

- Как часто между человеком и злом, которое представляется нам, в большинстве случаев, в виде всевозможных масок, пробивается росток любви,- рассуждал Женя про себя.- Он мешает использовать все средства и возможности, чтобы обрушиться на это зло.

- Излишняя уверенность человека в своих возможностях всегда была ошибочным шагом его логического умозаключения, потому что в определенные моменты жизни сама улавливала в себе подвох и несостоятельность.

- Нереализовавшаяся мощь внутренних возможностей порой разрушает в человеке его социальное и биологическое кредо. Социальное кредо - это хрустальный замок нравственности, без которого человек превращается в хищное животное. К примеру, разумно ли спасать, когда ради этого приходится убивать?

Случилось такое раз, два, ... , часы отбивают счет, и ты все быстрее катишься вниз, где тебя ждет коварный и суровый, но, увы, справедливый суд внизу, - глядишь, и окажешься перед сорванной маской зла. Все это так похоже на принцип домино! Попробуй, как уложить кости одну за другой, используя тысячи и миллионы коробок, а потом толкни всего одну из "начальных" костяшек и пойдет, и изовьется красочной лентой вся благотворительная цепь.

- Ответ и выход лишь один и единственный. Он может предохранить человека от этого унижительного падения - он ясен и дураку! - Не надо становиться в строй!

- Ура! Причина ясна, болезнь излечима!- наивно воскликнул Женя.

- Но увы между "не надо" и объективной необходимостью вся историческая пропасть событий прошлого и настоящего. Жизнь заставляет становиться в строй. Или, если попроще,- сама ставит тебя в строй, ничего у тебя не спрашивая. Революция объективна и

закономерна, как итог борьбы чистого и справедливого. Но достаточно ли ее одной?

Чтобы удовлетворить прихоть единиц и облегчить участь пусть даже многих тысяч, порою погибают миллионы.

Все не раз уже оговорено, сказано, написано, на большинство этих вопросов уже отвечала философия, но каждый раз умираешь по-новому и все острее и больнее воспринимаешь разгулявшуюся мразь. Никто не хотел умирать! Однако умирали и умирают по сегодняшний день.

- Жизнь течет по своему руслу, и у нее свои законы, она жестока и коварна!- лезло в голову Евгения.- И особенно, когда представляется нам в маске, маске прекрасного и величавого. Можно ли за деревьями не видеть леса?

- И если мы говорим, что в жизни все взаимосвязано и взаимообусловлено, что человек-существо биосоциальное, то смерть социальная - потенциальная биологическая смерть.

- Как не вспомнить здесь утверждение великого Платона,- прояснилось у Жени: "Жизнь- это медленная смерть, и кто не хочет умирать, тот не должен рождаться". Докатились! Да, но где же тогда историческое качество этой категории? Жизнь ради светлого будущего! Неужели и тут коварство объективности - делать светлое тьмой?

- Женья, ну что ты там до сих пор, провалился что ли? Как будто никто, кроме тебя не хочет купаться?

- Сейчас, мам, выхожу уже скоро,- отозвался Женья, приоткрывая глаза и привставая - вот где конец любой философии!

Вылезая из ванны Женья, он подхватил с вешалки длинное чистое махровое полотенце, обнюхал его пару раз, принялся обтираться, наслаждаясь чистотой своего тела. Опустил руку в воду, снял с водоотводного отверстия ванны пробку, отложил ее на край раковины и с удивлением обратил внимание на загрязненную воду.

- Странно! Вроде бы еще совсем недавно купался, и вот тебе на! Хорошо все,таки купаться, обмывать тело снаружи. А если очистить организм и изнутри, хотя бы по методу голодания, по Бреггу¹ - тогда вообще закачаешься от удовольствия.. А еще промыть и прочистить сердце и мозги, вот было бы здорово, меньше одолевали бы всякие дурные мысли и философские теории, как они не одолевали несчастных существ, которые лезли по стенкам ванны и которых пришлось смыть водой. Может, и вправду жить нужно попроще? Но как? Жизнь пройти и впрямь не поле перейти.

- Женья, ну, ты скоро, наконец, или нет,- нервным громким голосом звала мать, прося побыстрее освободить ванную, - уже больше часу, как возишься. Интересно, что ты там делаешь?

¹ Поль Брегг. Чудо голодания. Сидней, Австралия, 1967, с.161

- Как все быстро изменяется, и как быстро летит время,- думал Женя, стоя у окна и наблюдая за сумерками, медленно опускающимися на город,- которому не удалось изменить лишь сущность человека.

Издаലെка, почти с другого конца города, едва слышно доносился колокольный звон.

- Хм?!- удивился он.- Интересно, по ком они звонят в такое время? Странно, обычно звонили по утрам. В этом городе тоже многое изменилось.

Он последний раз протер полотенцем влажную голову и волосы и, обернувшись, оглянулся на свой письменный стол. Его ждали стопки бумажных папок, всевозможные книги и куча разных бумаг. Он гордился своим образованием и своей работой, доставлявшей ему много радости. Но он еще не знал, сможет ли сегодня работать или нет. После горячей ванны и легкого обмывания душем он чувствовал спасительное облегчение тела и приток новых сил, но голова по-прежнему была занята утомительными философскими размышлениями.

Через несколько минут он направился в кухню. Для полноты набора биологических потребностей и достижения наивысшей точки физического блаженства ему недоставало пары чашек крепкого горячего чая.

Но и после этого он не чувствовал себя полностью счастливым и удовлетворенным.

Душе его хотелось еще чего-то, пока ему не ведомого, некоего возвышенного чувства, которое необходимо было ему как крылья для полета.

12.03.1988

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ПАЦИЕНТ

*Есть проблемы, до которых
нельзя долететь, но надо хотя
бы дойти, хромя, и в этих
случаях не грех хромать.*

З.Фрейд

В чем же заключается феномен знаний?

В том, что, когда они не нужны и их не используют, они постепенно исчезают, уходят, но не бесследно. Они оставляют свои следы в душе, в виде царапин, как на грампластинке. Следы проявляются и проигрываются в конечном итоге в тех методах и приемах мировосприятия, которые не поддаются словесным формулировкам и объяснениям...

Жаркое палящее солнце подымало с земли пар.
Сквозь металлическую сетку, натянутую на высокой

железной решетке, золотилась пыль с песчаной дороги в сотне метров, когда по ней изредка пробегала легковушка или самосвалы, таскающие песок с карьеров.

По дороге мчалась чистая белая "Волга" новой марки, поднимая за собой очередные клубы пыли.

- Поймал, поймал!- раздался радостный голос.

- Кого, кого поймал?- поинтересовался второй.

- Кого, кого?!- передразнил третий.- Ясно кого, кота за хвост!

- Ой, как хорошо,- поддержал четвертый,- дайте и мне подержать. Ну, пожалуйста!

- Садисты, не мучайте зверя, отпустите, отпустите, запустите, закусите,- завелся пятый.

- В тихом лесу, только не спит бобер...- доносилась песня,- ...от того,то не спит бобер.- Учтите, чем больше, тем меньше, но не всегда,- кричал шестой.

- Смотрите, смотрите,- завопил вдруг следующий голос,- у капитана в руках осталась гениталия зверя.

Раздался радостный хохот и гул.

Маленькая ящерица, лишившись хвоста вовсе не чувствовала утраты, напротив, радость освобождения несла ее со сногшибательной скоростью к ближайшему укрытию.

- Анзор Михайлович, к вам пришли посетители!- заявила молодая фельдшерица, обращаясь к стоящему спиной пожилому рослому мужчине в белом халате, наблюдавшему нечто любопытное, происходившее за окном, во дворе.

- Кто такие?- поинтересовался врач не без удивления.

- Не знаю, впервые вижу,- ответил нежный женский голос за его спиной.

В кабинете Анзора Михайловича ждали мужчина и женщина лет сорока- сорока пяти, приятной внешности. Женщина, впрочем, выглядела гораздо моложе. Одеты они оба были солидно.

- Анзор Михайлович,- представился человек в белом халате.

- Каха! А это - Нана, моя супруга,- представился посетитель, поднимаясь с роскошного дивана в приемной.

- Чем вам обязан?

- Видите ли, я старший брат Захария Бендукидзе. Нас волнует его судьба. Я никак не могу поверить в то, что все это настолько серьезно.

- Тинико, найди мне, пожалуйста, папки и журналы, о которых я тебя просил, они должны быть там, внизу - в шкафу.

Фельдшерица молча кивнула головой и приступила к выполнению просьбы.

- Анзор Михайлович, мы очень надеемся на то, что ответ будет обнадеживающий. С ним что-нибудь серьезное?

Главврач протяжно вздохнул, неторопливым жестом достал сигарету из валявшейся на столе пачки,

помял ее, придвинул поближе пепельницу и закурил. Он молчал, обдумывая ответ.

- Я знаю, есть люди, которые строго и пунктуально выполняют то, что говорят. Есть, которые говорят о себе лучше и больше, чем из себя представляют, это всякие хвастуны. Довольно редко встречаются такие, что наговаривают на себя,- Каха пытался хоть как-то завязать разговор.- Захарий не относился никогда ни к одному из перечисленных типов и обычно бывал немногословен, любил, чтобы за него говорили дела и поступки. Правда, меня бесило в нем то, что он всегда призывал меня оттачивать чувства, а сам от этого убегал, стремился больше к непокоренным им вершинам рационального.

Каха с любопытством вглядывался в Анзора Михайловича, который не пытался прервать его рассказ, а напротив, по его затяжкам и принятой в кресле позе, можно было судить о его заинтересованности в добавочной информации о своем пациенте. Поэтому после недолгой паузы Каха продолжил свой рассказ.

- Школа - на медаль, вуз - с отличием, большой отдел в институте под его руководством, и дальше, уверен, его ждали широкие горизонты, и вот тебе на - концовка, к тому же такая неожиданная! Неужто перегорел? Доктор, скажите мне прямо, он болен? напрямик спросил Каха.

- Да... то есть, нет...- заколебался врач.

- Как это?

- Его беда в том, что он слишком много и слишком мало знает.

- О себе?

- Обо всем, и о себе в том числе.

- Ну, так в чем же дело?

- Именно в этом!

- Доктор, ваше спокойствие мне начинает стоить нервов!

- Они вашему брату вряд ли сейчас помогут.

- Послушайте, вы...- почти сурово произнес Каха, привставая с дивана.

- Каха, прошу тебя, не надо!- бросила ему спутница.

Тинико прекратила свои поиски и бросила взгляд на врача.

- Могу ли я его видеть?- продолжал Каха.

- Боюсь, что нет!

- Здесь, что, тюрьма, что ли? Ну, и порядочки же у вас! Если человек не болен, зачем вы его держите, да еще и видеться с ним не позволяете? Отец писал мне об этом, а теперь я вижу сам.

Главврач терпеливо выслушал упреки, а затем вдруг попросил:

- Я прошу вас обоих, уезжайте отсюда.

- То есть как это?- взорвался Каха.

- Если вы действительно думаете о нем и хотите ему добра, то уезжайте. Ваш приезд ничего ему не даст, а напротив, лишний раз расстроит.

- Нет,- решительно возразил Каха,- никуда мы отсюда не уедем, пока не повидаемся с ним или хотя бы не узнаем от кого,нибудь, что с ним и как он здесь!

На минуту Анзор Михайлович задумался. Ему показалось, что Каха болен еще тяжелее, чем его брат.

Противиться более не имело смысла.

- Тинико!- обратился он к медсестре.

- Да, Анзор Михайлович,- отозвалась та с готовностью.

- Когда у нас с ним сеанс гипнопедии?- поинтересовался врач.

- Сейчас посмотрю! - Тинико достала из шкафа одну из канцелярских книг, с надписью "Дневник пациентов", и принялась перелистывать страницы.

- В четырнадцать тридцать, сегодня,- сообщила она врачу.

- Черт побери!- подумал Анзор Михайлович. - Если я их допущу за час до сеанса, они сорвут мне весь курс, и тогда все пропало! Ну, почему человеку при жизни никогда не удастся спрятаться от своего мира. Тебя находят, даже если ты убегаешь за много километров от него, и вмешиваются, вмешиваются, постоянно и отовсюду! Нужно попытаться отбить у них охоту к этому,- попытался он успокоиться и собраться с мыслями.

- Хорошо,- произнес вслух,- я попытаюсь объяснить, что в моих силах сделать,- начал спокойно и медленно.- Понимаете, дело в том, что Захар всегда всем

во всем уступал и жертвовал собой - своим счастьем, благополучием, здоровьем... уступал вам - родным и близким, уступал друзьям, знакомым, уступал обществу. Уступал, уступал, и еще раз уступал! А теперь вы вдруг спохватились. Но именно теперь, когда, по вашему мнению, пришла его пора, его черед, уже слишком поздно,- Анзор Михайлович глубоко вздохнул, задержал на секунду дыхание и облегченно выдохнул. - Захар слишком долго падал,- подумал он,- а без великой идеи это занятие далеко небезопасно для человека. Падал даже тогда, когда поднимался, карабкался назло и наперекор судьбе. Но не смог от нее убежать.

- Один известный русский кинорежиссер¹ еще совсем недавно напомнил нам, что в жизни есть вещи поважнее собственного счастья...- продолжал Анзор Михайлович, выкуривая очередную сигарету глубокими затяжками. Он стоял у окна и больше поглядывал в него, чем смотрел на своих усмиренных собеседников, и удивлялся большим и быстрым переменам в природе. Когда они спешили сюда, все вокруг испепеляло солнце, а теперь поднялся и нагнал туч ветер, накрапывал дождь, предвещающая грозу. Ему казалось, что за него разгневалась сама природа.

- Это - вещи, связанные с мыслями, заботами, деяниями и переживаниями других людей, в особенности близких,- продолжал Анзор Михайлович.- Вытеснение собственного ради окружающего - было принципом

¹ Андрей Тарковский.

жизни Захара. Это безграничное самопожертвование было постулатом его внутреннего состояния.

- Откуда вы все это знаете? - с изумлением спросила Нана.

Анзор Михайлович продолжал, не ответив:

- Вы никак не могли и никогда не сможете понять этого. Он хотел, страстно желал не того, о чем иногда говорил вам, а того, чтобы вы поняли: каждый человек, тем более близкий, имеет право быть понятым и желать, не все, ну, хоть немножечко того, что имеете и имели уже давно вы. Он ждал от вас, а не требовал, ждал, держался, как мог, до последних сил. Ждал от вас такого элементарного - не материальной помощи и ничего другого, кроме одного: обыкновенного человеческого понимания. А что он получал вместо этого? Советы, упреки, пусть даже попытки помощи,- все, кроме желаемого. Желаемого понимания с вашей стороны, невзирая на все его "творческие успехи". Так зачем же он вам сейчас? Он был у вас и жил с вами всю ту жизнь, от которой попал ко мне!

- Откуда вы все это знаете? - нервозно, с некоторым изумлением возразил Кахабер и добавил: - Чувшь все это, ерунда, плоды вашего воображения с целью удержать пациента и провести свои гнусные опыты и наблюдения. Но этот номер с нами не пройдет, я предупреждаю вас!

- У него новые проявления небезызвестной болезни и они требуют новых, нетрадиционных методов лечения,- убеждал Анзор Михайлович.

- Вы можете гарантировать успех по вашему методу лечения? интересовалась спутница Кахабера, успокаивая разгневанного мужа.

- Никаких гарантий дать вам я, к сожалению, не могу.

- Видали умника, не может дать гарантий,- возмутился Каха.

- Но я сделаю все, что в моих силах, и могу уверить вас, что надежды мои не безосновательны,- продолжал врач. - А остальное... Остальное будет за вами, когда он вернется к вам, вы должны будете учесть и осуществить все то, о чем я с вами говорил.

- И все,таки мы его хотим видеть!- Каха был неумолим.

Из комнаты Анзора Михайловича доносился громкий мужской голос, долго слышались оживленные споры.

Потом на время все утихло. Неожиданно дверь отворилась и из нее вышла супружеская пара в сопровождении Тинико. Она направилась в сторону длинного коридора, ведущего к палатам.

Захарий лежал в просторной палате один, под наблюдением постоянно присутствующей медсестры, сидевшей за столом, перебирающей какие,то бумаги, то и

дело поглядывавшей на пульт управления приборами, переговорное устройство.

Над спавшим пациентом встали три посетителя.

- Здравствуй, Захар,- радостно завопил Кахабер и легко пожал его руку.

Но Тинико тут же жестом остановила его, и он послушно отпрянул.

- Ты видишь, Нана, он совсем не изменился!

Нана утвердительно кивнула головой.

Захарий приоткрыл глаза и с любопытством взглянул на посетителей.

- Аа, - протянул он,- Ка...Ка...Каха.

Тинико в гневе отошла в сторону - она нарушила требование врача.

Каха и Нана радостно и нетерпеливо затараторили, перебивая друг дружку. Захар понемногу пробуждался. Медсестра, сидевшая в комнате, начинала препираться с Тинико, которая уговаривала и просила ее о чем,то.

После недолгих переговоров Тинико подошла к посетителям.

- Хватит,- просительно произнесла она и попыталась подтолкнуть Каху к выходу.

- Как тебе тут?- спрашивал тот.

Захарий улыбался и кивал головой.

- Ты хочешь здесь остаться?- домогался Каха.

Захар в ответ снова улыбался и кивал головой.

- Хочешь, я увезу тебя отсюда?

Захар отвечал так же, как и на все вопросы, улыбкой и кивком головы.

После недолгих переговоров и прощания Каха и Нана обещали приехать еще раз и тогда уже забрать его домой.

- Что случилось, Тина? Усомнилась во мне?

Тина в изнеможении, не убежденная в своей правоте, отрицательно кивала головой. Анзор Михайлович неторопливым шагом подошел и остановился перед ней:

- Тина, вспомни, как мы на протяжении уже многих лет совместно обсуждаем причины заболеваний своих пациентов и перспективы их лечения. Встречаются случаи рядовые, неординарные и, так сказать, наиинтереснейшие. Ты не можешь не согласиться с этим, как и с тем, сколько у нас противников и врагов, жаждущих, чтоб мы споткнулись и упали. Ты мне нужна, девочка, пойми,- Анзор Михайлович нежно прошелся рукой по ее руке.

Тина с отвращением отстранилась от него:

- Я не ваша девочка, Анзор Михайлович, а женщина, имеющая многих друзей, знакомых - любимых мною людей, и мне больно наблюдать за вашими проблематичными опытами, основанными на методе проб и ошибок, на людях. Они к вам приходят за помощью, а вы их в своей клинике добиваете.

- Тинико, ты ведь знаешь, что зачастую они приходят ко мне слишком поздно.

- Тогда в чем же ваш вклад во все это дело? Ведь они же не подопытные животные. Зачем нужны все эти пустые фокусы?

- Тинико, я не узнаю тебя, все последние годы ты была моей правой рукой и даже более. Я считал тебя своей единомышленницей, а оказалось, я ошибался.

- Нет, не ошибались! Я вам верила, ждала, надеялась. Нужно набраться смелости и напрямик сказать, хотя бы самому себе, что все это...

- Тинико, мне очень больно слышать такие слова от тебя.

- Анзор Михайлович, гораздо большее наши деяния.

- Позвольте, в таком случае - не вам об этом судить!

- Да, но об этом судит практика, жизнь, итоги нашей работы.

Женский голос все более набирался решительности, и теперь становилось ясно, что это мнение непоколебимо.

- Ни один из ваших пациентов не вернулся к нормальной жизни.

- Без нас они бы скончались гораздо раньше,- миролюбиво возражал Анзор Михайлович.

- Известно же, что существуют нормальные клиники, апробированные методы лечения. А ваша

экспериментальная клиника просто логово для проституции и коррупции.

- Ну, уж это вы перегибаете,- почти возмутился Анзор Михайлович, быстрым шагом направился к оппонентке и остановившись перед ней, пристально взглянул ей в глаза.- Откуда вы это принесли?!

- Да об этом говорит уже вся клиника: вы за деньги набираете пациентов, за их же деньги расплачиваетесь с медперсоналом, который по своему тщательному отбору набираете из женщин с неблагополучными судьбами. И гораздо страшнее того, что вы делаете со своими пациентами, то, что вы делаете со своими коллегами. Вы же проделываете двойные эксперименты, оставаясь при этом в барышах, с именем и перспективой блистательной карьеры.

- Девчонка, да вы сошли с ума!- Анзор Михайлович с яростью тряс Тину за плечи.- Да как вы смеете?!

- А так, - уже в истерике отвечала Тина, силой освобождаясь из рук собеседника.- И к тому же еще говорят, что вы несостоятельный мужчина.

- Дрянь! Шлюха!- на этих словах нежная женская щека ощутила пощечину.

- А теперь эта очередная жертва, Захарий Бендукидзе, и папки с его якобы замудренными сеансами и допросами, из которых вы пытаетесь выудить причину становления и развития его болезни. Заманчиво, конечно: пациенты Ломинадзе, попав в его клинику, начинают

мыслить по-иному! Да вы же окончательно загубите этого несчастного немого...

- Это уже не ваша забота!- в гневе повышал голос Анзор Михайлович.

- Прощайте! - Тина пулей вылетела из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Анзор Михайлович стоял возле окна в полном изнеможении и возражал себе: "Это неслыханно!". Ловил в глубине души себя на том, что топтался в начале одного из путей новой научной работы.

- Простите!- крикнула Тина, возвращаясь в кабинет и направляясь к кушетке рядом со шкафом. На белом покрывале ее покоилась папка, которой несколько минут назад Тина грозила главному врачу клиники.- Забыла ваше кредо,- язвительно прозвучал ее голос,- теперь оно попадет в нужные руки.

Тина направилась к двери.

Возможность утраты и крушения всех результатов, полученных за последние годы, взорвала Анзора Михайловича.

- Нет уж, позвольте,- крикнул он ей в ответ и кинулся вдогонку,- эту папку вы никуда не заберете, это - плод науки, рожденный в стенах нашей клиники и он непременно останется здесь!

Анзор Михайлович налетел на фельдшерицу и что было силы оттолкнул ее, отстраняя от двери.

- Отдайте мне сейчас же эту папку!- настойчиво требовал он.

- Сейчас же отпустите меня, гнусный тип!- кричала в ответ фельдшерница, продолжая упорное сопротивление. - Иначе я буду кричать!

Анзор Михайлович дотянулся до ключа в двери своего кабинета и, успев два раза повернуть, выдернул его из замочной скважины и опустил в карман. Тина дотянулась до ручки двери и несколько раз потянула ее. Анзор Михайлович воспользовался этим и успел выхватить у нее папку. Тина оторвалась от двери и попыталась было пробиться к длинному столу кабинета. Но ее остановила сильная мужская рука, ухватившаяся за левый борт халата. Сначала полетели две верхние пуговицы, а затем послышался звук рвущейся материи.

- Ну, и слава богу,- криком отвечала Тина,- об этом позаботятся не такие жертвы, как я, а люди повыше - в министерстве. И материалов у них, чтобы взяться за вас, предостаточно. К ним добавится и эта папка!- Тина подбежала к шкафу и достала из него толстую голубую папку с неизвестным Анзору Михайловичу содержимым.

- Дрянь, ты за моей спиной собирала на меня досье!- завопил врач.

- И не только следила, наблюдала за вами! Проводила такой же эксперимент, как вы над нами, товарищ психоаналитик!

Анзор Михайлович с минутой в полном потрясении застыл у окна. Случившееся выходило за рамки всех экспериментов, знакомых ему, проведенных им лично после окончания мединститута, за все время

тридцатисемилетней медицинской деятельности. А сейчас эта стройная симпатичная тридцатисемилетняя дамочка, стоящая перед ним в белом халате, с громким криком низвергает его. Число тридцать семь ему показалось в этот момент роковым.

В сознании всплыли предостережения цыганки в детстве о злополучном числе тридцать семь в его судьбе. В тридцать семь он расстался с кафедрой, выгнали за "нестандартность" взглядов и работы совершенно не в том, какое от него требовалось, направлении.

В тридцать семь от него ушла жена.

В тридцать седьмом, окаянном году он потерял отца по известным в те времена обстоятельствам.

- Боже! - вскричал он, вспомнив, что и Захарий, его последний пациент, оказался по счету тридцать седьмым.

- Вы только тем и пробавляетесь, что ловите даже малейшие сублиматические проявления между вашими пациентами и коллегами. А когда результаты ваших "гениальнейших" опытов доходят до пика умопомрачений даже в самой клинике, вы ощущаете неслыханное физическое и духовное удовлетворение. Это все, на что вы способны. Больше у вас нет никаких интересов в жизни!

Тина обернулась. Изпод свисающего надорванного куска материи проглядывало ее тело.

- Ах!- вскрикнула она от неожиданности и окинула Анзора Михайловича взором. Багряная краска

залила ее лицо. От испуга и смущения она вдруг сникла. С минуту они стояли в растерянности. Потом опомнилась Тина.

- Мерзавец!- тщетно пыталась она остудить пыл Анзора Михайловича, угостив его пощечиной,- все равно вы не получите этой папки! - рванулась она и, преодолевая сопротивление, дошла,таки до стола.

Несколько бумаг, схваченных скрепками, вывалилось из папки и оказалось на полу. Пытаясь уберечь от такой же участи оставшееся в папке, она потянулась и упала лицом и руками на столешницу, обронив на нее и оставшиеся бумаги, и папку, и застыла в изнеможении.

Анзор Михайлович налетел на нее сзади и в гневе продолжал борьбу за отвоевание своей "папки жизни", но борьба переходила в другие чувства.

Он долго противился желанию. Тина чувствовала боль от удара о край стола, не могла выпрямиться, даже когда освободилась на время от груза мужского тела. Казалось, упала в обморок.

- Нет, это невозможно,- противился себе Анзор Михайлович, но уже гладил ее руками.

Потом он вдруг остановился и замер...

Он все еще ждал, что Тина подыметя, выпрямится, обернется, воспротивится и он оставит ее в покое. Но Тина не подымалась. Он не сдержался. Сам того не желая, перешел черту, которая погубила не

только его самого, но и дело, которому он посвятил всю свою жизнь.

Что было поделать, если его новому научному взгляду появиться было еще не время.

Он прекрасно понимал, что Тину напустили на него его враги, которые всячески старались погубить его самого и его дело.

Но самым страшным оказалось подозрение, прокравшееся в его сознание и душу. В Тине он всегда видел и чувствовал свою верную помощницу и воспринимал ее как свою правую руку. Таких верных ему людей, которым он доверял очень многое, и мог бы даже доверить свою жизнь, было раз, два, и обчелся. А теперь он заподозрил, что она с самого начала была приставлена к нему, чтоб в один прекрасный момент подорвать и потопить его дело и его самого. И это подозрение попало в "самое яблочко, в десятку". Это уже, как он сам полагал, было поражением, концом всему. Он с грустью вспомнил пословицу: "Самые большие друзья - самые большие предатели". Ему показалось сейчас, что он не доверится больше никому в жизни.

Он недоумевал,- как она могла так жестоко его предать? И он, и она прекрасно знали, что в его клинике ничего из того, что она пыталась инкриминировать ему, не происходило.

"Ну, что же, - подумал он с огорчением,- получу то, чего заслуживаю. Но как быть с работой, с теми

результатами анализов, наблюдений и исследований, которые велись мною все лучшие годы жизни? Я посвятил работе и отдал ей все - даже свое личное счастье."

Боже, какой я дурак,- поднималось в нем негодование,- а еще собирался, если вдруг что со мной, передать ей все результаты, эту самую "папку жизни".

Вокруг стаями кишат группы параноиков и самодовольных дураков, и никому ничего не нужно - ни прогресса, ни движения вперед, ни науки...прямо как сообщество обезумевших и идиотов. Им лучше наживаться на этих несчастных больных, чем стараться им хоть чем,то всерьез помочь и радикально изменить их положение. Господи, если б помочь им было нельзя, я бы не занимался всю жизнь этим делом. Может быть, в другой стране или в другое время меня хотя бы выслушали, а тут хоть кричи во всю глотку, никто и слушать тебя не желает.

Да пропади все пропадом, здесь ничего изменить к лучшему нельзя, да и никому это попросту не нужно. Жизнь протекает по очень простому принципу: "Ничего не меняй, и проблем будет меньше". Ничего не удалось "пробить" и раньше, а теперь - тем паче. Единственное, что я еще могу успеть сделать - это хоть чуточку помочь своему пациенту Захару".

Анзор Михайлович покидал клинику полностью сокрушенный. Он понимал, что все для него уже кончено, и сейчас его волновало не столько это, сколько вопрос: "Почему она солгала на собеседовании?" - за которым следовал ряд других: "Почему она неправильно заполнила анкету при приеме на работу? Чем это было с ее стороны? С какими мыслями она нанималась ко мне на работу: жертвоприношение ради науки, любопытство, происки моих врагов? Ведь у нее ничего в жизни не было! Тогда отчего же?"

Анзор Михайлович почувствовал острую необходимость переговорить с Захарием и сразу ощутил страх, который нагоняла на него мысль о возможном прощании и разлуке с Захарием навсегда.

Он уже сидел на стуле перед спящим Захаром, опустив голову, обхватив ее обеими руками, упираясь локтями в колени. Долго молчал и что-то перемалывал в голове. Мысленно обращался к спящему:

"Вот так, то, мой Захар. Что наделал старый, издерганный жизнью безобразник! О боже, почему же все мои благие намерения и начинания всегда выворачивались наизнанку и преподносились как злые и недостойные, и потом они преследовали меня всю жизнь, всячески изводя и добивая?"

Ему вспомнились слова одной пациентки, которую привезли к нему слишком поздно, и он не сумел ей ничем помочь.

- Я зашла слишком далеко, откуда обратного хода нет,- повторяла несчастная перед смертью.

Он сидел долго, терзался, стонал. Наконец вспомнил, что нынче день сеанса, и пожалел, что пришел сюда с такими мыслями и настроениями. Поймал также себя на предположении, что сейчас скорее сам получал сеанс у Захара, спокойное лицо которого излучало улыбку умиротворения. И весь набор его триад (наряду с основной триадой З.Фрейда¹ "ГАТ"- гипнопедией, ассоциацией, трансфером), с другими основополагающими моментами психологической концепции бессознательного, казалось, катились куда,то к черту.

"Оказывается, в жизни ничего не надо ни упрощать, ни усложнять, и не каждому можно лезть за пределы неразрешимого, а просто надо жить умиротворенно, и то, что не желательно для тебя, нельзя совершать и самому, дабы не искушать судьбу. Хм,- вспомнил он,- совсем как с феноменом запретного плода".

- И запомни еще, Захар, никто и ничто тебе в жизни так не поможет, как ты сам себе, ибо даже если кто и от всей души захочет помочь тебе, против этого деяния воспротивится все - природа, люди, общество, наконец случай. Так что, Захар, отныне только ты сам опора и помощь себе, и я настраиваю тебя на это. Ты

¹ З.Фрейд. Психология бессознательного, М., "Просвещение", 1989. стр. 447

будешь во сне вспоминать мой образ и вслух повторять эти слова. Ты понял меня, сынок?

Врач выждал паузу, словно ожидая ответа.

Ответа не последовало. Тогда он продолжил сам: "Другое дело: чтобы жить, нужно испытывать жажду. Чтобы помочь себе, нужно как минимум себе этого желать. В этом, то, и ни в чем более, я и видел свою функцию и предназначение по отношению к тебе. Ибо влечение к смерти известно издавна, "философия смерти" присутствует и у доктора З.Фрейда, и убить это влечение, хоть бы на время, можно, только перебив его другим влечением, подходящим к конкретному индивидууму и особенным для каждого пациента. Я был близок к цели, но теперь боюсь, что сделать этого до конца не успею, а потому расслабься и слушай меня внимательно. Дальше следуй моим заветам, и у тебя пройдет все, даже снимутся барьеры в речи".

Анзор Михайлович что, то долго внашал пациенту, порой прибегая к помощи рук и мимики.

Завершив сеанс, продолжил.

- Да, вот, что я тебе хотел еще сообщить, Захар. Был у меня друг, тип с немальми причудами. В чем они заключались? Понимаешь, он поступал так, как не поступил бы ни один здравомыслящий человек на свете. Он поливал засохший куст, ухаживал за неплодоносящим деревом, любил и привязывался к девушкам, от которых никогда не получил бы взаимности, тратился там, где можно было приобрести.

Зачем он это делал? Понимаешь, оказалось, что он не земной! Понять, почувствовать, выстрадать и пережить то, что удалось ему, порой гораздо важнее того, с чем мы сталкиваемся в нашей серой обыденной жизни, даже с прекраснейшими ее проявлениями. Захарий, ты единственный, кто услышит, узнает, пусть даже подсознательно, суть и стержень моего метода лечения, которая принесла мне столько радостей и столько бед. Я заложу в твоё бессознательное мою излечивающую программу, а твоё сознательное будет черпать из бессознательного. Смысл жизни - в её необходимости, а посему и спасение человека в самом человеке. Да, я признаюсь, что моя вина и серьёзная ошибка в том, что я осознавал это и, спасая всех вас, моих пациентов, спасал и продлевал жизнь и себе тоже. Но, думаю, сейчас не смогу этого делать, и это зависит не от меня. Ты понимаешь меня, сынок? Никогда и никому об этом не говори и не упоминай ни в речах, ни даже на подсознательном уровне. Иначе подобное, а может быть и хуже, может постигнуть тебя. Пусть эти уроды думают, что сами вылечили тебя. Не важно, лишь бы тебе было хорошо. Вслух об этом трубить нельзя, но пытаться совершать нужно. Прости меня за откровенность, и не подумай, пожалуйста, что я говорю тебе об этом, заведомо зная, что ты лишился дара нормальной речи. Просто сейчас мне необходимо, чтоб хоть кто-нибудь меня выслушал, услышал и промолчал. Спи, сынок, спи. Я сумел бы тебя вылечить, но кто виноват в том, что

человек полагает, а жизнь и судьба располагают? Я оставляю тебя этим безумцам, с их традиционными, шаблонными и абсолютно безмозглыми методами лечения. Да простит меня Бог за это, ибо оставлять и покидать любимое дело самый великий грех на земле. Но сейчас это не зависит от меня.

Он зарылся лицом в ладони и предался глубоким раздумьям. Помолчав, поднялся со стула, одернул постель и, кивком попрощавшись с Захаром, направился к двери. Он прекрасно осознавал, что его многое родило с Захаром, как понимал и то, что если б не упорная работа в свое время, разделил бы его участь. Но оказалась ли теперешняя его участь лучшей?

- Рита, - обратился он к медсестре, увлеченно погрузившейся в чтение журнала пациента, - позаботьтесь, пожалуйста, о нем, - показал взглядом в сторону пациента, с которым только что расстался, - замените ему диалоги со мной на процедуры самоопределения с другими пациентами. А дальше, думаю, он попадет в надежные руки. Всевышний не пожертвует человеком, если этого не сделает сам человек - вспомнил он с радостью, но промолчал.

- Хорошо, - не без изумления согласилась Рита, хотела о чем-то спросить, но не решилась.

- Да, и еще одна просьба, переведите, пожалуйста, Захара из этой палаты номер тридцать семь в какую-нибудь другую.

Рита утвердительно кивнула.

- Человек лишь тогда достигает начала своего обозримого совершенства, когда душа его начинает мыслить, а разум - чувствовать,- думал Анзор Михайлович.

Он полагал, что эта мысль не без умысла пришла к нему с некоторым опозданием, как и многое другое, выраженное в трагизме несовпадения и несовместимости желаний.

Прелестная статуя Музы с раскинутыми руками и душой приглашала к себе - в здание госфилармонии - участников очередного международного симпозиума - школы, семинара психиатров. Шли последние дни его работы, участники уже выслушали множество докладов, обменивались мнениями, доводами, делились результатами своих достижений и наблюдениями. Были в основном уже сформулированы пути дальнейших работ и программа глобального и локального развития науки, со всеми ее характерными и специфическими разветвлениями.

Уже был роздан участникам проект постановления, но симпозиум еще работал, шел доклад очередного оратора.

Возгласы изумления, а то и возражения, сменяющиеся то вздохами, то возгласами и приветствиями, понемногу пробуждали и оживляли зал.

- Так вот, товарищи,- провозглашал оратор,- на всем протяжении истории человечества величием почиталось не столько то, что открывали великое, сколько то, что с ним соприкасались. Из ученых-открывателей можно назвать и медиков, и биологов, и физиков, и философов, политиков и многих других, всех не перечислишь. Все дело в том, как, с чем и когда ты соприкасаешься.

Мне хотелось бы в этом докладе остановиться на некоторых концептуальных принципах "теории соприкосновения" известного всем вам врача, нашего соотечественника и крупного психоаналитика Ломинадзе и предлагаю связанные с этим учением явления называть эффектом Ломинадзе.

По залу прошелся шум, почувствовалось оживление, слышалось даже несколько выкриков: "Мы такого не знаем!" "Неслыханно!".

Многие переговаривались.

- А кто он сам такой?
- Не знаю, назвался его учеником.
- А вы его знали?
- Кого, Анзора Михайловича, что ли?
- Ну, да, этого самого Ломинадзе!
- Да, был один шарлотан,проходимец. Говорят, в эпоху зарождения кооперации оставил кафедру в институте, открыл себе якобы клинику и перешел на практическую деятельность.

- А почему якобы?

- Да потому, что, как поговаривают, эта его клиника была по сути дела заведением и служила ему средством для наживы. Поговаривают, что он и сам совратил одну несовершеннолетнюю. Во всяком случае пришили в суде, помимо много прочего. Правда, впоследствии его реабилитировали, но сердце его как говорят, не выдержало. Кажется, недавно скончался. Говорят также, что он был очень уверен в себе и в своих методах лечения и никого и ничего более не признавал. Боже мой, какая низость, как можно было тащить сюда его имя!

- Оратора с трибуны!- послышался выкрик из зала и свист.

- Как известно, отвергаемое притягивает, и я прошу некоторых из присутствующих, если они не уважают меня и имя моего учителя и целителя, пусть хоть посчитаются с гостями нашими и участниками симпозиума, которые не знают и не слышали того, что я хочу сообщить.

Раздался звонок председателя.

- В самом деле, дадим докладчику закончить. У меня к нему просьба: покороче - ваш регламент уже исчерпан.

- Я кончаю,- согласился оратор.- Итак, в чем величие и сила теории соприкосновения. Во,первых, в том, что она тесно перекликается с философией присутствия М.Хайдеггера¹, суть которой в том, что:

¹ М.Хайдеггер - известный немецкий философ.

“Человек - есть сущее, существо которого в его присутствии и окружении”. Величие личностей всегда обуславливалось величием боли, которую они испытывали по отношению к безмерно любимым ими людям и всему человечеству. Это боль, которая беспощадно третировала и уносила тысячи, миллионы и порой миллиарды человеческих жизней. Их соприкосновение с великим подсознательно делало их самих таковыми. “Небольшому кораблю - большое плавание”.- В большом плавании маленький кораблик делается большим кораблем. В таких случаях становится неважно, если что-то не получается. Мой доклад представлен оргкомитету, и, желающие могут с ним ознакомиться. Сообщаю также, что могу поделиться некоторыми материалами работ профессора Ломинадзе. Ему удалось даже выявить противоречие у великого Фрейда. Он доказывает, что энергия, желание и страсть, с которыми доктор Фрейд приходил к своим умозаключениям, величавее тех физиологических и энергетических концентраций, которые, по его мнению, составляют одну из главных источников энергий в жизни человека и, естественно, и самого себя. Но великий ученый не мог этого видеть на самом себе, зато увидел Ломинадзе благодаря тому, что с этим соприкасался Фрейд.

По залу опять прошелся шум.

- И ещё об одном: он обладал удивительным предчувствием нехватки времени. Понимал, что, если то,

что могло совершиться, не совершилось однажды, то может не совершиться уже никогда.

Результаты, к которым он пришел через непосильный труд, порой даже через "не могу", привели его к следующему: "Никакая роскошь (даже роскошь человеческого общения по Сент-Экзюпери, радость физического, биологического или физиологического влечения Фрейда и его удовлетворение, как и многое другое) не может сравниться с радостью познания и открытия, что тоже можно именовать процессом врача Ломинадзе. И тут он в порыве радости заявляет, что воистину существует лишь то, чего не существует в понятиях, ощущениях и т.д., что существует так, будто его не существует. Воистину материальнее всего на свете нематериальное. Материальное временно, а нематериальное - вечно, правда если последнее- Благо!

Он был одним из немногочисленных сталкеров¹ в области бессознательного.

- Боже, что он несет? - слышалось в зале. Возгласы становились все громче.

- У Ломинадзе не было ни учеников, ни последователей, ибо за сумасбродом никто не пойдет. Интересно, кто же это такой?

- Ай, да оставь, ради Бога, такой же сумасброд, как и его учитель, не видишь, что ли?

- А, что если он его пациент? Скорее всего! Но тогда что он делает на симпозиуме, кто его сюда пустил?

¹ Сталкер - проводник, посредник

И кто ему позволил продолжить его дело? Нет, это невозможно, это нонсенс!

- У него в жизни были некие известные грешки!

- Все это не повод не принимать его труды всерьез,- возразил оратор. - Я настаиваю, чтоб некоторым вышеуказанным эффектам, им открытым, присвоили его имя. Это необходимо,- убеждал он.- А что касается его странностей и причуд, то крупным личностям они нередко свойственны, и это не повод отторгать нас от рассмотрения его концепций. Он не только пополнил учение Фрейда, но и развил его, внес новые основополагающие и фундаментальные положения в науку.

С трибуны оратора провожали аплодисменты, возгласы: "Браво, прекрасно", "Браво, доктор Ломинадзе", и свист, смех, выкрики, возгласы.

Как рассказывают участники симпозиума, на последнем заседании по данному вопросу дебаты разгорелись не меньшие, чем в предыдущий день.

На очень важные и принципиальные вопросы полный и исчерпывающий ответ был под силу лишь докладчику. Но на последнем заседании его в зале не оказалось. Не удалось также установить его личность, ибо он зарегистрировался под вымышленным именем.

Выяснилось, что участник, за которого он себя выдавал, не смог вылететь на симпозиум из-за болезни.

Ходили слухи, что оратор сбежал из психушки и в тот самый день, когда он выступал, его отловили вновь.

Во всяком случае, участникам и даже общественности города, взбудораженной этим известием, было обещано, что в ближайшее время все прояснится.

Обещание было,таки исполнено - нарушитель спокойствия был обнаружен, но к вопросам, затронутым им на симпозиуме, пока не возвращались...

В тот день луна удивительно долго противостояла солнцу, умудряясь даже вызвать его на соревнование и оспорить красоту и силу воздействия на землю.

"...Нельзя шутить не только жизнью вообще, но и всяким делом, помня, куда оно должно быть направляемо. И времени ни одной минуты не должны тратить попусту. В растении, например, и в теле животном ни один момент не проходит так, чтобы там что-то не совершилось... что требуется для жизни, но там творится это бессознательно и произвольно, а разумная тварь должна то же самое делать в нравственно,религиозном порядке самостоятельно, сознательно и самозначительно.

Св.Феофан Затворник

Белая, нового последнего выпуска "Волга", свернув с междугородной автострады за чертой города влево, направилась постепенно вверх по серпантину

нагорной местности, поднимая за собой клубы земной пыли.

Через полчаса, уже виднелась территория начинающегося городского кладбища, с каждым годом разраставшегося с неимоверной скоростью, превращаясь в альтернативу города нижнего.

- Вот здесь остановите, пожалуйста,- произнесла женщина мягким голосом.

- Может, подождать тебя?- предложил водитель.

- Не надо, я хочу побыть здесь одна.

- Хочешь, мы заедем за тобой на обратном пути?

- Не надо, прошу вас, не надо, уезжайте, не задерживайтесь.

Неподалеку от дороги, в пяти,семи минутах ходьбы женщина остановилась у могилы.

- Как мне тебя недостает, мама, как я тоскую по тебе,- прослезилась она и зажгла свечу у изголовья.

Посидев с полчаса, женщина двинулась обратно домой, долго витала среди плотно прижавшихся друг к другу могилок, сбегаящих по склону пригорка.

- Кажется, где,то здесь,- слышно прошептала она.

Солнце поднималось к зениту, и становилось жарко. Она заслонила ладонью глаза от лучей и взглянула вверх.

- Пройди чуть дальше, не волнуйся, я помогу тебе отыскать,- словно послышался ей в ответ шепот огненного светила.

Неподалеку от узкой тропы она заметила искомое. Подошла торопливым ходом. Глаза застилали слезы.

Отделанная базальтом узенькая могилка, заросшая густо высокой сорной травой резко выделялась среди остальных ухоженных.

Женщина припала к мраморной плите с инициалами и провела по ней несколько раз рукой. Слезы вырвались из,под век.

- всю жизнь был один, без присмотра, таким и остался после нее,- едва удерживала она нарастающие волны эмоций.

- Прости меня, прости, что я так жестоко предала и тебя, и твое дело. Но что мне оставалось, когда в тот день ты ушел, а дверь кабинета оставил приоткрытой. Вошла дежурная и увидела...Она долго ошалело смотрела на меня, а потом бросилась бегом из кабинета. На другой день судачили уже все. А потом моя гордыня, поруганная честь и воюющие против тебя принудили меня совершить вторую большую ошибку. Прости, если можешь. Я тоже жестоко поплатилась за случившееся. Ни до, ни после тебя у меня никого не было, ты знаешь об этом. всю вину перед тобой я пыталась искупить тем, чтобы вырастить твоего сына.

Ты знаешь, что значит у нас родить без отца. Я могла в свое время избавиться, но не сделала этого ради тебя. Не склонили меня к такому решению и многочисленные уговоры родителей. Я смогла утаить от всех только то, что этот ребенок твой.

Отец не смог пережить того, что случилось. Сокрушался, стыдился того, что скажут на работе, друзья, соседи. После этого долго болела и мать.

Из клиники я, конечно же, ушла, оставаться там становилось невозможно.

Недавно похоронила и мать, и теперь мы с Мишуткой остались вдвоем. За него не беспокойся, я все сделаю для него. Только бы ты простил меня, Анзор. Когда я спохватилась и опомнилась, было поздно и ничего было не изменить.

Она очистила могилку от сорняков и привела ее в порядок.

Через полчаса по извилистой дороге с кладбища к магистральной автотрассе спускалась женщина, раздавленная жизнью и горем, с разбитой судьбой и сердцем.

Дома ее, утомленную, встретила негромкая современная эстрадная музыка. Она с трудом скинула обувь и с облегчением опустила в шлепанцы уставшие ноги.

В руке ее был совсем мокрый платок.

Она почти украдкой прошла к спальне. Из нее носились звуки музыки и ароматный дух табачного дыма.

Сквозь открытую дверь комнаты она увидела танцующую медленный танец пару.

Первой заметила ее девушка, молодая, худощавая, с подстриженными "под мальчишку"

каштановыми волосами, почти на голову ниже парня, с которым она шла в медленном танце.

- Ой!- воскликнула она, поймав на себе взгляд. -
Здравствуйте, тетя Тина,- опустила тоненькие ручонки.

- Здравствуй, Олечка, здравствуй!- Как поживаешь?

- Спасибо,- смущенно пролепетала девушка.

- Аа, мама, привет! Олечка проходила мимо и решила меня навестить. Заодно позанимались вместе.

Тина заметила на краю письменного стола отпитуемую бутылочку из,под ликера, пару рюмочек, разломанную на кусочки плитку шоколада и ломтики яблока на блюде.

- Да, я вижу!

- Я пойду,- подхватила со стола свою сумочку
Оля.

- Оль, подожди, ну, что ты в самом деле! Ну зачем же ты так, мама?

- Что зачем?

- Она очень хорошая девушка!

- Конечно! В ее годы,то, курит, гуляет, пьет.

- Мама, прекрати, она курит легкие дамские сигареты, сейчас это модно, и пили мы легкий ликер.

- Как вам, молодым, все хорошо и легко!

- Вовсе нет! Ты ведь видишь, на столе книги, мы занимались, потом немного расслабились и решили отдохнуть.

Тина из любопытства перебрала книги. По психологии, социологии, философии.

Долго вертела труды З.Фрейда по психологии бессознательного, полистала программу вступительных экзаменов в вузы, разбросанные по столу тетрадки. Пристально взглянула на сына, ответившего на взгляд раздраженным вопросом:

- Что? Что тебе не нравится?

Она схватила его вдруг за руку и потащила за собой к углу с иконами.

- Вот,- произнесла она строго,- смотри, смотри на икону Господа, Бога. Что он держит в руках? Какую книгу? З.Фрейда или Библию? Что он советует нам читать, каким путем идти? А ты что делаешь?

- Да, но он не запрещает нам читать и другие книги.

- Нет! Но все остальное - это напрасная трата времени, увлечение, хобби! Нам заповедано жить в миру не по,мирски.

- Ты знаешь, мама, что я хочу продолжить и довести до конца дело отца, хотя бы на бумаге, теоретически.

- Твоего отца погубил именно этот путь!

- Нет, неправда, ты сама говорила, что его погубил нелепый случай.

- Но ведь ты уже большой мальчик, достаточно начитанный в теологии, и должен разбираться в том, какой путь к чему приводит.

- Я использую свои познания в теологии и психологии.

- Прежде в психологии бессознательного изучи сознательное и все то, что необходимо человеку для спасения души. Основную богословскую литературу, писания и труды святых отцов. А потом, если останется время, пожалуйста, займись и другой литературой. Но, уверяю тебя, на другую литературу у тебя не только не останется времени, но и не возникнет желания.

- Но, мам, я не могу жить так, как ты этого хочешь.

- Не я, а спаситель каждого из нас.

- Да, но он не запрещает нам жить, любить, радоваться жизни, если мы не будем нарушать его заповедей.

- Кто чем увлекается, тем в конце и побеждается. Пойми, наконец, кто любит Бога, в том нет любви мирской, с ее похотью и гордыней.

- Я все равно хочу продолжить дело отца. Кто это сделает, если не я. Неужели ты этого не понимаешь? Забыла, сколько ты мне рассказывала о нем и его деле?

- Не забыла, а всю жизнь верила в него, в его дело. Но сейчас лучше, чем когда-нибудь, понимаю, что оба мы ошибались.

- Да, но должен же кто-то заниматься и этим делом. Черт побери, надо же помогать людям, попавшим в беду.

- А не легче ли не доводить до этого, сынок, подумай? На все, абсолютно на все вопросы Церковь и наша христианская православная вера дает вполне исчерпывающие и единственно верные ответы. Следуя им, можно избежать опасностей, ловушек и пропастей, которые подстерегают на пути жизни каждого человека.

- Тогда зачем ты хранишь папки с работами отца? Кишы, которыми захламляешь квартиру?

- Это всего лишь память о нем.

- Мама, может, ты права. Но я не во всем с тобой согласен. По твоей философии отпадает нужда человека в науке, искусстве, спорте, здравоохранении... однако же все это существует. Ну, хорошо, но ты ведь сама говорила, что отцу удалось по разработанному новому методу вылечить тридцать седьмого пациента и еще многих до него.

- Да, но многие остались неизлеченными, а их всех можно было не доводить до этого состояния. О, Боже,- приложила она ладонь ко лбу. - Пожалуй, ты прав, от трудов твоего отца надо избавиться,- произнесла, соглашаясь с сыном и направилась к стопке папок и свертков бумаг, находящихся в углу лоджии.

- Не смей!- резко возразил ей голос направившегося вслед за нею сына.

В лоджии она ухватилась за злополучные рукописи восемнадцатилетней давности, сыгравшие столь роковую роль в ее судьбе и жизни.

- Не смей!- попытался сын вырвать их у матери.

Завязалось легкое противостояние и борьба.

- Миша, прекрати, как ты смеешь?!- возражала Тина.

- Отдай мне, верни,- настаивал сын.

Ему удалось завладеть материалами.

Тина побежала за ним, с разгона ударилась о его спину, вцепилась ему в плечо.

Миша автоматически, с полуоборота ухватил ее за рукав и, не рассчитав сил, оттолкнул в сторону.

Она отлетела и очутилась в полусидячем положении на столе. В изумлении вспомнила, что произошло с ней восемнадцать лет тому назад.

"Он вылитый отец,- мелькнуло у нее в мыслях,- такой же сильный, красивый, упрямый, целеустремленный..."

- Ты поднял на свою мать руку,- словно опомнившись, почти спокойным тоном констатировала Тина.

- Ты отнимаешь у меня любимую девушку, любимое занятие и цель жизни.

- Неправильную цель,- поправила Тина.

- Лучше приведи себя в порядок,- предложил Миша.

- Если погибнешь, как и твой отец, я тебя оплакивать не стану!

Послышался стук входной двери.

Она бросилась в своей комнате на колени перед иконой Божьей Матери и залилась слезами.

- Он такой же упрямой, жесткий, несговорчивый, как отец! Молю тебя, помоги мне изменить его к его же благу. Не дай ему погибнуть, у меня ведь никого не осталось, кроме него, а путь, по которому он собирается идти, к тебе не приведет.

В тот вечер Тина молилась дольше и горячее обычного.

Через несколько месяцев в опубликованных списках зачисленных в духовную семинарию студентов под номером тридцать семь Тина обнаружила фамилию, имя и отчество своего сына. Ее радости не было предела. она стояла перед списками, рыдала от счастья и думала: все, что претерпела она в своей жизни стоило этого одного дня и этих минут.

Похоже было, что число тридцать семь оборачивалось для нее и ее семьи счастливой стороной. Через столько же дней после этого Оля со своей семьей перебралась в другой город. Тина прожила еще тридцать семь лет, из которых большую часть она отдала воспитанию внуков и внучек.

04. 1990/2001

ТРУДНЫЕ СЛОВА

*Носите бремена друг друга,
и таким образом исполните
закон Христов.*

(Гал. 6,2)

Дождь лил, как из ведра. С потоком дождевой воды едва справлялись сбившиеся с нормального ритма дворники переднего, лобового стекла "жигуленка". Видимость ухудшилась до безобразия. Брызги из луж разлетались напором под бешено крутившимися по дороге колесами.

- Расслабляешься, отдаешься течению жизни, оказываешься почти готовым к отрешению от земной жизни, но - нет!- думал водитель, вглядываясь в едва различимую дорогу,- беспощадная судьба не дает ни жизни, ни смерти. Бросает от одной стенки к другой, словно бильярдный шар. Что меня понесло ночью, в такую погоду черт знает куда?! Два дня твердил: "Пропади все пропадом!", и вдруг: вот тебе на! Идиот!

Сильный удар в парприз машины принудил его громко вскрикнуть. Руль невольно повернуло. Последовала инстинктивная реакция торможения. Машину слегка занесло. Шумно хлопнула дверь.

Последовал удар ногой по переднему колесу, потом громким возгласом:- "Будь проклято это сочувствие!"

Похоже, громкое высказывание сразило молнию, которую, очевидно, застали врасплох.

Небо вняло гневу водителя, дождь вдруг резко прервался.

- Ладно, успокойся и езжай с миром!- таков был ответ неба.

Быстро заменив колесо запасным, промокший водитель продолжил путь.

Дворники продолжали елозить.

- Черт знает что! Еще зима называется!- раздражался водитель.

Дождь незаметно перешел в слабый снег. Неожиданно водителя мощно ослепило фарой встречной машины.

- Ах, твою!..- ругнул ее водитель.

- Что, если заехать к Мише?- подумал он, чуть успокоившись.- Все равно по пути, может быть, чем,нибудь сможет помочь? А это идея! Родственник, в конце концов, пусть выручает! Но что он подумает? В такую ночь! На часах без малого двенадцать. Сколько лет проезжаю мимо него каждый день, по дороге на работу и обратно и то дела, то не вовремя, то еще что...

- Кто там? - послышалось изза калитки, после его нескольких протяжных прерывистых звонков.

Залаяла собака.

И вот ночной гость сидит за столом и объясняется с хозяином.

- Послушай, Миш, выручай: необходимо обменять деньги, сначала как-то не подумал о них, ну, а теперь вот...

- Да...- протянул уже далеко не молодой хозяин.- Ник, дело в том, что мы свои уже отнесли и сдали.

- Так, понятно! Ясное дело, второй раз они от вас не примут.

- Погоди, что-нибудь придумаем, оставь немного.

- Знаешь, как это бывает, вроде ни у кого ничего не было, а вот случилось такое дело,- у всех все появилось...

- Ну!

- Боже,- продолжал Ник,- сколько и добрых, и грязных дел делают порою на них! Ну, вот, оставляю, на всякий случай, немного.

- Ладно, постараюсь что-нибудь придумать.

Разговор продолжался не долго. В спешке забыли толком поговорить о том, кто как поживает, и Ник лишь бросил извинение:

- Ради Бога, извинись перед своими, что разбудил!

- Да ничего, они так спят, что и не слышали наверняка ничего.

Дворники вновь включились в работу.

Магнитофон испускал из динамиков Мадонну.

- Так, неплохо!- подумал Ник.- Уже меньше, и то хорошо.

- К кому же еще можно заехать, черт возьми?- напрягался Ник.- Ни друзей, ни знакомых, уже вроде бы и не осталось. Все переехали, перепились, перебиты жизнью. Эх, Иван, Иван, как мне тебя не хватало всегда, все последние годы. Извини, что вспоминаю тебя сейчас, но ты знаешь, что я это делаю всегда. Хуже всего жизнь обошлась с тобой, подкосила тебя совсем молодым. Твоя Натали уже давно замужем за другим, у нее дочь. Родные твои давно перебрались куда,то далеко. В доме, где ты жил, теперь чужие люди. Прости, но ничего сделать не удалось. Врач убил нас тогда своей холодной беспощадностью, заявив о неизбежности предстоящего. Глаза мои не видели бы того, как ты мучился, как с каждой минутой уносил с собой и нашу жизнь, оставляя нам, друзьям, ад нового бытия. Прости, если что не так.

А вот и бывшее окно Светланы. Моя первая любовь! Терпение оставило тебя тогда, и сегодня ты уже не моя, у тебя уже своя семья.

Довольна ли ты жизнью? Как там тебе в другом городе? Хотя кто сейчас доволен жизнью! Вчера по радио передавали, о самом страшном проклятии, какое только существует у китайцев, - пожелать человеку жить в смутное время.

Дворники, войдя в музыкальный ритм, выстроили дыхание и справлялись с работой уже без особого труда. Мадонну в динамиках сменил Стиви Вандер.

- Что здесь еще за чертов объезд? Придется вылезать и топтать пешком.

Дверь хлопнула вновь.

Ник поразился содеянному человеческими руками. Старые двухэтажные домики, тянувшиеся друг за другом на улочке, по которой проходил сейчас Ник, были почти полностью разобраны и растасканы. На раскинувшемся полотне рельсовой дороги стоял невысокий, но готовый взметнуться вверх подъемный кран. Ник вспомнил, как он с Гиви приходил сюда к Алине - пить кофе, гадать, болтать, наконец, просто убивать время.

- Да, времени было убито предостаточно! Какого черта девке голову морочили, ведь не думали ни о чем?!- расстроился и тут же успокоился Ник.- Правда, и о плохом не думали, но все равно...

Ник вспомнил, как при недавней встрече Алина обмолвилась, что они на время переезжают, пока на месте их старого дома построят новый.

- Кому строить,то?- подумал Ник.

Пришлось три раза сильно хлопнуть дверью машины, чтобы закрыть ее.

- Как назло и Гиви нет здесь! Вечно шляется по командировкам, куда надо и не надо.

- Айда к Сережке!- осенило Ника.

Наверняка это шанс.

Бедняжка живет с мамой, со старой работой распростился, доходов особых вроде бы нет, у него будет

возможность заявить о небольшой сумме. А вообще - молодец мужик! Помучился, бедолага, в жизни, много боли скопилось в душе. Но выкрутился,таки, нашел выход. Стал писать и выплескивать все на бумагу, да так трогательно и выразительно, что самому впору выть. Интересно, как он сейчас?

К счастью для Ника, хоть и было за полночь, свет в кухне Сергея, расположенной в глубине его собственного дворика, еще горел. Ник увидел в ней силуэт работающей женщины.

- Ты, кажется, Ник, сынок?- спросила женщина, с трудом узнавая гостя.

- Неужто позабыли, тетя Ксения! Ник! А кто же еще?

- Ой, сынок, давно же тебя у нас не было.

- Целую вечность, тетя Ксения,- смущенно признался Ник. - Знаете, работа, дом, третье, четвертое...- принялся он оправдываться. - Ну, а вы как, тетя Ксения?

- Да как, сынок? Вот, как видишь, мучаемся, Всевышний пока к себе не берет...

- Ой, Господь с вами, что за разговоры, какое время, тетя Ксения!

- Заходи! Ты, наверное, к Сережке?!

- Надеюсь, дома? А как он?

- Да так, простужен малость.

- Не спит, случайно?!

- Ничего, заходи.

- Привет, старина!

- О, Ник?! Привет! Какими судьбами? Каким ветром? Погоди, встану, одеваться долго не придется. Видишь, лежу одетый. Тут у нас такой холод собачий! Как всегда, не топят. Ну, рассказывай, как ты, что у тебя нового?

- Особенно рассказывать нечего, Сергей. Все вроде по-старому. А вот ты, черт полосатый, совсем потерялся.

- Да, Ник, что делать, жить как-то надо. Купили сейчас дачу, там маленький участок, вот и ездим, работаем там.

- Ездите? На чем?!

- А ты что, не знаешь? Мы же машину купили. Правда, подержанную, но ничего, ездить можно.

- Поздравляю.

- Спасибо.

- Слушай, Сергей, времени у меня мало. Давай о деле. Что у тебя за конверты в кармане?

- А... это - деревянные, обменять их надо.

- Везет же,- подумал Ник.

- А что?

- Да вот сам хотел тебе подкинуть.

- Прости, Ник, у меня у самого - глухо. Знаешь, я ушел со старой работы, а на новую еще не приткнулся, сам буду завтра искать, просить.

- А у мамы как дела?

- У нее так же. Что же делать?

- Да ничего, что,нибудь придумаю, не отчаивайся!
Расставание было недолгим.

Походная группа, извиваясь змейкой, медленно и тяжело преодолевала последние метры крутого подъема самой высокой в округе возвышенности. Поднявшись, устроили небольшой привал.

- Долго задерживаться не будем,- послышалось заявление лидера.- Чем больше будем сидеть, тем труднее потом встать. Лучше добраться вон до того бугра, оттуда открывается очень красивая панорама, даже просматривается город, он совсем уж недалеко. Там и устроим большой привал, разведем костер и все такое.

- А далеко,то до того конька?

- Ну, сколько? Сами поглядите! Пара километров, может, чуть больше. И не оставайтесь в майках. Хотя солнце и светит, поддувает здесь тоже порядочно, после подъема наверняка вспотели, и вас может прострелить.

Сплоченная, дружная группа из семи человек шла вдоль хребта, оставляя под собой пещеры в скале, построенные в ряд, словно вагоны поезда. Стояло чудное, ясное солнечное утро. Еще видна была утренняя роса на траве и цветах.

Вид и впрямь была потрясающий. Никакое описание и близко не может подойти к ощущениям, испытываемым счастливыми, покоряющими вершины,

от малых до великих. Лишь висящие над городом остатки не развеемого за ночь смога, отравляющего воздух и людей, омрачали панораму.

Малый привал устроили уже под вечер, в низине, у самых подступов к городу.

- Олег, да будь ты мужчиной, в конце концов! Отойдем в сторонку и поговорим по,мужски.

- Чтобы говорить с тобой по,мужски, нужно, как минимум, чтобы ты был мужчиной.

- Мальчики, да перестаньте, наконец, ссориться из,за пустяков,- умоляла Саша.

- А ну, иди,ка сюда!- пригрозил Ник, схватив Олега за воротник сорочки, и потащил в сторону от костра.- Ты, что это мне при ней говоришь?

- Ник, что с тобой? Я раньше за тобой никогда такого не замечала!- встревоженно проговорила Саша.- Силой правду не докажешь, отпусти его!

- А ты отойди! - нагрубил Саше Ник и сильной рукой отодвинул ее от себя.

- Как ты смеешь, ты ведь...- со слезами на глазах отбежала в сторону Саша.

Оказавшиеся тут как тут члены группы с трудом разняли поссорившихся.

- Последним человеком буду, если прощу тебе это!- пригрозил Ник Олегу.

- Еще посмотрим, кто кого прочит,- огрызнулся Олег, подтягивая сорочку.

- Что с тобой?- спрашивал лидер группы у Ника.

- Смотри, этого дурня больше в походы не бери или же тогда - без меня,- не мог утомиться Ник,- ни тебя, руководителя, не слушает, ни с мнением группы не считается, и вообще ведет себя как циник.

- Так я ведь терплю, а с тобой что?

Саша всю оставшуюся часть дороги шла рядом с Олегом.

Ник впервые в жизни признался себе, что этот путь вниз, в город, был для него во сто крат тяжелее и мучительнее, чем утренний подъем. Он едва плелся в хвосте, думая лишь об одном: отстать от группы, потеряться, не вернуться домой, с горечью сознавать, что хрустальная ваза Саша треснула в его душе.

Фактически это был конец его взаимоотношений с ней, даже при том, если боязнь потери Саша побудит его восстановить и наладить мирные отношения с Олегом. Саша в отношениях с Ником была уже не такая, как прежде. Она пребывала на той половине, которая не принадлежала Нику.

- Имея, всегда теряешь. Приобретаешь, лишь не имея, - с горечью осознал Ник.

Но, пожалуй, всего большее было для Ника ощущение того, что, после происшедшего, он оказался ближе к Олегу, чем к Саше.

- Какие же глупые эти бабы!- удивлялся Ник, обвиняя их в непонимании разницы между черным и белым.

Необратимость неизбежного предопределяла его жизнь, и он чувствовал это уже сейчас.

Холодность человека, некогда признававшегося в любви, делала движение его мысли назад более счастливым, чем вперед... Он поражался столь быстрым переменам в жизни.

С тех пор утекло много воды. Все, почти все, осталось без изменения.

- Формальности имеют одно интересное свойство - они мало изменяются. Внешность... На то она и бывает величава, чтоб скрывать под собой самые глубокие и темные пропасти души человека,- думал Ник.

- Нет, к Олегу заезжать не буду,- подумал Ник, и тут же подтвердил себе,- ни в коем случае, даже завтра!
- Ах, да! Еще же Датошка остается!- вспомнил он.- Ну, да, и хватит, остальное я на работе как-нибудь пристрою.

Оставив у Давида еще некоторую часть денег, Ник, уставший и отчасти успокоившийся, возвращался домой глубокою ночью. По дороге он перебрал еще пару вариантов и адресов.

Припарковывая машину, с ужасом подумал о том, что будет, если ему не удастся вернуть все распределенные им чужие средства.

- Тогда она не сумеет внести часть взноса за кооперативную квартиру, и все, ей - крышка,- подумал он с тревогой. Кроме того, в случае неудачи, он и сам взлезал в ее долги, даже не представляя, как мог бы от них избавиться

Дома Ника ожидало мирно спящее общество домашних, не ведавших о его ночном путешествии.

Сон перемежался тяжкими мыслями, результатом ночных метаний и разговоров. Думалось о том, как все меняется и переворачивается с ног на голову. С опаской вспомнил он и о том, что все его лучшие начинания оборачивались и завершались странными отклонениями.

- А...что будет, то будет,- отмахивался он.

Эта мысль подтолкнула его принять рюмку спиртного для внутреннего обогрева...

Его начинало знобить.

На следующий день по радио передали о том, что кампания по обмену старых купюр на новые продлевается на два дня.

Была пущена "утка" и о размере предварительной суммы, по которой якобы принимались заявления и декларации комиссией, образованной в каждом районе города.

Он очень надеялся, что предпринятая им рискованная затея завершится без эксцессов.

- Люди должны помогать друг другу, если им это под силу,- не сомневался он.

Зазвонил телефон. Ник усталой походкой подошел к нему.

- Алло, Ник, это ты?- раздался в трубке женский голос.

- Да, это я.

- Ну, как дела?

- Думаю, все будет хорошо.

- Серьезно? Ну, спасибо тебе огромное, а то я видела очень плохой сон.

Чувствовалось, что она едва сдерживала себя, чтобы не расплакаться.

- Мне приснилось, что у меня украли ботасы, которые ты мне подарил, которые я любила и носила с большим удовольствием,- продолжала она.

- Да, но я никогда тебе их не дарил,- ответил Ник.

- В том,то и дело,- пояснила она.

Ник не разобрался сразу.

- Может, это намек?- подумал он про себя.- Хотя нет, она не любит ходить в них, говорит, что ноги потеют.

- А твоему бывшему мужу известно о твоих проблемах?- спросил, на всякий случай, Ник брошенную на произвол судьбы разведенную женщину.

- Откуда? Он о нас и думать не желает, уже и не помню, когда видела его в последний раз.

Телефонный разговор длился долго. Наконец в трубке Ника раздался продолжительный гудок.

Какое-то странное чувство овладевало и не давало ему покоя. Он вроде сопротивлялся этому чувству и тому эхо, которое отзывалось в его сознании. Он чувствовал, но не хотел себе признаться, что полностью пронизан и занят им.

- Согласись, Ник, это так,- томил его внутренний голос.

- Нет!- отнекивался Ник.- Это невозможно.

Он боялся потерять то, чего ни с кем другим не мог бы испытать. Ничего подобного у него не было ни с одной женщиной в жизни, и сердце его екнуло опять, словно при полете в самолете, когда тот резко спускается вниз. Его душа и разум словно покидали его тело, расходясь по разным направлениям.

Нужно было произнести всего лишь одно, нужное слово, которое он знал, которому доверял, но не произносил. Он знал и слово, которым называют людей, так мучающих себя, но не говорил и этого слова.

Ник отыскал в ящике тумбочки таблетку валидола и положил под язык. Потушил свет настольника, улегся в постель, укрылся одеялом и стал медленно погружаться в сон.

- Невозможное - на то и невозможное, что невозможно,- философствовал он, уклоняясь от поисков разумного выхода.

- Желаемое невозможно? Или невозможное желаемо?- переспросил его опять внутренний голос.

Сейчас для Ника существовало только одно убежище от самого себя и своих мыслей - сон, и потому он спешил навстречу ему изо всех сил.

- Проскочим, если повезет,- была его последняя мысль перед погружением...

16/17.02.1991

ПАЛЕРМО

*Невозможно быть на земле
непрерывному благодатию, так
как оно есть удел будущей
вечной жизни.*

Преп. Никодим Святогорец

В двух больших целлофановых кулках вполне можно было уместить одноразовую покупку на несколько дней пропитания.

- Так! Эти две брошюрки положим в один, а другой, неиспользованный кулек тоже сюда,- подумал молодой человек сорока лет, среднего роста, в голубой клетчатой майке с короткими рукавами и в серых клетчатых брюках.

- Ха, Давид, привет,- обратился к нему другой молодой человек лет сорока пяти, высокого роста и худощавого сложения,- на что уставился?

- А, Женя, привет,- ответил Давид,- да вот на фрукты смотрю, вроде там, в начале этой улицы получше и подешевле.

- Да, лучше, сходи посмотри,- согласился Женя.

- Как ты, Женечка?

- Ничего, помаленьку! А ты?

- Да тоже, терпим пока эту жизнь малиновую,- признался Давид.

- Гено тоже здесь, вон там,- указал Женя на человека в возрасте, лет шестидесяти, в светло, коричневой сорочке и джинсах, который в метрах десяти,

двенадцати был поглощен покупкой овощей.- Сейчас он подойдет к нам тоже.

По обе стороны улицы, прилегающей к центральному городскому рынку, шла бойкая торговля сезонными фруктами и овощами. Но такой же непрерывный ряд торговцев разными предметами домашнего обихода, включая стиральные и моющие средства, парфюмерию, нательное белье и всякие безделушки, тянулся и посередине улицы, образуя тем самым две проходные дорожки для покупателей.

Сама эта улица тянулась по торговому назначению от центрального городского рынка через первую и вторую новообразованную торговые ярмарки с многочисленными в них внутренними и наружными киосками, лавками, прилавками, открытого, полужакрытого и закрытого поверху навесами.

Обилие продавцов и покупателей создавало впечатление, что большая часть городского населения была включена в эту торговую жизнь, которая была устроена не только в этом районе города, но и во многих других.

- Все покупаем и все продаем, подходите, все на ваш вкус,- зывал один веселый покупатель, неподалеку от стоящих посередине улицы двух старых знакомых, бойко переговаривавшихся друг с другом.

Эта торговая часть города словно жила своей отдельной, специфической и характерной только ей жизнью, со своими правилами и законами.

- Женья, чего ты мучаешься с этими крохотными мешочками, вот тебе один большой, и уложи в него все, поместятся,- предложил Давид, доставая из своего одного большого белого кулька другой и протягивая его собеседнику.

- Да не надо, Давид, не беспокойся, как,нибудь донесу до машины,- отмахнулся было Женья, но послушался,таки собеседника и уложил несколько своих покупок в один большой целлофановый куль.

- Ва...Давид, привет,- протянул Гено, подходя к двум собеседникам,- сколько лет, сколько зим, где ты потерялся вообще, не видать тебя, не заходишь к нам.

- Да мама болеет, Гено, знаешь ведь. Вот уже шестой год пошел, как прикована к постели, ходить не может, три инсульта подряд.

- Да, что,то участились эти инсульты, и давление у многих,- жалобно подтвердил Женья.

- Как страну эту большую разрушили, так и порушилась в массовом порядке наша благополучная жизнь,- пожаловался Гено.

- Страшное дело жить при таких переменах, а болеть страшной, не до врачей, не до лекарств, не дотянешься по финансам.

- Да какое там,- махнул рукой Гено,- вот послушайте, я вам сейчас историю расскажу про моего знакомого.

Гено потянулся рукой в карман сорочки, вытащил из него белую длинную тонкую сигарету с фильтром.

Давид заметил, что у него нет передних зубов, глаза покрасневшие, под ними явные мешочки, щеки приспустились вниз...

Лет десять тому назад, когда он видел Гено в последний раз, тот выглядел совершенно иначе.

- Как много и мало для человека десять лет,- мелькнуло у него в голове.

Гено обшарил карманы в поисках, чем прикурить, окинул взором собеседников, но, вспомнив, что они некурящие, огляделся по сторонам. Чуть впереди, метрах в пяти, уловил взглядом посередине улицы, на деревянном ящичке торговку разной мелочью и домашней утварью, на мини-прилавке из картонных бумажных ящичков у которой теснились несколько коробков спичек.

Гено подался вперед, по направлению к этим спичечным коробкам. Собеседники автоматически пошли за ним..

Давид стоял спиной к торговке, Женя боком, Гено же лицом.

Гено потянулся к спичкам. Поднял коробок, достал одну спичку, прикурил сигарету глубокой затяжкой и положил коробок обратно на место.

- Так вот,- продолжил он,- о чем я вам хотел рассказать...

- Ничего себе,- завелась торговка,- я что по, вашему сiju здесь для того, чтобы такие, как вы стояли

над головой и прикуривали у меня сигареты? Что я, по, вашему, ваша зажигалка, что ли...

Видно было, что завелась она надолго, и не собиралась останавливаться в ожидании ответной реакции беседующих.

Давид оглянулся и впервые рассмотрел полноватую женщину лет за пятьдесят в красном одеянии, не унимающуюся, как тарахтелка.

Гено и Женя от удивления и неожиданности вопросительно переглядывались друг с другом.

- Послушайте, женщина,- возразил Давид,- вы знаете, с кем вы говорите?

- Какое мне до этого дело,- подняла тон продавщица,- кто он такой?

- Да он же профессор института, доктор наук,- возразил Давид.

- Да хоть академик, какая разница! Тем более! Культура! Нельзя было спросить разрешения?

Гено потянулся было в карман за мелочью, но Давид опередил его.

Торговка, поворчав еще немного, унялась и беседующие приняли прежние позиции для продолжения беседы.

- Так вот о чем я говорил,- начал было Гено, сделав глубокую затяжку.

Торговка поварчивала по инерции.

Давид слышал за спиной ее голос, но взор его был устремлен на лицо Гено. Тот вдруг болезненно скорчился,

как человек, пытающийся сдержать рвоту. Его явно мутило.

- Вы посмотрите, что она вытворяет,- обратился Гено к собеседникам.- Фу, какая гадость, закинула грязные ноги друг на дружку и посверкивает красным маникюром! Да если такое позволишь в Палермо, тебе там ноги отрежут!

- А ты не смотри,- возразила торговка,- не твое дело! То же мне Палермо! Мы не в Палермо, и лучше присмотри за собой.

Взаимобвинения между Гено и торговкой завершились тем, что собеседникам удалось оттащить Гено в сторону на значительное расстояние.

- Ладно, Гено, успокойся,- утешал его Женья,- что ты связываешься с этой базарной женщиной.

Гено еще долго не мог успокоиться.

- Я отойду ненадолго,- произнес деловито Женья,- прикуплю немного зелени и подойду.

- Вот, смотри, Дато,- объяснил Гено, ставя на асфальтированную дорогу большой черный пакет с покупками,- если в Палермо ты посередине главной улицы оставишь такой кулек на год, то, независимо от того, что в нем находится, через год обнаружишь его в прежнем положении. Ты понял?

Давид утвердительно покачал головой.

- Это если ты даже местный. Ну, а если они заметят, что ты иностранец, то тем более. Там уважают людей и порядки, а тем более туристов. Можно сказать,

что Италия вообще во многом живет за счет туризма. Представляешь, за год у них бывает до 50 миллионов туристов. В Палермо, например, если ты где чего, то не заплатил или не доплатил, то когда будешь один в номере, тебе под дверь забросят конвертик с письмецом, в котором под добром предложат заплатить по закону числящийся за тобой должок.

Ты знаешь, я там был несколько лет тому назад. Название "вулканы" идет от этих мест. А вообще, если ты, например, недостойный человек, то ниже Неаполя тебя не пустят, и не мечтай об этом.

Вернулся Женя.

- Ну, что, Гено, пойдём? предложил он.

- Да, пойдём,- согласился Гено, поднимая с дороги кулек с покупками.

- Дато, заходи к нам на работу, у меня там большая карта Италии на стене, все тебе расскажу о ней подробно.

- Даже то, где какая мафия орудует? улыбаясь, пошутил Женя.

По дороге к станции метро Давид, купив еще кое, что, подошел к небольшой площадке, устроенной для пешеходов.

Там, собравшись в кружок, веселились под аккомпанемент гомеомыкантов из толпы с немудренными народными инструментами.

Посреди круга, под хлопки, веселые возгласы полоумная девушка отплясывала вульгарные танцы.

Прохожие останавливались, пялились некоторое время на веселое представление.

Любопытство остановило и Давида, приунывшего при виде зрелища.

Девушка вдруг вырвалась из круга, подхватила за руку проходившую мимо другую девушку, попыталась насильно втянуть ее в свой танец.

- За такие вещи бить нужно!- мелькнуло у Давида в голове,- но кто поднимет руку на больную?

К счастью, благодаря своей ловкости и изворотливости, пленнице быстро удалось освободиться от своей насильницы.

Уже в маршрутном такси Давид посмотрел на часы.

- Пожалуй, опаздываю,- подумал он,- дома заждались, наверное.

- Купите мороженое, разное, вкусное, дешевое,- предложил подошедший к открытой двери маршрутки молодой парень в белом припачканном халате.

Его сменили разносчики с мелким хозтоваром и пищевыми продуктами.

Появился высокий худощавый старик в кепке, пробормотал какие-то стихи и пошел с протянутой рукой по рядам продавцов. Шепотком пробежало, что он в прошлом профессор философии.

Набив маршрутку пассажирами с рыночной площади, водитель медленно двинулся сквозь плотные

ряды множества других стоящих маршруток, работающих по разным направлениям города.

Движение не только в пределах рыночной площади, но и на значительном от нее расстоянии было крайне затруднительно. Нередко слышалась брань, к которой на редкость послушно и равнодушно привыкал слух людей.

- Женя, приостанови, пожалуйста, машину вон там с краю, внуку хочу еще спелых персиков купить,- попросил Гено,- он их так любит.

По ходу к приглянувшимся продуктам Гено чуть не сбили нарочито с ног два быстрым шагом проходивших мимо молодых прохожих, один из которых был порядком в подпитии.

Заметив, что ценой большого усилия Гено удержался, они с веселым хохотом промчались дальше по идущей между двух ярмарок улице вниз.

Гено оторопел от неожиданности и с изумлением оглянулся на Женю, который возмущенно качал головой.

Развеселившаяся пара молодых людей отошла уже на несколько десятков метров вниз. Гено посмотрел им вслед и увидел, что подвыпивший молодец шел вперед без оглядки, а его трезвый напарник озирался назад.

Гено приложил указательный палец правой руки к виску, крутанул им, указывая жестом, что ребята того...

Трезвый четко уловил этот жест и что,то наговорил своему пьяному дружку.

Гено в напиральной толпе потерял "добрых молодцев" из виду.

Покупка отняла у Гено несколько минут.

- Фу, кажется, все!- с облегчением произнес он, возвращаясь, открывая дверь машины и укладывая покупку у сиденья рядом с водителем,- поехали, Женя, да поскорей, из этого дурдома.

Вдруг Женя увидел, как Гено резко подался назад, и услышал незнакомый напористый голос.

- Отец, ты чего себе позволяешь, а?

Гено совершал колебательные движения взад, вперед.

Женя поспешил выйти из машины.

- Вы только посмотрите на них, а? Что они себе позволяют,- возмущался Гено.

- Отец, мы тебя случайно задели и извинились, а ты что там рукой начал показывать!- грозился подвыпивший молодец.

- Ничего себе случайно!- возражал Гено.

- Да, случайно!

- И извинений я тоже что,то не припомню.

- Да я тебя сейчас размажу, пахан,- разгневался выпивший, но, к счастью, его трезвый дружок отвел его руку и оттащил драчуна в сторону.

- Что вы себе позволяете?- громко пригрозил подоспевший на помощь Женя.

- Пусти меня, я сейчас их вымажу обоих, я их так...- порывался высвободиться из объятия трезвого друга выпивший молодец.

Женя быстро усадил Гено в машину, отъехал с места событий и еще долго наблюдал в зеркало салона преследующих их сзади с угрозами "добрых молодцев".

Белая легковушка Жени больше не останавливалась до самого дома Гено.

- Женя, может, подынешься к нам,- предложил Гено,- знаешь ведь, как тебе дома обрадуются!

- Нет, Иваныч, извини, в другой раз,- помялся Женя,- устал что,то очень.

- Ну, смотри,- вздохнул Гено,- спасибо тебе за все.

- Да ладно, а из,за этих хамов не переживайте, Иваныч.

- Что ты,- снова вздохнул Гено,- просто, если бы такое произошло в Палермо, им головы бы поотрезали. Женя, а ты бывал в Палермо?

- Нет, Иваныч, откуда мне было там быть.

- А жаль, если бы ты знал, какой это красивый и славный город, уважающий старые обычаи и традиции.

Женя заметил, как у Гено увлажнились глаза.

- Ладно, Иваныч, съездим как,нибудь вместе,- обнадежил Женя.

- Да?

- Ну, конечно,- утвердительно произнес Женя,- дело ведь за малым, вот сколотим себе на дорогу, и айда.

- Эх, как же это мы сколотим на свои сорок рублей в месяц?

- Ну, почему же, можно ведь и грант себе какой,нибудь достать, или еще чего,нибудь. Помните, как Чарли Чаплин в одном из своих фильмов нашел миллион в мусорной свалке?

- Да куда там,- обреченно произнес Гено вполголоса,- да и Моника моя тоже наверняка уже к кому,то пристроилась.

- Ва,- удивился Женья,- какая еще Моника, впервые от вас слышу о ней.

Чувствовалось, что Гено проговорился и очень сильно пожалел об этом, но было уже поздно, сказанного было не вернуть.

- Так и быть,- подумал Гено,- отступить уже некуда.

Он приложил указательный палец правой руки к губам и изрек вполголоса.

- Только никому ни слова. Обещаешь?

- Обещаю,- улыбаясь, согласился Женья.

Стоящий у открытых дверей Гено вернулся на сидение автомобиля и захлопнул дверцу.

- Ей было тогда всего лишь сорок, а выглядела на двадцать.

- Ну? изумился Женья.

- Да,- махнул головой Гено,- и была легкая как пушинка.

- Вы что, и на руках ее держали?

- Да, держал, и нес на руках, но не подумай ничего дурного, слышишь, у нас с ней была большая любовь, но ничего больше не было.

- Как же не было ничего, Иваныч, когда было?

- Было... но не было, говорю тебе.

- А как же?

- Она тонула в море, и я ее спасал.

- А,а!- протянул Женя.- Тогда понятно. А как же ваша жена?

- Что жена, моя жена здесь, в доме, на третьем этаже, а она там - в Палермо.

Гено замечтался, погрузившись в воспоминания.

- А она на каком?

- Что на каком?- не отрываясь от своих мыслей, переспросил Гено.

- А она,то на каком этаже жила?- переспросил Женя.

Гено некоторое время изумленно смотрел на Женю. С неменьшим удивлением удивлялся и Женя его удивлению.

- Ты что, и вправду дурак? Или притворяешься?

- Чего это вы вдрут, Иваныч?- обиделся Женя.

- Какое имеет значение, на каком этаже живет женщина, если ты ее любишь, а?

- Ну, все,таки, на всякий случай.

- На шестнадцатом,- обиженно произнес Гено, открывая дверцу.

- А лифт у них работал?

- Тьфу ты,- совершенно вышел из равновесия Гено,- ничего ты не понимаешь, Евгений, ни в жизни, ни в любви. Езжай, пожалуйста, поддобр, поздорову, пока и впрямь под конец мы с тобой не поссорились.

- Ладно, Иваныч, не серчай, я ведь так просто.

Женя прекрасно все понимал, но радовался сейчас тому, что ему удалось перевести мысли своего начальника из нежелаемой плоскости в желаемую.

- Почему мужчинам зачастую приходится жить с нелюбимыми женщинами и терпеть их всю жизнь, а с любимыми встречаться и знать лишь мгновения? Почему, почему мы любим тех, кого любить нельзя или невозможно,- сокрушался Гено,- и уживаемся с теми, кого так беспощадно нам подбросила судьба, словно сыграв с нами злую шутку? И почему надо жить с нелюбовью, а не с любовью, даже тогда, когда это в принципе возможно? назойливо лезло в голову Гено, возвращающегося домой.

- Ну, и что, что она была разведенная? Разведенные и близкие по духу лучше, чем заведенные. И что за дурацкий и пошлый вопрос задал мне Евгений? А кстати, на каком же она жила этаже? задумался Гено.

- Хлеба купи черного,- раздался голос молодой, симпатичной девушки с последнего этажа современной восьмизажки, у нас хлеб кончился!

- Хорошо, хорошо,- отозвался Женя.

Поставив автомашину в гараж, Женя направился на другую сторону улицы, в магазин.

- О, Леночка, привет, как ты? обрадовался он встрече с женой своего одноклассника.

- Да как сейчас будешь? пожаловалась Елена.

- Как Леван, приезжать не собирается?

- Нет, устроился там на работу, на частном мини, заводе и живет себе припеваючи, по формуле завод, кровать, а вечерами, по случаю, выпивает с дружками.

- Возвращаться не собирается?

- Нет! Говорит, ни в какую обратно, мол, не вернусь, не будет, мол, ни работы, ни зарплаты, а сидеть без дела и плевать в потолок не хочет.

- А ты не могла бы переехать туда и там устроиться?

- Нет, не хочу я жить в этой дыре,- неожиданно набросилась на него Елена, резко подымая тон разговора. Довольно с меня и того, что я езжу туда и обратно, взад, вперед, как...

- Прости, прости меня, сестричка, ради Бога! Только не побей меня и обещаю, больше в жизни тебя ни о чем спрашивать.

- Ну, и не надо.

- Вот хамка,- удивлялся Женя, подымаясь домой с хлебом и с базарными покупками,- двадцать лет ее знаю, правда, и раньше примечал за ней грубость, но такое - никогда! Что творит с людьми наша жизнь? Кто там мне на работе говорил,- пытался он припомнить,- что агрессивность в нашем городе возросла в несколько раз, скоро, наверное, друг друга переедим. Интересно,

есть ли на свете какая-нибудь сила, способная избавить нас от этого?

А как же жены декабристов, которые ездили к своим мужьям в Сибирь, а у нее это "под носом", можно сказать...

Кабина лифта медленно поднималась вверх, раскачиваясь и издавая подозрительные поскрипывающие звуки.

- И все-таки, я бы тоже ни за что не променял бы жизни в своем городе на другое,- подумал Женя и добавил,- даже на Палермо.

Казалось, что лишь массивные белокаменные стены здания главной библиотеки города терпеливо, с достоинством и безмолвием выдерживали перемены.

- Ну, отец, что тебе стоит пустить меня ненадолго на второй этаж, посмотреть кое-что в каталоге,- упрощивал дородного дежурного вошедший мужчина.

- Не могу, сказано ясно, и все,- строго бросал дежурный на высоких тонах.

- Но ведь мы подарили этой библиотеке уйму трудов, а теперь даже не имеем права посмотреть, попали они в каталог или нет?- возмутился мужчина.

- Слушай, знаешь, что,- в гневе возразил дежурный, вращая глазами,- мой дедушка подарил

Советский власти шестьдесят три деревни, а теперь, как видишь, я сижу здесь. Мало того, полчаса тому назад здесь проходил наш молодой директор и пригрозил мне пальцем, предупреждая - смотри, пропустишь кого,нибудь без пропуска, уволю с работы и потеряешь зарплату. А зарплата у меня здесь всего лишь тридцать пять рублей. Не густо, правда?

- Сейчас везде и у всех такие зарплаты.

- Не везде, во,первых, а во,вторых, зачем мне ее терять из,за тебя? Я инвалид второй группы, получаю пенсию в четырнадцать рублей, и все тут.

Пришедший читатель несколько успокоился.

- Да... отец, я вас хорошо понимаю.

- Ничего ты не понимаешь. Мои предки ходили в князьях. Ты хоть знаешь, какая в то время градация была?

Пришедший отмолчался.

- Так вот, слушай, сынок,- голос дежурного немного смягчился,- раньше в высшем сословии выделялись дворяне и князья, к которым и принадлежал наш род.

Дежурный затянул рассказ про долгую, но интересную историю своего рода.

- Но как же так, отец, почему же они там наверху, в правительстве, вас не уважают?

- А кому мы нужны? Видишь, что творится в парламенте, какие баталии идут за стулья! А ну их, я на них давно уже махнул рукой, как говорят французы -

каждый сам себе лучший слуга, кроме тебя никто не поможет. Ну, да ладно про них. Так вот, значит, о чем я тебе говорил? В те давние дореволюционные годы мой дед и его семья...

Через полчаса во входную дверь вошла знакомая слушателя.

- Привет, Давид, как дела? - поинтересовалась она.

Знакомые обменялись дружественным поцелуем.

- Привет, Нана, как ты?

- Да помаленьку, а что, у тебя какие-нибудь сложности?

- Да ничего особенного, просто хотел немного в каталоге порыться, да не пускают. Пропуск нужен, его рядом, в регистратуре, выдают, нужны три рубля, абонемент действует в течение года. Но он мне больше не понадобится.

- Понятно, тогда скажи, чего тебе надо, и я поищу.

- Вот спасибо тебе,- обрадовался Давид.

Через час Давид стоял на общей остановке маршрутных такси, автобусов и троллейбусов в ожидании нужного транспорта.

За его спиной щебетала молодая симпатичная пара влюбленных студентов. Разговор постепенно от спокойного тона переходил в нервный. Агрессивный парень в разгаре гнева плевался, ругал свою родную мать

самой что ни на есть страшной бранью, а девушка испуганно и кротко отвечала вполголоса.

- Ничего себе объяснение в любви,- подумал Давид,- совсем как в нашей молодости.

- Кто таковы они сами, и представляете, кем будут их дети?- вполголоса возмутился стоявший рядом с Давидом мужчина.

Поехали на троллейбусе. На очередной остановке двери машины, разукрашенной снаружи всевозможными рекламными надписями, открылись прямо напротив церкви на главном проспекте города.

Давид перекрестился по православному обычаю.

- Вот тебе на, ворота рая, чего тебе еще надо,- проговорил он про себя,- выйди из этой двери и войди в ту, главную для твоей жизни дверь, а то позабыл, когда был в церкви последний раз.

Он помешкался некоторое время, а потом решил:

- Нет, пожалуй, не сейчас, после, когда,нибудь, когда буду посвободнее и когда мама поправится хоть чуть,чуть. Ох, уж эта жизнь - все некогда, все суета сует!

Двери закрылись, и троллейбус медленно отъехал от раскрытых дверей церкви.

Давид всматривался в панораму главной магистрали города.

- Проспект научных сотрудников,- подумал он, их можно встретить там, где они торгуют мороженым, прохладительными напитками, хот,догами и "разными

разностями". Да, ради этого действительно стоило учиться и всю жизнь толкать науку вперед,- добавил он.- За что боролись?

По проспекту текли ряды автомобилей, над старыми отечественными легковушками явно преуалировало число иномарок. Троллейбус словно изменял манеру движения, многозначительно проплывая рядом со строящимся американцами наисовременнейшим зданием четырехзвездочной гостиницы.

- Красиво жить не запретишь,- обратился один из пассажиров к другому.

- Да, в самом деле,- согласился тот.

- И жизнь хороша, и жить хорошо,- добавил третий.

- Не забудьте, кто сходит, пройти к передней двери! И оплатите проезд, задние двери открываться на следующей остановке не будут,- прозвучал голос водителя троллейбуса.

- Так, ясно, вход бесплатный, выход - три рубля,- заключил четвертый.

- Этот день победы порохом пропах,- чуть слышно, про себя, пробубнил песенку старый фронтовик.

- Не грусти, отец, и не отчаивайся, наше время тоже придет,- подбодрил его сосед,- вот увидишь.

- Или придет, или не очень? засомневался второй сосед, за спиной фронтовика.

- А вы знаете, у этого троллейбуса наверху, на крыше, крутятся какие-то две подозрительные

вертушки,- вдруг произнесла молчавшая до сих пор пожилая женщина,- интересно, не опасно ли это?

- При остановках, начале движения и по ходу троллейбус издавал какие-то, почти музыкальные звуки и почему-то колебался в вертикальной плоскости.

- Байрам кач,кач,- подмигнул глазом Давиду стоящий на задней площадке мужчина.

- Как хорошо все,таки, что у троллейбуса есть амортизаторные рессоры,- подумал Давид.

Через несколько минут произошло резкое торможение, откинувшее пассажиров вперед.

С фазной линии слетели и асинхронно задергались обе штанги,рогатульки.

- Эх, дороги...- затынул вполголоса старый фронтовик другую песенку.

Попытки наладить неисправность отняли у водителя немало времени, за которое он лишился многих пассажиров, не оплативших полупроезд.

Наконец троллейбус с оставшимися в нем пассажирами продолжил путь по роскошному городскому проспекту.

Председательствующий на заседании тематической секции международной конференции, организованной под эгидой ЮНЕСКО, объявил перерыв до полудня.

Участники секции неторопливо, небольшими группами покидали актовый зал Государственного университета.

- Женья, знакомься, это - профессор Серджио Гандоли из Италии,- с самодовольной улыбкой произнес Гено.

- Ага, сумел,таки Гено откопать и наладить контакт с итальянцем,- подумал Женья, протягивая руку пожилому худощавому человеку лет за шестьдесят, с трудом объясняющемуся по,русски.

- Вы тоже работаете в этой области, молодой человек?- поинтересовался профессор из Италии.

- Пытаюсь, профессор,- кивая головой, ответил Женья.

- Женья скромничает, профессор,- пояснил Гено и перечислил его основные достижения.

- О,о,- протянул профессор,- это очень хорошо, молодой человек!

Беседуя по тематике конференции, тройка неторопливым шагом покинула здание университета.

- Ну, что, профессор, куда поедем на перерыв?- спросил Гено, подходя к машине Жени.

- Гено, честно говоря, за неделю, что я нахожусь у вас, меня так напичкали вашей национальной кухней!- разоткровенничался профессор Гандоли.- Мне она, конечно же, очень нравится, но я, наверное, уже скоро лопну, если не успею от вас уехать, и моя жена выругает меня за это,- профессор легонько постучал себя по

успевшему уже получить выпуклую форму животу.- Я тебя вот о чем попрошу, отвези меня куда,нибудь и накорми, пожалуйста, борщом, очень соскучился по нему, или в крайнем случае пусть будет суп,харчо.

- Как скажете, профессор,- согласился Гено.

Скоро машина оказалась перед новым фешенебельным зданием ресторана, построенного недавно и отделанного цветным облицовочным декоративным камнем.

Два профессора, пока Женя запирает двери автомобиля, любовались роскошью нового ресторана на набережной.

Гено словно остолбенел, слезы выступили на его глазах, нега разливалась по всему его телу. На крыше здания светилось название ресторана - "Палермо".

- Гено, зачем вы меня привели сюда, я же просил...- с трудом вымолвил итальянец.

- Это он все устроил,- ответил Гено, указывая взглядом на Женю.

Профессора, который хотел было юркнуть обратно в машину, с трудом вернул Гено, пообещав ему не нарушать своего обещания.

Усаживаясь за предложенный гостям столик, Женя успел предупредить миловидную официантку о своем госте.

Зал ресторана был почти пуст, занята была еще пара столиков.

- Гено, вот вы жалуетесь, что трудная пошла у вас жизнь, по сравнению с тем, что было при старом режиме. Но сколько же у вас в городе роскошных новостроек? удивлялся Гандоли.

- Ах, профессор,- пытался объяснить Гено,- строят только те, у кого есть деньги. Таких всего пять процентов, а остальные девяносто пять почти нищенствуют.

- Ничего себе нищета,- мелькнуло у профессора Гандоли.

- Ну, хорошо,- все недоумевал он,- зачем же по всей набережной в черте города нужно выстраивать столько ресторанов, ведь они же пустуют.

Видно было, что Гено растерялся.

- Днем да, профессор,- подоспел на подмогу Женья,- но когда проезжаешь вечером, то везде все переполнено, и даже, если заранее не забронируешь места, то в приличный ресторан не попадешь.

- О, мама мия,- пробормотал итальянец, устремляя взор в потолок.

Вскоре на стол подали на три персоны борщ, котлеты с гарниром из итальянского спагетти, бутылку фанты и кока,колы и немного фруктов.

В зале полилась нежная мелодия итальянской песни в исполнении местных ресторанных певцов.

Женья от борща отказался. Он украдкой наблюдал за удовольствием, которое получали мило беседующие

друг с другом два пожилых профессора, и ему было приятно.

Мечтательность Жени нарушил телефонный звонок по мобильнику, после которого он, словно околдованный, застыл взглядом в никуда.

- Что с тобой, Евгений,- поинтересовался Гено.

Профессор Гандоли тоже прервал трапезу.

Женя безмолствовал.

- Евгений, что,нибудь случилось?- переспросил Гено, слегка похлопывая его по плечу.- Кто звонил?

- Дочка,- осторожно ответил Женя.

- Ну, и...?

- Дома у нас, в подъезде, кабину лифта украли.

- Что?- недоуменно произнес Гено.- Такое тоже возможно?

- О, мама мия,- взмолился Гандоли.

- Воруют они обычно мотор, трос и т.д. Но чтобы кабину лифта, впервые слышу,- продолжал удивляться Гено,- а как они ее оттуда достали?

- Не знаю, Гено,- ответил все еще не полностью вышедший из шока Женя.

- Но когда они успели, если ты этого сегодня, до этой минуты, еще не знал?- поинтересовался Гено.

- Не знаю, Гено, видимо, вчера ночью,- пояснил Женя,- сегодня утром, когда не работал лифт, я подумал, что очередная временная неполадка, и спустился вниз пешком.

- Вот это да!- протянул Гено.

Женя пожалел о том, что разгласил телефонный разговор с дочерью, так как он почувствовал, что это сказалось на аппетите профессоров.

- Ну, ничего, ничего,- пробормотал он огорченно,- что,нибудь придумаем.- Просто жалко, что собрались чинить крышу, и теперь придется все стройматериалы таскать наверх на своем горбу.

Огорченный не в меньшей степени Гено подмигнул Жене в знак того, чтоб тот взял себя в руки и не помешал гостю закончить трапезу.

Женя уловил мысль руководителя и в знак согласия одобрительно кивнул в ответ головой.

- А вы знаете, профессор, какие у Жени хорошие дочери?- попытался сменить тему разговора Гено.

- Да? Не знаю,- поинтересовался профессор Галдони.

- Да... одна математик, окончила университет с отличием и теперь кончает магистратуру, а другая тоже окончила с отличием школу и хочет продолжить учебу в университете, на физическом.

- Молодец, Женя,- похвалил Гандоли,- а где они будут продолжать работу по своей специальности?

Женя не понял пикантности вопроса итальянца.

- Или он не знает и спрашивает наивно, из любопытства,- подумал Женя,- или догадывается о том, что у нас даже после такой успешной и высоко котирующейся учебы человек оказывается слетающим с

неба вниз, на землю - в тесто,- и добавил,- это хорошо еще, если в тесто!

- Профессор, если честно,- поспешил на выручку Гено,- то у нас, в наше время, и наука, и высшее образование сильно нырнуло вниз, и они теряют на сегодня свою актуальность.

- Но почему, Гено?- возразил Гандоли.- Знания никогда не умирают и они всегда бывают в цене, в любое время и в любой стране. Не пригодится здесь, может быть, девочки отправятся за границу и там устроятся на работу.

- Да,- возразил Женя в уме,- как раз именно для вас,то, иностранцев, я воспитываю и готовлю своих дочерей. Дудочки, не дождетесь!

Перерыв в ресторане продлился еще с полчаса.

- Представляешь, какую мы с тобой ошибку допустили,- вполголоса обратился к Жене Гено, входя в зал, в котором возобновляло свою работу после перерыва заседание секции.

- Какую?- взглядом спросил Женя.

- Какой стыд, если от нашего гостя узнают, что мы его водили в ресторан и кормили там борщом.

Женя неожиданно сморщил губы, он хотел доставить удовольствие сразу обоим профессорам, погнался, как говорится, за двумя зайцами, теперь чувствовал, как сел в лужу.

- Хотелось как лучше, а получилось, как всегда,- вспомнил он в уме слова известного прмьер,министра.

- Ну, теперь,то уж ничего не поделаешь,- махнув рукой, пояснил Гено,- представляешь, что будет? Что будет, то будет!

- Представляю, что сейчас творится у нас в ...- подумал Женья, словно вспоминая слова известнейшего отечественного футбольного комментатора и поспешил добавить,- в подъезде.

- Гено, а борщ и впрямь был отменный,- шепнул на ухо Гено профессор Гандоли по ходу выступления одного из докладчиков, из Папуа- Новой Гвинеи.

- А если честно, профессор, мне больше понравились спагетти с котлетками,- ответил вполголоса Гено, пытаясь угодить и доставить приятное гостю.

- О, да, конечно, спагетти есть спагетти, везде, где бы они ни были,- согласился профессор Гандоли.

Вечером, после окончания работы заседания секции, проводив гостя из Италии в пятизвездочный отель, где проживали приезжающие в город иностранцы, Гено, отказавшись от услуг Жени, предложившего его подвести до дому, двинулся пешком к центру города.

- Хочу покоя, тишины и одиночества,- признался он Жене.

Прогуливаясь по вечернему городу уже более часа, Гено ворошил у себя в сознании многие обрывки своего прошлого, от которых его голова, вместо отдыха и облегчения, еще более напрягалась.

Он всмотрелся в строение церкви.

- Какая красота, - остановился и осенил себя крестным знамением,- какое величие, какое спокойствие и мудрость духа. Сколько же лет уже, как я не был в церкви,- подумал вдруг Гено и тут же признался,- много, очень много, даже забыл, когда это было в последний раз.

- Надо зайти, непременно зайти,- решил он твердо и направился к подземному переходу.- И свечки куплю, и поклонюсь святым иконам,- продолжал он свои размышления.

В подземном переходе, напичканном множеством киосков с всевозможными товарами было уже не светло и не очень многолюдно.

Вдруг Гено остановился. На противоположном конце подземного перехода он заметил молодую женщину среднего роста в модной белой майке с иностранными надписями и в черных, аккуратно выглаженных брюках.

Женщины мало увлекали Гено, тем более в его возрасте, но эта его сразу заворожила. Ей было, видимо, лет за сорок, и, словно уловив его взгляд, она прибавила ходу и с улыбкой на лице шла навстречу ему.

Гено обомлел. Он вспомнил и испытал то единственное, блаженное чувство, которое было связано только с одной женщиной на свете.

Вот идущая к нему навстречу поравнялась с ним, взглянула и, как ему показалось, выстрелила в глаза и прошла мимо.

Гено, словно пораженный молнией, медленно добрался до середины подземного перехода, не выдержал, и оглянулся, вычитал на спинке майки надпись "Follow me".

- Какая вульгарность!- немного остыл он, разочаровавшись. Совсем успокоившись, пошел вверх по ступенькам.

- Какое знакомое лицо, какая знакомая походка,- мелькнуло у него в мыслях,- интересно, где я ее мог видеть? Ай, да мало ли где, всюду ходишь и всюду бываешь,- ответил было он сам себе,- ну ее, - и продолжил путь.

Поднявшись, не сдержался и окинул взглядом противоположную сторону улицы, с трудом отыскал взглядом незнакомку.

- Моника!- молнией поразила его пробудившаяся мысль.- Моника, ну, конечно же, Моника! Но не может этого быть, как же ей здесь оказаться? А, может быть, она приехала с делегацией из Италии,- убеждал он себя. - Да, но в таком случае почему она не связалась со мной по телефону?

- Дубина, ты же после этого несколько раз менял и номера телефона и адрес проживания,- ответил он себе.

- Да, но все равно, она могла связаться со мной через работу.

- Моника, подожди, куда же ты!

Он долго шел за ней следом, по направлению ее движения, хотя и потерял ее из виду сразу, как только перешел на другую сторону улицы.

Для рынка, ярмарки, торгующей всевозможной домашней утварью и разными строительными материалами, была отведена очень большая территория.

Это был город товаров в городе, город, где можно было достать и купить буквально и абсолютно все, кроме денег. Впрочем, и деньги тоже, но через труд. Подъездные пути к нему были усыпаны множеством самодельных рекламных щитов, за которыми стояли обыкновенные простые люди, горожане - рабочая сила, начиная от простого рабочего, кончая мастерами высшего класса, по любому виду строительных работ и ремонту квартир.

Спустя несколько недель после завершения научной конференции, так и не дождавшись возобновления работы лифта, Женя, получив небольшую выручку, отважился и принял решение отремонтировать у себя крышу и потолок.

Нагрузив багажник и верх машины всеми необходимыми стройматериалами, он медленно отъезжал от ярмарки, протянувшейся на пару километров, и неторопливо двигался мимо рядов стоящих на краю дороги рабочих.

Наконец, присмотрев вроде подходящую кандидатуру, притормозил. Вмиг машина была окружена людьми, желающими получить хоть какую-нибудь работу.

- Тебя как звать,то? спросил Женя.

- Шалва,- ответил рыжеватый плотный мужчина лет пятидесяти.

Женя описал ему работу, которую следовало проделать и полюбоществовал:

- Сколько же это будет стоить?

- Двадцать рубликов,- четко отчеканил Шалва.

- Да ты что, браток, в своем уме?

- Я знаю, что говорю, вот увидишь, так сделаю, будешь доволен и еще скажешь, что мало беру.

Недолгие споры вскоре завершились вничью.

- Смотри, сколько их, желающих найти работу, а ты заламываешь такую цену.

- Пожалуйста, бери любого другого, даже за десятку пойдут, но учти, что после их работы опять ко мне придешь.

- Ладно, садись, если хочешь, за пятнадцать. Сам, то я тоже не буду сидеть сложа руки.

По пути домой машина попала в пробку.

- Ты смотри, что делается, а? - возмутился Шалва.
- Нет порядка в стране, откуда же ему здесь взяться! - поддержал его Женя.
- Совсем страну развалили эти мудаки, да так, что обратно уж и не соберешь.
- Да уж! - согласился Женя.
- Теперь у нас такая же ситуация, как была в начале рождения Америки - каждый сам за себя и один лишь Бог за всех.

Шалва включился в долгий и нудный разговор о политике. Женя слушал его рассеянно и целиком погружался в легкую музыку современной эстрады.

- Учти, если так будем ехать весь день, то денег от меня ты не получишь, - в шутку обратился водитель к пассажиру.

- Обижаешь, начальник! Что, маленькие дети, что ли? Я же должен взять за работу, а не за катание на машине.

- Шучу, шучу, - улыбнулся Женя.

Шалва опять пустился в свои рассуждения.

Автомобиль незаметно проехал мимо небольшой церкви и остановился напротив нее. Женя оглянулся и присмотрелся к входящим и выходящим прихожанам. Ему вдруг очень захотелось войти.

Завернуть бы машину за первый же переулок и остановить там, чтобы зайти в церковь, хоть ненадолго, - подумал он, - все равно такая пробка, что тратишь уйму нервов, времени и горючего. Но что делать с пассажиром?

К тому же еще эти стройматериалы. Ай, да ладно, как,нибудь в другой раз!

Жене удалось вырваться из плена автомобильной пробки только через час. Обговоренную работу пришлось доделывать на следующий день.

- Шалва, все, шабаш, кончай работу, мой руки и иди к столу,- скомандовал Женья.

- Сейчас, начальник, доделаю еще кое,что и иду,- отозвался рабочий.

За столом с легким ужином, состоящим из салата с помидорами и огурцами и жареных баклажан завязался душевный мужской разговор.

- Эх, как здорово все,таки после хорошей работы хорошо посидеть,- признался Шалва.

- Шалва, ты, ради Бога, извини нас за такой простой стол, без мяса, но как говорится, чем богаты, тем и рады.

- Да ну, что вы, какие разговоры,- возразил рабочий, была бы всегда такая еда. Да и куда летом наедаться мясом.

- Да я и сам не особенно к нему тянусь,- пояснил Женья,- говорят, от него звереешь.

- Летом большего и не надо, а у скольких людей и этого нет.

- Ну, Шалва, стыдно здоровому человеку не иметь возможности содержать себя. Главное - любить труд.

- Это точно, начальник! Не даром говорят, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Да и вообще, человек создан для работы, тело и все его органы тоже даются ему для активной трудовой деятельности, на благо людей и общества, а не для получения удовольствий.

- Посмотрите, что творится кругом! Кутят, пьют, курят, колются, гуляют, развлекаются, увлекаются... и до чего мало помалу доходят? Или с ума сходят, или руки накладывают на себя.

- Да, Шалва, пожалуй, ты прав,- согласился Женья,- желания человека постепенно и незаметно переходят в страсти, от коих грехи, а стало быть, болезни и смерть. Понемногу погружаемся в вязкую болотную тину удовольствий, и чем дальше, тем труднее остановиться. Потому, то по мере возможности нужно всячески избегать удовлетворения своих желаний, от многого в жизни отказываться и воздерживаться. Умные мужи сравнивают страсти человека с ретивым неукротимым конем, который мчится без оглядки вперед, и, если не укротить его силой, то он бросит человека в пропасть и погибнет вместе с ним.

- Что может быть лучше, чем, когда хорошенько поработаешь, потом, вот как мы сейчас, спокойно посидишь, подкрепишься, выпьешь пару стаканчиков за здоровье и утетишь душу.

Прежде у нас ни за что не садились за стол, если трапеза не была заслужена должным трудом, а сейчас пьют по всякому случаю и не случаю.

- Да, это точно, не только еду, но и все свое существование нужно заслужить, заработать,- согласился Женя.

- Ну, конечно же! Да и еда после работы через горло проходит свободно. Ну, ладно, начальник, давай из этих бокалов выпьем за честный труд и за всех честных людей!

Они чокнулись и медленно отпили ароматного красного вина.

- Вино отменное, что там говорить,- отметил Шалва, закусывая.

- Софа, сделай нам еще яичницу по,твоему,- попросил Женя свою старшую дочь.

- Сейчас, па!- отозвалась дочка.

Трапеза затянулась за полчаса.

- Давай пропустим еще по одной, Шалва,- предложил Женя.

- Нет, начальник, хватит, довольно!- твердо отрезал рабочий, подымаясь из,за стола. - Хорошего по, немногу.

Прощание тоже было недолгим.

- В общем, если я вам понадобится, то вы знаете, где меня искать, - уточнил мастер, прощаясь.

- Хорошо, Шалва, хорошо! Спасибо тебе огромное.

- Ну, всего доброго.

Отходя от дверей, Женя почувствовал, как его качнуло в сторону.

- Ого,- произнес он про себя,- кажись, немного переборщил!

Вот так,то, на словах одно, а на деле - другое. Кто и где проведет грань между немногим и многим, и вообще, где она проходит, кто,нибудь знает об этом? Это грань между добром и злом, которая порой так незаметно ускользает от человека.

- Хм, папа, какой дядя Шалва смешной и интересный все,таки, правда?- спросила Софа.

- Учти,- предупредил Женя дочку, прикладывая палец к губам,- никогда не смейся над человеком и не суди его, и не только потому, чтобы не быть судимой самой, но и чтоб грехи его не перешли на тебя. Понятно? И научись видеть в человеке главное - его душу. А все остальное не важно.

- Женя, ложись спать,- предложила супруга,- и не принимайся философствовать!

- Тебе чего, мать?! Уже и с дочерью поговорить нельзя?!

- Софа, доченька, уложи его, пожалуйста!

- Здорово, когда у человека есть дети,- подумал Женя,- приглубят, присмотрят! Ради такого счастья стоит и пожить на этом свете.

Он пофилософствовал еще некоторое время, пока сон не завладел им полностью.

Минули долгие суетные годы. Дни шли за днями, месяцы - за месяцами. Ничего существенно в жизни горожан не изменялось. Вся жизнедеятельность сводилась к двум основным глобальным истокам - добру или злу. Примеси и смешение этих двух начал можно было встретить лишь в нижних течениях, а в истоках четкое разграничение сохранялось в абсолютной стерильности.

Добро допускало существование зла, но лишь для того, чтоб о нем помнили, чтоб проявляли свободную волю в своем выборе и не забывали навыков и искусства борьбы с ним и его началами.

Но нерадивость людей, их беспечность, утомление от каждодневных проблем и многие другие факторы резко снижали боеспособность людей, постепенно привыкающих к своему аномальному образу жизни, ведущему к неосознанию греховности своего существования.

И к тяжелому грузу грехов прошлой жизни они добавляли все новый груз просчетов, ошибочных действий и помыслов.

Сорвавшийся с вершины снежный ком несется вниз и не только увеличивается в весе, но и наращивает скорость падения.

И далеко не многим удавалось убежать от такого развития и течения обстоятельств жизни, в водоворот которого было вовлечено множество человеческих судеб.

Все это походило на кошмарный сон, и, чтоб избавиться от него, одного желания было мало, нужно было еще и большое усилие над собой, некий большой толчок извне, или изнутри.

Так и на небе, вот уже несколько дней подряд, все больше и больше сгущались черные облака. Тучи, не находя пути дальше, терлись друг о друга. И вот, наконец, все в один миг разрешилось. Грянул сильнейший гром с ослепляющей молнией, за ними последовали, через небольшие интервалы, новые разряды, чуть меньшей силы.

С небес хлынул поток небывалой силы и мощи, омывая город и горожан чистой небесной водой и освещая их небесным огнем.

- Вот так, то, когда не очищаешься сам по своей воле, тебя очищают сверху,- подумал убегающий от небесного возмездия, промокший Давид, укрываясь в Божьем храме.- Господи, помилуй и пощади нас,- взмолился он, стряхивая с одежды не успевшие проникнуть в ткань капли дождевой воды.

Понемногу церковь наполнялась вынужденными пришельцами, пытающимися под ее покровом укрыться от настигшего их "возмездия".

- Привет, Давид! Ты тоже здесь? радостно воскликнул запыхавшийся от бега и изрядно промокший Женя.

- Как видишь,- улыбнулся Давид.

- И Гено вот,вот забежит.

- Что за неразлучная вы с ним пара, а?

- Что поделаешь, судьба!- улыбнулся Женя.

- Судьба судьбой, а беда бедой? Как беда, так давай вперед, спасти свою шкуру, да? Бросить на произвол судьбы старого руководителя? шуточно погрозил Давид.

- Что поделаешь, своя рубаха ближе к телу,- отшутился Женя.

Гено, промокший до ниточки, шел тем не менее неторопливым шагом. Мимо, спасаясь от дождя, пробегало много пешеходов, но он, не обращая внимания ни на кого, упорно шел к открытым настежь для всех и каждого широким дверям.

- Иваныч, ты что так медленно,то? поздоровался Давид.

- А,а,- протянул Гено,- ты тоже здесь, скоро мы все тут соберемся! А куда спешить, все равно уже промок, хуже не будет.

- Как же, еще простудитесь, не дай Бог, воспаление легких схватите!

Женя отжал ему рубашку и майку и снова натянул на него.

- А где же ваша хваленая тачка? - поинтересовался Давид автомобилем Жени.

- Аа,- улыбнулся Женя,- приказала нам всем долго жить.

- Что же с ней стряслось?

- Старость, дряхлость, развалюха, чего же еще?! - пояснил Женя.- Время властно над всеми и надо всем!

- Да уж,- согласился Давид, всматриваясь в постаревшего Гено. - Ха, Иваныч, ну, что там нового слышно из Палермо?

- А... что там Палермо, не видишь, что здесь творится? Профессор Гандоли скончался.

- Я его не знал,- пожал плечами Давид.

- Да что вы говорите, Иваныч,- с грустью произнес Женя,- когда?

- В прошлом году.

- Что же вы мне,то не сказали? - попенял ему Женя.

- Я думал, ты знал.

- Да нет, откуда. От чего?

- Сердце, дорогой, сердце, способное вместить вселенную, но очень хрупкое, ранимое и отзывчивое на боль человеческую.

- Как жаль,- огорчился Женя, хороший человек был.

- Да, мы потом долго еще переписывались, и вот приключилось такое.

- А что же с Моникой?

- А что Моника? У Моника давно своя жизнь, она вышла замуж,- с грустью произнес Гено.

Очередные разряды грома и молнии обрушились на землю, дождь усилился.

- Ну, что там про парламентские выборы слышно, Давид? поинтересовался Гено.

- Борьба за мандаты будет бескомпромиссная.

- Тс,- призвал к тишине стоящий по соседству мужчина,- здесь говорить о политике и о земной суете нельзя.

- Но ведь сейчас служба не идет?!- удивился Давид.

- Все равно, это храм небесный, а не земной, хоть и выстроен на земле,- не сдавался незнакомец.

- Ну, хорошо, хорошо,- согласился Давид,- будем говорить тише.

Послышалось песнопение, согретшее души промокших и охлажденных земной жизнью людей. Загорелись свечи в подсвечниках и в руках людей. Разговоры утихли.

После окончания службы погода поумерила свои страсти, поутихла, хоть небольшой дождик еще моросил и потоки воды перекачивались.

- Такие дожди бывают, но таких богослужений, как здесь, не бывает даже в Палермо,- под глубоким

впечатлением признался Гено.- Ну, что, будем ходить сюда чаще?- предложил он.- Каждое воскресенье?

- Будем, Гено, будем,- согласился Женя.

- Конечно же, будем,- уверенно поддержал его

Давид,- Бог снова соединит нас вместе.

12. 1998

ПЛЕМЯННИЧЕК

Босые ноги торопливо вели человека по золотистому теплому песку, понемногу остывавшему после жаркого летнего дня.

С моря на берег, предрекая перемену погоды, набегал легкий, прозрачный ветер.

- Вот почему с утра клев неважный,- подумал человек, подняв взгляд на гонимые ветерком сероватые тучи,- рыба загодя чувствует, когда дело идет к дождю.

Он прибавил ходу, и шаги его потеряли стройность, выразительность и ритмичность. Пробежка становилась все более хаотичной.

- Руфович, наверно, тоже уже волнуется...

Покрикивали, на небольшой высоте борясь с порывами ветра, одинокие чайки. Казалось, не только переговаривались друг с дружкой, но и пытались сообщить нечто важное людям. Подлетали к берегу,

садились, ловко и быстро перебирали изящными ножками, что-то выклеивали из-под набегающих на песок, все усиливающихся волн. Держались почти как люди, вошедшие в море поплавать и понемногу привыкающие к температуре воды.

Ноги человека неслись вперед, а взгляд задерживался по сторонам. По лицу скользнула улыбка:

- Какие они все-таки странные и интересные, эти чайки...

Голые по колена, загорелые ноги уже уносили человека от мелькнувшей неподалеку, на шоссе-ной трассе то ли вывески, то ли указателя с перечеркнутым словом "Сольпром".

- И любопытно, откуда и что за соль? Ведь поблизости никаких признаков добывания?

Оставалось рукой подать до так называемой "змейки", выступающей с берега чуть не до глубоководья.

Рыболовы плотным рядом теснились по ней и время от времени взмахивали длинными удилищами.

Пристань являла собой мощный железный каркас с дощатым настилом.

Доски держались кое-как и, когда по ним проходили, громко стучали, и казалось, что при желании, хорошо изучив их строгое расположение, можно было бы пройти по ним так, чтоб выбить ритм частушек или чететки.

- Олежек, ты, ей, Богу! Ждешь тебя, ждешь! По девкам, что ли, ходил? - накинулся на приближающегося паренька пожилой, лет чуть не семидесяти, рыболов.

- Ну, что вы, Руфович! - покраснел Олег.

- И ребята тебя заждались. Странный ты! Знаешь ведь, что не могу без этого долго.

Руфович слегка дрожащими пальцами закрепил конец удилица под ногой и торопливо зашарил в принесенной Олегом авоське. Вытащил пачку сигарет, достал одну, прикурил.

- Да ни хрена сегодня не выйдет!- воскликнул удовлетворенный затяжкой, но недовольный клевом.

- Берите, ребята, и вы! Угощайтесь,- предложил случайным соседям, с которыми только сегодня познакомился.

- Наум, это что, твой внук? - полюбопытствовал один из них.

- Нет! Племянничек из города приехал. Хочу вот любовь к рыбалке ему привить, пока по девкам еще ходить не стал. Думаю, первое лучше второго.

- С чего ты взял? - усомнился сосед.

- С того, что сегодня мы здесь, а не там,- расхохотался Руфович.

- Так потому, что силенки уже не те,- издали бросил другой сосед.

- И откуда ты знаешь, может у парня в городе подружка? - подмигнул он Олегу.

Олег краснел и смущался.

- Руфович, вот вам авоська, а я пошел на корму, удочку там оставил. Наверняка на ней рыбка какая,нибудь уже болтается.

- Ну, ступай, непусти! Рыбу и девок надо вовремя подсекать. Слышишь?- поучал Олега премудростям охоты Руфович.

- Руфович, как всегда, в своем амплуа. Одна и та же программа,- думал Олег, направляясь к корме пристани,- ругань, ухмылки, пошлости...

- Хороший мальчуган, Наум! - обращался тем временем сосед по пристани к Руфовичу.- Сколько ему?

- Шестнадцать. Скромный такой, тихий,- с удовлетворением отозвался рыболов.- Я в его годы был уже хорошим охотником на всякую живность, а этот еще зеленый.

- Ничего, время всему обучит! - со спокойной уверенностью внес в дело ясность второй сосед.

- Что еще, интересно, он нам принес?- потянулся Наум Руфович к авоське, выгащил булочки, минеральную воду, кефир в поллитровых бутылках. - Вот чудак,- широко улыбнулся и принялся угощать соседей и закусывать сам.

Подбежал Олег с барахтающейся ставридкой в руке.

- Ты смотри, какой прыткий!- подбодрил его Руфович.- Ну, давай, давай, продолжай!

Клев, вроде, как говорят рыбаки, умер, а Олег то и дело таскал к Науму то ставридку, то бычка, от которых профессиональные рыбаки из принципа обычно пренебрежительно отказывались.

Руфович вытягивал из воды на длинной веревке свой сеточный садок и бросал в него пойманных Олегом рыбешек.

- Тише едешь, дальше будешь,- бормотал он с удовлетворением,- бабку дома тоже порадуем, придем не с пустыми руками.

У соседа вдруг резко клюнуло, потянуло удилице вниз. Леска, как струна гитары, издала мелодичный звон.

Все близ сидящие засуетились, склонились над водой. Владелец удилица подхватил толстый конец, приподнял тонкий, строго выдержал его под сорока пятью градусами. Леска звенела, и добыча извивалась на крючке, металась из стороны в сторону.

- Ты смотри, что вытворяет гадина, а? недоумевал рыболов, не в силах скрыть опасенье и страх упустить добычу.

- Да не спеши ты так! Не к девке торопишься!- негодовал Наум. - Да что ж ты делаешь? Не так, не так, веди ее, ты же нам всем снасти попутаешь, так твою... так,- по,страшному бранился он.

После долгой возни удалось,таки извлечь из воды упитанного угря, хоть и слишком уж дорогой ценой. Снасти всех близсидящих рыбаков были основательно перепутаны.

- Главное не добыча, а снасти,- утверждал, матерясь, раздосадованный Наум.

Пострадавшие принялись восстанавливать свои снасти, Наум же с досады окончательно оборвал конец запутанной лески и пустил ее по ветру. Сил и желания восстанавливать ее, хоть под рукой и оказались все необходимые принадлежности, не было.

Он пару раз крикнул, позвал Олега, и тот прибежал уже с небольшой барабулькой.

- Ты смотри!- все еще бушевал в душе Наум.- А из него станет рыболов, это точно! Только надо ему, конечно же, поучиться кое,чему у меня.

- Ладно, Олежек, видишь, дело дрянь, клева нет, тут еще эти болваны все построение испортили. Пошли! И погода чего,то того. Дождь, наверно, пойдет. Айда тикать?

- Ага,- согласился Олег.

Возвращались, огорченные, берегом до ближайшей пристани, конечной для парходика, курсировавшего по маршруту Сольпром - городской морвокзал.

Руфович то и дело замедлял шаги, вглядывался в широкое поле, раскинувшееся на противоположной стороне вдоль автотрассы.

- Там, Олежек, - поймал он вопросительный взгляд Олега,- лиманная грязь, а в ней водятся отменные красные черви. Нужно будет как,нибудь приехать сюда за ними.

Олег с любопытством навострился.

- Только ты не думай, что их так легко добывать!- словно переубеждая его, пояснил Наум.

- А я и не думаю,- подумал, но не отозвался Олег.

- Надо много земли перекопать, чтоб собрать хотя бы одну коробку. А потом их можно держать в холодильнике, в мокрой тряпке, хоть две,три недели.

Олег оглядывался на Наума с чувством не полностью удовлетворенного любопытства.

- Хм, что дальше? - усек его мысль Наум.- А дальше, на нее очень хорошая рыбалка в одном месте может получиться.

Он немного призадумался, будто что,то прикидывал.

- Ничего, ничего, не расстраивайся! До твоего отъезда еще немного времени есть... придумаем! Не отправлю тебя без того, чтоб душу не отвел как следует.

Подумать между тем ему было над чем. "Кто его знает, когда он еще приедет. На будущий год? Вряд ли! Вступительные экзамены в вуз, шутка, что ли? Готовиться будет.... а через два,три года неизвестно, буду я жив вообще?"

- Олег! Видишь, теплоход уже подплывает,- очнулся он,- в такую погоду возможно, что это его последний рейс на сегодня. Так что давай прибавляй ходу. Неохота чего,то сегодня голосовать на трассе.

Ходу прибавили до того, что создавалось впечатление, будто они убегают от своих собственных следов на прибрежном песке. Но в бегстве в общем, то не было надобности, следы тут же вслед за появлением смывались морскими волнами.

И невозможно становилось определить, проходили ли по этим местам люди вообще. И рождались ли они и жили на этом свете? Следы человеческих ног, оставляемых на золотистом песчаном берегу, покидали убегающих от него после тщетного зова и призыва не разлучаться с ними.

Одинокие чайки сопровождали их на отдельных дистанциях. Уже почти бушующие волны накатывались друг на дружку и шипели при встрече приливов и отливов, словно диктуя бегущим мимо них людям такт пробега.

Измощенные от напряжения и усталости, они вступили в дом, на ходу сбрасывая с себя лишний вес.

- А.. Руфович, с возвращением вас,- воскликнула пышнотелая молодая женщина лет под сорок.

- Тебя еще только не хватало,- подумал Наум, - а где Аврора?

- Пошла в зоодвор неподалеку, лисичкам головки от ставриды отнесла. Скоро, наверное, придет. Олежек, проходи, дорогой, чего ты стесняешься?! Давайте мойтесь

и переодевайтесь, а я вас горячим супчиком накормлю, небось, голодные. И второе согрею.

- Кто супчик готовил? - поинтересовался Наум, отхлебывая.

- Тетя Аврора. Ну, как, вкусный?

- Вкусный, вкусный,- согласился Наум, учтя в уме, что вкус определяется не столько вкусовыми качествами блюда, сколько тем, из чьих рук ты его принимаешь.

С годами в нем не притуплялось чувство благодарности женским рукам и душам, напоминавшее, что, если бы не они, его давным,давно не было бы в живых.

- Женское сердце и женские руки - это то, на чем еще держится жизнь на Земле...

Вскоре вернулась и хозяйка дома, семидесятилетняя Аврора, мягкая и дружелюбная, с улыбкой, излучающей тепло и ласку.

- А,- протянула она,- уже вернулись? Клара, ты успела их накормить?

- Да, да, тетушка, мы поужинали,- отозвалась Клара, какая,то ее родственница, тоже приехавшая ненадолго погостить.

- Где тебя носит по вечерам? - поинтересовался Наум у Авроры с балкончика, на который он вышел покурить.

- Разве Клара тебе не сказала?

- Сказала, сказала, но ты ведь знала, что мы вот, вот вернемся.

- Ай, Наум, да перестань, ради Бога!

- Скучно тут у вас, Руфович, в городке. Повеселиться негде! - попыталась смягчить спор Клара.

- Как негде? - возмутился Наум.- Столько танцплощадок, ресторанов, кафе...

- Да, но не с кем,- тут же нашлась и пожаловалась Клара.

Хозяйка уловила, что ее супруг молча выругался.

- Олег, хочешь пойдём с тобой на море, на вечерний пляж? - предложила Клара.- Это так романтично.

- Прямо сейчас? - поинтересовался Олег.

- Ну, да, конечно, сейчас, если ты не очень устал.

- Да мы только что оттуда,- пояснил Олег.

- Ну и что! А хочешь, пройдемся по набережной.

- Ой, только не сегодня,- заколебался Олег.

Наум Руфович все стоял на балкончике второго этажа, раскладывал и перекладывал свои вещи и все более свирепел. И уже трудно было догадаться, что было тому причиной, случай на пристани или назойливые приглашения Клары.

Олег лег и уснул "без задних ног". Клара возилась в общей кухне в конце коридора, состоявшей в пользовании нескольких семей.

Аврора перебирала белье в больших вместительных ящиках комода.

Наум Руфович сидел на кровати, перед телевизором и уже начинал поклевывать. Его тянуло ко сну, но веселая передача задерживала внимание и не давала уснуть.

Речь шла о вреде курения и алкоголизма с привлечением специалистов, врачей, наркологов, а попутно и ученых филологов, социологов и людей разных других профессий. Вдруг речь зашла о том, что не могло не задеть самолюбия рыбакова.

- В нашей стране секса нет,- высказал свое мнение один из специалистов и привел свои доводы и пояснения.

Последняя фраза, услышанная Наумом Руфовичем, оказалась каплей, опрокинувшей всю чашу его терпения.

- Что? рявкнул он почти нечеловеческим голосом.- Черта с два вам! Приходите и поглядите на нее, она сейчас там... на кухне.

- Наум, прекрати, что ты себе позволяешь!- возмутилась хозяйка.- Как тебе не стыдно?! Во,первых, она наша гостя, а во,вторых, моя родственница.

- Вот это,то и выручает, не то...

- Ай, прекрати, ради Бога, куда конь с копытом...

- Ты что же, не видишь, как она этого хочет, аж трещит?

- Не твое дело!

- Тогда нечего приезжать сюда с этим...

- А она не к тебе приехала, а ко мне. Это во, первых, а во, вторых, это все тебе мерещится.

На шум вошла Клара с вымытой посудой.

- Что случилось? - поинтересовалась она. - О чем спорим?

- Да вот, не нравится ему передача, и возникает, - пожаловалась хозяйка. - Говорю, не нравится, не смотри, да...

- Ладно, ладно! - примирительно бросила Клара. - Лучше отдыхайте, а я пойду с девчатами, погуляем по набережной, свежим морским воздухом подышим.

- Вот тебе, пожалуйста, а ты не верила, - торжествовал Наум Руфович после ухода Клары.

- Ай, да ну тебя, тише, не то ребенка разбудишь! Лучше ложись, ка и ты, завтра утром на рынок. Забыл, что ли?

- Не забыл, не забыл! - пробубнил Наум Руфович и неторопливо принялся выполнять наказания своей супруги.

Зазвенел телефон.

- Пойди лучше, возьми трубку, - распорядилась Аврора, - кажется, междугородний звонок...

- Алло, слушаю, - устало, но торжественно, важно процедил Наум Руфович.

- Алло, братик, здравствуй! Узнаешь?

- А, да, Тамила, здравствуй, сестричка!

- Как поживаешь? Как моя Авророчка?

- Да так, помаленьку, все постреливает, аж с семнадцатого года. Никак не уймется!

- Прекрати, Наум,- разволновалась Аврора Давыдовна,- дай лучше я...

Наум запротестовал.

- Как там мой сын? Не очень вас беспокоит?

- Да нет, все нормально! Только вот, кроме рыбалки, его ничего не интересует.

- Прекрати,- вновь потребовала Аврора, несильно шлепнула мужа по плечу и вырвала у него трубку.

- Алло, Тамилочка! Здравствуй, дорогая, как поживаешь?

- Спасибо, Авророчка, хорошо. А как вы там? Я так за вас беспокоюсь. Очень уж мы вас загружаем.

- Да что ты! Все в порядке, не волнуйся. На то и живем, чтобы беспокоить друг друга и беспокоиться друг за друга.

- Когда возвращаете мне сыночка?

- К концу месяца вылетает. Билет уже взяли.

- Спасибо, Авророчка, а денег хватило?

- Хватило, хватило, не переживай.

- Я вам выслала вчера посылочку, при надобности еще денег могу немного...

- Да не надо, Тамилочка, лучше приезжайте к нам будущим летом все вместе...

- Хорошо, Авророчка, целую тебя, моя дорогая! И спасибо за все. Позвоню еще, но попозже.

- Хорошо, хорошо, Тамилочка! Ну, бывай там...
 - Ту, ту, ту...
 - Волнуется. Мать все же есть мать.
 - Да,а! А где сейчас наши гаврики сыновья. как они, кто его знает?
 - Как кто знает? Звонят ведь, рассказывают...
 - Да все,таки... по телефону всего не скажешь.
 - Так ведь у них уже семьи - жены, дети...
 - То,то и оно! Для них мы их растили, мучались.
 - Ну, что же делать? Так устроена жизнь.
 - Это у нас. А у других она устроена по-другому.
 - Ай, ладно, Наум, прошу тебя, ляг и засыпай.
- Наум еще долго что,то бубнил про себя, ворчал и побряхтывал.

Люди вразброску шуровали по сероватому вязкому полю. Кто, немного пройдясь, подолгу задерживался на месте, кто, осторожно ступая босыми ногами по пахучей тверди, визуально присматривался к будущей стоянке.

Облюбовав, должно быть, подходящий участок, две пары босых ног замерли и задержались. Обувь и вся другая необходимая походная принадлежность покоились в рюкзаках, за спинами пришельцев. Стоя в полунаклоне на твердых ногах, тычась, как цапли, головами в землю, они копошились в ней, разгребали, раскидывали.

Вот пальцы осторожно проникли в серый пахучий грунт и стали медленно опускаться все глубже и глубже.

На необходимой глубине замерли, дрогнули и извлекли вязкий ком, позже легко распавшийся на куски, из глубоких расщелин которых извлекались красные, длинные извивающиеся существа.

Красные лиманные черви считались отменной наживкой для всякой рыбы, водившейся вблизи - в море или в искусственных пресноводных озерах.

Экзотику черведобывания усиливал специфический, терпкий, в некотором смысле даже приятный запах лиманной грязи. Таких целебных мест вряд ли еще можно было сыскать во всей великой стране.

В принципе, ради этого серого золота в эту точку стекались отдыхающие и лечащиеся больные со всех уголков страны. И летом небольшие курортные городки этой прибрежной зоны едва вмещали огромный, многомиллионный приезжий поток.

Вот натруженные пальцы осторожно, классически извлекли красного жирного и влажного червя из комка серой глины.

"Спасайся, кто может", издавала жертва неслышимые человеческому уху панические вопли, крики, предупреждая сородичей об опасности.

- Смотри, Олежек, какая прелесть,- восхитился пожилой, поднеся близко к лицу молодого провисающую красно,коричневую нежность.

- Сляи, сляи,- прошелся он пару раз кончиком языка по верхней губе,- аж сам бы не отказался от подобного лакомства.

Дрожь отвращения пробежала по нутру Олега, и он тотчас же отвел взгляд в сторону.

Наум извлек из рюкзака небольшую досчатую коробку, устланную влажной тряпкой, наполнил отборной серой грязью и пустил на нее отловленных "питомцев".

- Вот так, Олежек,- поучал старый рыболов,- бери их и аккуратно складывай в коробочку, а дальше, внутрь, в глину, они полезут сами. Слышал анекдот про то, как Василий Иваныч и Петька рыбачили?

- Нет,- признался Олег.

- Смотрит Петька, как здорово клюет у Василия Иваныча и как он таскает из пруда рыбу за рыбой, а у него самого не клюет и не клюет. На второй день то же самое. Не выдержал Петька и спрашивает: Василий Иваныч, я ведь тоже ловлю здесь на красного червя, отчего же это у вас клюет, а у меня нет? Василий Иваныч объяснил, что по четным дням ловит на червей, девочек, а по нечетным - на червей, мальчиков.

- Да как же различишь?

- Очень просто! Берешь червя, пропускаешь между зубов. Останется на них что-то, значит - это мальчик, не останется - значит девочка.

- Фу,у,- вздрогнул Олег,- какая гадость!

Наум Руфович залился смехом.

Руки человека творили на земле. Всюду чувствовался результат их деяния. Бог сотворил сей мир и человека, а все остальное создал человек, ибо известно, что может сделать человек, того не сделает Бог.

Пальцы обеих рук молодого мужчины осторожно проникли в золотистый песчаный грунт, пропитанный водами моря, и стали медленно опускаться все глубже и глубже. Извлекли ком влажной песчаной массы и опустили над сооружением из песка у самого берега. Сооружена была крепость с окружающей ее стеной и сторожевыми башнями.

- Вот теперь, пожалуй, что все,- воскликнул молодой человек, увенчивая башню шпилем.

- Да, ничего не скажешь,- отозвался ему голос изнеподалеку,- такой красоты здесь никто еще не видал.

- Заснять бы фотоаппаратом!

- Сейчас будет сделано.

Строители закружились и улеглись на деревянных топчанах под нежными лучами восходящего солнца.

"Чудо загорать утром на море",- подумалось молодому человеку.

Тело его понемногу набрало тепло. Почувствовав жар, он присел на топчане, сцепив пальцы рук на согнутом колене, и всмотрелся в окружающее:

- Пора ополоснуться!

Он засмотрелся на спину подходящей к кромке берега чуть полнотелой женщины и оценил ее походку.

- Идет, как по разбитым стеклышкам!

Женщина в пестром купальнике опустила в воду и тут же отдернула ногу. То заходила в море, то выбегала из него.

- И хочется, и колется!

На лице его вдруг изобразились вопрос и удивление.

- Не может быть?!

Через мгновение сильные мужские руки мягко, но настоятельно подталкивали женщину к плещущейся у ее ног воде.

- Что вы себе позволяете? - выкрикнула она. - Как вам не стыдно?

- В воду надо входить посмелее, гражданочка! - подбодрил ее мужской голос.

Наконец, под давлением сильных рук, подавшись вперед, она плюхнулась, так в набегающую волну.

- Дурак несчастный, недоумок! - попыталась перекрыть звонкий смех шутника, вынырнувшего перед ней, остолбенела:

- Вадим?!

- Здравствуй, Клара!

Она приподнялась по колени в воде. Преодолевая легкие волны, не пряча радости, подтянулась к рослому красавцу, подхватила за локти, поймав мгновенный наклон головы, поцеловала в щеку:

- Какими судьбами?- с радостью ощутила ответное прикосновение.

- Да вот проездом, с женой и ребенком. Решили немного побыть здесь.

- Вот оно что!

- Их я уже отправил, а сам вот на пару дней остался с ребятами,- показал Вадим взглядом в сторону посматривающих на них двух мужчин на берегу.

- Ты смотри,ка!- воскликнул один.

- Ничего себе, шустрячок,- удивленно согласился второй.

- Ой,- смутившись, отпрянула Клара за гребень волны.

- Да ты что!- изумился Вадим.- Видишь, здесь совсем не ведают меры!

- Да, но они не одноклассники! Ну, поплыли?

- Что?! Нужно послушать, как ты сюда попала?

Разговор на плаву продолжился на топчанах.

- Скучно все,таки здесь отдыхается,- пожаловалась Клара.

- Как,- удивился Вадим, - такой,то женщине?

- Да! Вроде такой колорит, такое скопление людей и событий, а все равно пустота. Хочется чего,то

особенного. Нехватка чего,то очень важного в жизни. У тебя не бывает такого чувства?

- Замуж тебе надо, Клара.

- За кого? Кругом одна мелкотня,- досадливо отмахнулась Клара.

- Ну, при желании... за хорошего человека.

- Был один хороший, да сплыл.

- М,м...

- Не сошлись характерами... Господи, как трудно найти нужного тебе человека.

- Сизифов труд!

- Не знаешь, как жить! Многое есть - работа, друзья, любимый человек... хватает на проживание и тряпье, но...

- Но ведь любимый человек...

- Это не то, что мне надо.

- А что тебе надо?

Клара понурилась, Вадим заметил блеснувшие на глазах у нее слезинки.

- Ну, ну... вот еще,- мягко хлопнул ее по плечу.

"Рискнуть, что ли?!" - порылся у себя в сумке, достал обернутую в бумагу книгу.

- Что это?- удивилась Клара.

- Возможно, то, чего тебе не хватает. Мне с ней легко, и я не одинок.

- Да, но я это уже читала,- взглянула на обложку Клара.- Священное писание...

- Ну и?

- Это далеко от нашей реальной жизни.

- Что ты?! Ты знаешь, в чем причина нашей отчужденности от всех и от всего.

Клара слушала. Речи Вадима казались ей странными.

- Наша жизнь - сооружение из песка, которое со временем разделяет судьбу вон того золотистого песчаного городка. Мы с ребятами его выстроили нынче утром.

Вздымающиеся волны уже достигли границ городка, часть была уже почти размыта.

- Скоро вода поднимется еще выше и волнами слижет весь городок. А вот этот упирающийся колоннадой в дно моря корпус санатория будет стоять. Ты удивляешься мне, Клара, да?

Клара осторожно кивнула головой.

- Ну, что ж, зато я не удивляюсь удивлению людей по поводу моих рассуждений. Меня за это поперли сперва из партии, ну а потом и с работы. И теперь я вроде как диссидент.

- Ну и как же ты?

- А... не проблема, друг временно у себя на работу пристроил, пока хватает, а там видно будет. Понимаешь, Клара, каково это - заимствовать у Него все общечеловеческие добрые принципы и ценности, и при этом не только не упоминать, а вообще отрицать Его существование. То же, что строить из песка, пусть даже золотистого. Артель "Напрасный труд".

Клара повела головой по сторонам.

- Хочешь, сменим тему разговора?

- Да нет, продолжай...

Солнце поднялось в зенит. Отдыхающие спасались "бегством" в тень, под навесы с топчанами.

Пальцы женских рук осторожно и мягко погружались в белоснежную вязкую массу и принялись сжимать и перемешивать ее. Руки двигались ритмично и умиротворяюще, уводя от реальности и погружая в воспоминания.

- Давай, родная, еще немного! Сильнее... Сильней!

- Не могу, не могу больше! Ой, мамочка! Чтобы я когда-нибудь еще...

Затянувшиеся, усложненные роды отняли все силы. Чувство боли сменялось радостью. Все явственнее маячили перед взором стены некоего загадочного коридора. Со всех сторон слышались голоса:

- Доктор, давление резко падает, вот,вот...- слышался нежный молодой шепоток медсестры.

- Что же ты с нами делаешь, девочка? - перекрыл его бас опытного врача.- Быстро уколы и капельницу, донорскую кровь!

- Оставь их,- мелодично лилось со стороны.- Не возвращайся к ним, иди к нам, у нас тебе будет хорошо. Иди же, ну, смелее... тихонечко... но не оборачивайся...

Она мысленно кивала, соглашалась, шла навстречу загадочным голосам.

Сколько это продолжалось, она не помнит. Но помнит тоненький вскрик и плач, на которые она обернулась, таки. Почувствовала, как в сердце незаметно вкатилось солнце и мгновенно зажглось внутри. От избытка энергии, света и тепла ее бросило в ранее никогда не испытанную, некую загадочную блаженную дрожь. Некоторое время ее тело дрожало безостановочно. С дрожью тяжесть тела словно сняло как рукой. Что было дальше, не помнилось.

Очнулась она под ласково глядящими ее пальчиками медсестры. Понемногу приходила в себя:

- Где я?

- Здесь, здесь, все хорошо...

- А ребенок?

- Жив, не волнуйся! И требует от тебя, сама знаешь, чего...

- Кто? спросила она глазами, едва сдерживая слезы.

- Мальчик, конечно же, мальчик.

Она уткнулась лицом в подушку и зарыдала.

- Ну, ну, что ты, глупенькая!

Так родился первый сын Авроры - Юра. При рождении второго - Игоря ей пришлось сделать кесарево сечение. Но она считала, что настоящее отсечение сыновей от нее произвели невестки. Пришлось пройти через немалые мучения, пока они выросли, встали на

ноги. И бац, их увели! Мужу она не позволяла обсуждать этот вопрос, чтоб не расстраивался, но сама не выпускала из головы.

- Аврора, что ты так долго месишь? Хватит, наверно,- полюбопытствовала соседка.

- Да вроде чем дольше, тем лучше.

- Да, но не столько ведь...

- А почему тебе родственница не помогает?

- Что ты, пусть отдыхает. А вообще и на ее долю дел хватает.

- Ничего, можно успеть и то, и другое.

Через кухню прошла женщина средних лет и скрылась у себя.

- Тоже мне еще, сплетница...- скорчила гримасу соседка.- Не очень,то с ней откровенничай, все по соседям разносит.

- Что, например?

- Вот она утверждает, что канализация у нас засорилась на прошлой неделе из-за Клары.

Аврору Давыдовну слосно токомхватило.

- Не может этого быть,- промелькнуло у нее в голове,- сегодня же уточню...

- Это она, чтоб самой не платить за ремонт.

Разговор длился недолго. Но Аврора Давыдовна долго еще не могла прийти в себя.

"Спросить у нее об этом или нет?"- подумала Аврора Давыдовна, увидев появившуюся в дверях ту

самую соседку, но сдержалась, решив сперва уточнить все у Клары.

- Нехорошая женщина эта Софа,- пожаловалась Люда, - такая любопытная, всюду свой нос сует. Она вам случайно про меня ничего не говорила?

- Нет,- после недолгой паузы ответила Аврора Давыдовна.

- Всем говорит, что я к себе вожу. А у меня уроки, английский язык... Жить то ведь как,то надо?! Представляете, она еще утверждает, что ваш Олег это внук Наума Руфовича от его второй, незаконной жены.

- Что,о?..- протянула Аврора, окончательно добитая новыми сведениями.- Будет вам лезть в чужие дела,- строго предупредила она.

- Да ну, что вы, Аврора Давыдовна, я просто пытаюсь предостеречь вас...

Аврора вышла из кухни.

Солнце опускалось за море.

Два рыболова с закинутыми за спину рюкзаками в такт шагали по неширокой асфальтированной тропе, предназначенной в основном для пешеходов. По ней любили ходить отдыхающие, в особенности по вечерам. Улица в конце сворачивала и вливалась в набережную.

Неподалеку от прямоугольной арки, ведущей в общий двор, рыболовы замедлили ход и внимательно всмотрелись в беседующую парочку.

- Видишь, Олежек, какого бугая она себе отхватила, а ты смотри и хлопай ушами. Он ее так сейчас обработает...

- Ну и пусть, Руфович, а вам,то что, - не замедлил шага Олег.

Наум Руфович несколько было задержался, но, почувствовав на себе взгляд, смутился и энергичнее пошел за Олегом, уже успевшим скрыться за арку.

- Вон Наум Руфович и Олежек,- произнесла женщина, указывая взглядом в сторону рыболовов,- хочешь, пойдем познакомлю?

- Да нет,- помялся мужчина, - как,нибудь в другой раз.

- Ладно, Вадим! Спасибо тебе за все. Значит, до встречи, до вечера?

- Ага, я зайду за тобой.

Клара медленным шагом направилась к арке.

"Вот бы мне такого мужчину, как Вадим. Сразу бы все устроилось и наладилось".

- Так! Расселись? Руки вымыли?- командовала парадом Аврора Давыдовна.- Ну, теперь угощайтесь горячими пирожками и жареной рыбкой, а чай будет чуть позже!

Вкусная трапеза продолжалась довольно долго, но наконец закончилась ароматным горячим чаем.

Когда Олег вышел, а Наум Руфович отправился на балкон выкурить свою очередную сигарету, Аврора осторожно спросила у Клары, не засорила ли она случайно сточную трубу в ванной.

- Что,о?.. - удивленно протянули почти одновременно, Наум Руфович молча, а Клара вслух.

- Ты, Наум, кури там себе на балконе,- строго велела Аврора Давыдовна,- ну, что тебе соваться, вот еще!

Между Авророй Давыдовной и Klarой завязалась долгая, весьма интригующая беседа,выяснение.

Наум Руфович сокрушался на балконе. Его терпению приходил конец, а злоба к Klаре нарастала.

- Это же надо...вот сучка, вот дрянь... Ну, подожди, я им обеим устрою взбучку.

После долгих обоюдных выяснений хозяйка квартиры пришла к определенному решению.

- Ладно, Клара, успокойся. Сегодня уже поздно, ну, а завтра разберемся. Утро вечера мудренее.

Kлара нервничала, едва сдерживалась и даже отменила вечер с Вадимом, чтобы не обременять его своими проблемами. Вадим уезжал вечером следующего дня. Она не знала, когда еще жизнь предоставит ей возможность побыть с ним наедине...

- Слышал, Олег, главные события будут разворачиваться завтра,- назидательно произнес Наум Руфович.

Олег с удивлением взглянул на него.

- Здесь будет такое...

- Ой, Наум, да ладно тебе, не преувеличивай, ничего не будет! Просто разберемся, и все.

- Нет, будет...- упорно настаивал на своем Наум Руфович,- но нас здесь уже - не будет! - заключил он многозначительно.

- Вот и хорошо,- не без удовлетворения согласилась Аврора Давыдовна.

"Я бы посмотрела на него, если бы я сказала ему то, что мне насплетничали о нем".

Обе стрелки часов зашли уже за цифру двенадцать, напоминая о наступлении ночи.

Чистое, звездное небо освещало дорогу. Путники шли ровной, энергичной походкой. Их встречали и провожали застывшие в безмолвии на равном расстоянии друг от друга стальные лампы.

Кое,где стрекотали пробудившиеся кузнечики, дополняя симфонию летней звездной ночи с неутомными солистами, сверчками.

Один из путников отпрянул вдруг в сторону от середины аллеи, по которой они сейчас проходили, и, наклонившись, что,то поднял.

- Что там? поинтересовался второй.

- Да ничего особенного, просто красивый камешек.

Всю дорогу до околицы городка с небольшой пригородной автостанцией, куда нужно было успеть до рассвета, молодой путник оглядывался по сторонам дороги, что,то примечал, подбирал и укладывал в небольшой целлофановый кулечек.

- Олег, ну, что ты, ей,Богу, как маленький! Не балуйся и иди спокойно рядом со мной!

- Руфович, камешки красивые собираю для своей подружки.

- А где она?

- Там, у себя дома.

- А.. ну, собирай! Но только красивые камешки нужно искать днем в море или в песке на берегу, а не ночью на дороге.

До самой автостанции старый рыболов что,то бубнил себе под нос, раздражался, негодовал.

- Сынок, на! Два билета до Заречья,- обратился он к полусонному парню, прикорнувшему на деревянной лавке в небольшом здании автовокзала.

- Отдашь прямо водителю, отец, - перевернулся тот на другую сторону.

- А скоро автобус подъедет?

- Через полчаса, наверное, посидите, подождите...

Наум Руфович покуривал очередную сигарету "Шипка", болгарского производства, и посматривал на ночное звездное небо.

- Погода подвести вроде бы не должна,- думал он,- интересно, какая сейчас там ситуация? Давно ведь

не был и по телефону с ребятами не переговаривался, а надо бы, хотя бы перед отъездом. Ох, уж эти бабы, все планы мужиков перемешивают.

Там сейчас у ребят новый начальник. Я,то слышал о нем и немного его знаю, но вот близко, в деле никогда с ним бывать не приходилось. А... что будет, то будет, в крайнем случае поедем и приедем обратно, вот и все, прогуляемся,- заключил он.- Но что же делать с ним, он же фактически не видел нормальной, красивой рыбалки,- вспомнил он про Олега.

Долгие размышления прервал подъехавший к автостанции небольшой автобус "пазик".

- Олег, ну, давай же, быстро! Тащи все сюда! Справишься?- бросил Наум Руфович Олегу, а сам заговорил с водителем.

Дождавшись еще нескольких пассажиров, жителей окраины, автобус отъехал.

Олег поглядывал на припаркованные у переднего сиденья увесистые вещмешки. "Зачем так много груза,- подумал он, - прямо,таки как на все случаи жизни".

"Ехал бы я один, не брал бы с собой столько,- подумал Руфович, словно читая мысли Олега,- я старый человек, много ли мне надо?"

- Руфович, а почему мы не взяли с собой удочек и спиннинга?- поинтересовался Олег.

- Ну, ну, ну! Ишь ты, чего захотел, а раскладушки тебе не надо?- предостерег Руфович. Туда, куда мы едем, их брать нельзя, чтобы не маячить там с ними, не

вызывать ни у кого подозрения, за чем мы туда приехали, ясно?

- Ясно,- кивнул головой Олег.

Взобравшись на очередной небольшой подъем, автобус оказался в нескольких сотнях метров от дамбы, через которую проходила дальнейшая асфальтированная автодорога.

Очаровательнейшая утренняя панорама открылась перед взорами пассажиров. Особенно остро и восторженно воспринял эту непревзойденную красоту Олег, который, как ему показалось, не видел доселе ничего более прекрасного.

У него перевело дыхание, он даже ахнул.

Наум Руфович довольно улыбнулся.

- Ну, что же,- подумал он,- только ради этого стоило сюда приезжать.

Слева от дамбы раскинулось озеро, обросшее вокруг камышами, а справа еще три, правда, чуть поменьше.

"Ого, ничего себе,- подумал Олег,- ну, уж тут,то рыбы и впрямь будет навалом".

Сотрудники рыбхоза встретили своего старого знакомого Наума Руфовича тепло и радушно.

- Где ты запропастился, Руфович?!- восклицали они к его удивлению.- Сколько лет, сколько зим! Мы уж не знали, и подумать что?

Руфович оправдывался занятостью и делами.

- Ну, хорошо, хорошо! Как ты сейчас, как Давыдовна?

- Ничего, помаленьку, спасибо! Да вот племянничек приехал в гости, скоро ему уезжать, а хочется ему нормальную рыбалку хоть раз показать.

- О чем речь, Руфович, нет проблем,- успокаивали его молодые мужчины,- вот приедет наш новый начальник Виктор Алексеевич, вот с ним и переговоры.

- А он как, ничего?

- Ну, обыкновенный, как все начальники. Только вот сократил нас сильно, остались вчетвером, к тому же Анатолий в деревню поехал с семьей, отдохнуть. Знаете же его?- спросил один из рыбаков.

- Который?

- Бугай!

- А.. ну, да, конечно же, помню. Ну, а как же вы справляетесь? Сети все же... тяжелые.

- Приглашаем временно ребят...

- Ну, а вообще как?

- Да как? Утром и вечером объезжаем водохранилище на "Рафике". Раз в день с катеров рыбу кормим, и все дела.

Пока шел разговор между старыми знакомыми, Олег любовался окрестностью с водохранилища.

Неподалеку от складского здания он заметил небольшого красивого длинноногого журавлика, наклевывавшего из поставленной ему людьми мисочки.

- Жора, Жора, Жорушка,- подзывал его один из рыбаков.

Журавлик бесстрашно подходил, откликнулся своими нежными трелями.

- Нашли его на берегу, с поврежденным крылом,- пояснил один из рыбаков,- подобрали, подлечили. Он было улетел, но вскоре вернулся. Никак не хочет нас оставлять. Видишь, какие птицы верные. Улетит, прилетит обратно! Привык к нам! Да и мы его не обижаем, подкармливаем понемногу.

Подъехал на машине мужчина лет за пятьдесят, и сам Виктор Алексеевич, с важностью поздоровался и познакомился с Наумом Руфовичем и Олегом.

- Наш старый кореш, Алексеевич, думаю, пригодится,- представил Руфовича один из рыбаков,- хотя бы советами. Такой опыт работы в хозяйстве, дай Бог нам!

- Очень хорошо,- довольно произнес директор,- используем и его опыт,- и отошел дать ребятам деловые поручения.

Через некоторое время, подловив подходящую ситуацию и момент, Наум Руфович подошел к директору.

- Виктор Алексеевич, тут какое дело: племянничек ко мне приехал, уезжать ему скоро. Так вот я обещал ему порыбачить. Если это возможно у вас, был бы вам всю жизнь благодарен.

Олег наблюдал за беседующими по-прежнему с берега водохранилища.

- Понимаете, Руфович,- ответил Виктор Алексеевич после некоторой паузы,- здесь старого хозяина сняли. Я тоже в ответе за хозяйство, с меня спрос за него. Но раз такое дело, вот мы как поступим. Поработайте у нас один день, помогите управиться кое с чем, а завтра мы вас пустим рыбачить на третий водоем, идет?!

У Наума Руфовича чуть язык не отнялся.

- И,и...дет!- едва пролепетал он от радости.

- Ну, вот и хорошо!

- Сеть починить умеете?

- О чем речь?

Весь день Наум Руфович и Олег провели за работой.

Поздно вечером им объявили, что ожидаются гости, и попросили помочь на кухне.

Олег сидел на низкой табуретке, чистил вареную картошку и лук. Наум Руфович поджаривал на сковородке подстреленную рыбаками утку.

Со двора слышался грохот подъехавшей машины и женские голоса.

- Кралечек себе подвезли, видали!- заметил Руфович.

Олег подошел к окну посмотреть церемонию встречи и приема гостей.

Двое милостивых дам, лет тридцати пяти, одетых по современной моде, о чем,то весело переговариваясь друг с дружкой, поднимались по лестнице.

Гуляли до поздней ночи. Наум Руфович и Олег следили за столом, угощали гостей. Олег подкармливал остатками сбежавшихся бродячих собак, чем и заслужил от них большое признание.

Двор был освещен мощным фонарем на верхушке деревянного столба посередине двора.

Когда из пиршественной комнаты стало доноситься больше смеха, чем речей, Наум Руфович придержал Олега на кухне и к гостям входил только сам. Впрочем, вскоре им с Олегом разрешили идти спать.

- Олег, айда на склад, вон в ту соседнюю хату,- указал Руфович, - спать там будем.

Вскоре к ним присоединился и водитель хозяйства.

- Ты чего, Иван?- удивленно спросил Руфович.

- Да так, ну их, с вами здесь побуду, хоть посплю малость.

Ранним утром, чуть только начало светать, Наум Руфович осторожно открыл двери дома, принимавшего давеча гостей, отыскивал нужного ему человека.

Виктор Алексеевич лежал на кровати у окна в обнимку с одной из дам. Парочка спала мирным сном.

Подойдя поближе, Наум Руфович присмотрелся к парочке.

- У...уф,- протянула дамочка, и, словно стараясь угодить наблюдателю, невольно разбудила лежавшего рядом.

- Что тебе, Руфович?- с полусони спросил мужской голос.

- Виктор Алексеевич,- протянул Руфович,- ну, что, можно с племянничком пойти порыбачить в водоеме?

- А...а, да ладно, идите, идите, только в третий водоем.

- Ага, хорошо, хорошо! Спасибо!- едва сдерживая радость, поспешно вышел Руфович из дома.

"Красивая стерва ему досталась,- думал он, быстрым шагом направляясь к домику, где все еще спали Олег и Иван. - Ну, что ж, каждому свое".

До третьего водоема небыстрым ходом добрались минут за сорок пять.

- Ну, давай, Олежек, разворачивайся потихонечку. Доставай все, и начнем.

Шевельнулась и тихонько пошла рыболовная снасть, именуемая "донкой" или "закидушкой"- основная леска с поводком и вертлючком¹ на конце, свинцовым грузилом и несколькими привязанными к основной леске поводками с крючками. Другой конец основной лески был привязан к наматывающей дощечке

¹ Вертлючок - приспособление, препятствующее закручиванию лески.

с "бантикообразным" вырезом посредине, прочно закрепленным на берегу.

- Смотри, Олежек,- поучал старый рыболов,- червей не жалеи, на один крючок сажай нескольких. Вот так, видишь?

- Ага,- отозвался Олег.

- Ну, давай, насаживай червей на остальные крючки и тикай в сторону.

Старый, исхудалый, сдавший даже в росте, рыболов стоял на бережку водоема босиком и размахивал закидушкой, совершавшей круговые движения в воздухе. Затем сделал резкий бросок вперед, грузило ринулось на длину до семидесяти метров в глубь водоема, увлекая за собой основную леску с поводками и подвязанными к ним крючками со сладострастной наживкой.

- Вот так... хорошо,- удовлетворенно произнес старый рыболов, увидев, как грузило мягко погрузилось в воду. Вогнал в землю и поставил стоймя на берегу небольшую палку и, сделав на верхнем конце ее небольшую прорезь ножичком, укрепил на ней основную леску с натяжкой. Далее, недалеко от палки, установил на леске изъятый с берега небольшой комок глины. - Это в качестве маяка,- пояснил Олегу,- чтобы оповещать нас о клеве.

На остальных трех закидушках, установленных неподалеку друг от дружки вместо глиняного маяка, были подвешены сигнальные колокольчики,

вмонтированные в пластмассовые пробки от бутылок из, под шампанского. К основной натянутой леске эти пробки прикреплялись за счет прорези, которая была проделана ножичком в нижней длинной части пробки. Пробки висели на натянутых лесках, колокольчиком вниз.

Наум Руфович на берегу, неподалеку от закидушек, нервно покуривал одну сигарету за другой в ожидании первого клева.

Время тянулось долго, медленно, клев все не начинался. Спустя пару часов в садке плескались две небольших красноперки и один карасик.

Негодование Наума Руфовича возрастало. масла в огонь подливали раздражающие звуки трех рыбаков, рыбачивших в соседнем, втором, водоеме.

- Им, значит, во втором можно, а нам нет, да? негодовал он, но тут же спохватывался.- Ну, конечно же, они, кажется, родственники директора, а мы кто?

- Нет в этом водоеме рыбы ни хрена,- обращался он к Олегу,- иначе за это время вагон должны были бы наловить. Ребята не зря говорили, что в третьем рыбачить не стоит, по нему несколько раз проходились сетями.

Терпения и сигарет Науму Руфовичу хватило еще на один час.

- Все, пошли,- твердо заявил он,- что будет, то будет. Собирай снасти, идем на второй водоем.

- Не надо, Руфович,- попытался воспротивиться Олег.

- Пошли, я сказал,- настоял на своем Руфович,- только с той, противоположной стороны, чтоб подальше быть от дороги и от его родственников.

Натянутая леска понемногу давала слабинку. Глиняный шарик опускался все ниже и наконец лег на берег.

"Что за черт?- недоумевал Наум Руфович.- Надо леску подтянуть с конца и по,новому поставить глиняный маяк".

Он взялся за леску, и тут вдруг его с силой ударила по руке тяжелая движущаяся масса на другом, заброшенном в водоем конце лески.

Старый рыболов почувствовал, как у него сердце ушло в пятки.

"Здоровенная, видать, кобылка попалась,- мелькнуло у него с радостью и опаскою разом,- как бы снасть не порвала!"

Он сильней натянул леску, она завывала. Конец в водоеме медленно повело в сторону. Сердце застучало еще сильнее.

Он осторожно вытягивал леску, стараясь избежать слабины.

Протащив жертву почти на половину длины заброшенной закидушки ощутил,таки слабинку, после чего леска резко, без сопротивления, поддалась ему.

- Ушла! - с досадой воскликнул он.- Тьфу ты, мать твою, вот зараза!

При очередном вытягивании лески конец ее за что,то зацепился.

- И зацеп получился, ну, что ты будешь делать, а?

Несколько раз, с разной скоростью он попытался подобрать его к себе, но безрезультатно. Конец опять повело, но уже в противоположную сторону.

- А, нет, гадина, сидит все,таки на месте, сидит, Олешек! Ты слышишь, сидит,- торжествовал Руфович.

В непосредственной близости от берега рыбина тащила по дну, разрезая толщу воды спинными плавниками и демонстрируя всю красоту и прелесть выживания.

- Тикай отсюда, Олешек! Слышишь, тикай!

Олег, не откликаясь на ворчанье, упорно стоял рядом и не отходил.

Но потом, в страхе перед уходом рыбы, все,таки подчинился, хоть жажда острого ощущения отвела его не более, чем на два шага.

Он падал ничком на землю, подымался, беззвучно подбадривал: "Давай, Руфович, давай, не упусти!"

Рыбу стало относить вправо, к камышам.

- Если доберется до них, хана! Тогда точно уж потеряю! Зайдет за камыши, обвяжется, уткнется носом, и все! Или губу ей сорвет, или лопнет снасть!

Рыбу все относил.

- Господи, что же делать! Хоть бы одну ее поймать, и больше не надо! А то совсем позор перед мальцом от этой хреновой рыбалки.

Боязнь упустить пойманную рыбу в камыши вынудила его немного нарушить классические правила выживания.

Он чуток прибавил в скорости и силе выживания, и рыба сорвалась, так, оставив его с пустой леской в руках.

- Тьфу ты, мать твою, зараза этакая,- выругался он в очередной раз.

Рыбина, у самого берега сошедшая с основной лески, с крючком в губе и поводком, словно выслушивая брань, плялилась и, отверзая огромную пасть движениями сильных губ, словно недоумевала, спрашивая его:

- Чего тебе надобно, старче?!

Казалось, некоторое время обе стороны продолжали оставаться в некоторой растерянности, поглядывали друг на друга, предугадывая дальнейшие действия.

Олег грохнулся очередной раз на землю, и звук падения послужил старику призывом: - Ну, что ты уставился, Руфович, давай, вперед!

Руфович только сейчас осознал, что со времен взятия рейхстага не испытывал подобного сегодняшнему чувства.

Рыбина тем временем, почувяв освобождение, медленно разворачивалась лицом к водоему и нежно помахивая хвостовым плавником, отчаливала от берега.

Наум Руфович бежал за ней что было силы, бежал, как никто, ни за кем, никогда. И уверенность в том, что он настигнет добычу, даже если за ней придется нырнуть в водоем и поплыть вдогонку, приумножали силу и скорость погони.

Наконец, как заправский спортсмен, ныряльщик, он прыгнул в воду и шлепнулся о неглубокое дно водоема.

Олег наклонился над водой, зажмурился, обхватил обеими руками голову. События, развернувшиеся в несколько последних секунд, казалось, пришли к логическому завершению.

- Да, но к какому? - мелькнуло в сознании Олега.

Ему казалось, что после плеска прошло достаточно времени и пора проясниться финалу.

Молчаливые секунды тянулись надоедливо долго.

И вдруг до ушей Олега донесся радостный, веселый, продолжительный вскрик, за которым последовала песня: "Этот день победы порохом пропах. Это- праздник..."

- Господи, неужели? - с облегчением подумал Олег.

Он смотрел на Руфовича. Тот стоял, вытянувшись, во весь рост, держал за жабры пойманную рыбину, а над головой вставало и светило яркое летнее солнце. Величественнее зрелища ему не приходилось видеть никогда в жизни.

- Смотри, Олег, какие мы красавцы, все трое,- послышалось ему вдруг,- рыба, солнце и я.

Руфович торопливо выбрался из воды, удерживая руками ...килограммового зеркального красавца, карпа с длинным усом на толстых и плотных губах, жадно захватывающих воздух.

- Ух, ты, цапулечка моя, - ласково проговорил он и поцеловал рыбину прямо в губы,- за своей Авророй в жизни так не гонялся, как за тобой,- объяснил ей,- ну, и напугала же ты меня!

Пристроив красавца в воде у берега, Руфович немного утихомирился.

- Так! После такого потрясения неплохо бы и покурить. Но сигареты кончились,- с сожалением констатировал он и жалостливо посмотрел на флегматично разводящего руками Олега.

Рыба в водоеме, напуганная громким шумом и барахтаньем своего поимщика, тяжело принялась подбираться к остальному улову. Тем более, что Наум Руфович время от времени подбрасывал ей специально приготовленную домашнюю аппетитную прикормку.

Вскоре звякнули колокольчики, и рыбалка заявила о себе полным ходом. В принципе она еще

только начиналась, хотя на сей раз образцы попадались средних размеров, свободно уместившиеся в садке.

- Все, не могу больше, пошли домой,- твердо заявил Руфович, сворачивая одну из закидушек.

- Да вы что, Руфович? Рыбалка ведь начинается! Когда еще мы сюда попадем?- возмутился Олег.

- Знаю, но больше без сигарет не могу, курить охота!

- Погодите, у меня вроде где-то бычок хороший заваялся

Искра надежды блеснула в глазах рыбакова.

- Ну,ка, посмотрим,- произнес Олег обнадеживающе и неторопливым движением извлек небольшой свежий окурок.

- А.. вот и он, красавчик, я же говорил,- и протянул его старику, который с жадностью подхватил его и очень быстро выкурил.

Но окурка хватило ненадолго. Через некоторое время жалоба повторилась.

Часа четыре Олег таскал Руфовича своими окурками, выдавая ему их, словно по талону, после нудных и долгих просьб.

Тем временем садок наполнился до "горлышка".

Перевалило за полдень, и далее оставаться здесь не было смысла, тем более, что до вечернего клева рыба взяла передышку и решила переждать жаркий день в камышах и вдали от берега, на самой большой глубине водоема.

Покидая покоренный водоем, рыболовы с тяжелыми рюкзаками шли вдоль берега, когда на противоположной стороне заметили ехавший по грунтовой дороге параллельно их ходу рыбхозовский "рафик" темно,зеленого цвета.

- Руфович, поднимемся чуточку вверх и спрячемся за бугор,- предложил Олег,- скажем, что ловили в третьем водоеме, и обратного они доказать не смогут.

- Нет,- воспротивился Руфович,- никуда я подыматься не буду. Мы на них пахали целый день? Да еще с их девками.

- Руфович, скроемся, прошу. Выйдем на трассу, и ищи потом ветра в поле. Ради такого улова, сделаем лишний десяток километров. Подумаешь?

- Нет,- заупрямился старик,- я отвечаю за последствия. Они могут подумать, что я их боюсь, но пусть знают, что я не боюсь никого.

Они вышли на автомобильную трассу и принялись "голосовать" попуткам. Минут двадцать прождали безрезультатно, никто не остановил.

И тут к ним медленно подкатил темно,зеленый "рафик".

- Как дела, Руфович?- спросил Виктор Алексеевич, выходя из машины.- Много наловили?

- Да малость набрали,- поскромничал старик.- Мальчонку порадовал и дома жену побалую.

- Так... а меня, значит, решил огорчить? Ребята, ну,ка посмотрите, что у них там.

- Ребята рыбхоза неохотно подошли к рюкзакам.

- Не надо, Алексеевич, я что, сам открыть не могу?- расстегнул Руфович рюкзаки, один из которых полностью был забит пойманной рыбой.

- Так...- Протянул директор.- Значит, решили провести меня, да? Что я сказал, в каком водоеме разрешил порыбачить?

- В третьем,- испуганно отозвался Руфович.

- А ты в каком ловил, а?

Увиливать не имело никакого смысла, и Руфович решил развернуться в иную плоскость.

- Виктор Алексеевич, ну, вы же понимаете, племянничек приехал, не мог ему отказать, прошу вас, поймите меня...

За недолгими просьбами и пояснениями последовало решительное действие директора:

- А ну, садитесь в машину, и поедem, покажете место, где вы рыбачили.

Вскоре ребята из рыбхоза вытряхивали из садка в водоем карпов, карасей, красноперок.

Рыбы не могли понять сути происходящего, но приходя в себя, резво отплывали в глубину.

Последним отпускали зеркального карпа, красавца. Достав просунутую через пасть и жабру

прочную веревку, ее оставили у берега. Наглотившись воды и очухавшись, рыба на прощанье моргнула и бросила на старика высокомерный взгляд

- Вот так,то!- послышалось Руфовичу вроде от карпа.- Смеется тот, кто смеется последним!

Эти слова надолго пригвоздили его к берегу. Он всю жизнь прорыбачил и впервые услышал, как рыба говорила с ним по,человечески.

- Больше никогда сюда не приезжайте,- потребовал директор и скомандовал своему водителю.- Поехали!

Второй раз добираться до автотрассы оказалось намного труднее.

- У тебя там не осталось еще одного красивого камешка для подружки?- несмело спросил Руофович.

- Какого еще камешка?- изумился Олег, но тотчас же вспомнил:- А.. сейчас посмотрю. Вот еще один камешек, Руфович, но только учти, это уже правда последний. Выкури, чтоб до дому хватило, ладно?

- Ладно, ладно,- сокрушенно согласился рыбак.

Сойдя на ближайшей от дома трамвайной остановке, Наум Руфович попросил Одега подождать немного, пока он передохнет.

"Еще один "рейхстаг" нас ожидает дома. Уж его,то без огня и дыма не взять. Нужно купить спичек и сигарет".

К сидящим на скамейке подошел рослый пожилой мужчина.

- Руфович, здравствуй! Как поживаешь, старик?

- А...- протянул после недолгой паузы Руфович,- Генка, привет, как дела?

- Да помаленьку.

- Как женушка твоя? Слышал, прихворнула?

- Да, напугала нас, столько обследовали, анализы, лекарства. Слава Богу, все обошлось.

- А ты,то как?

- Да так тоже, пыхтим по,стариковски. Чего тебя в наш район занесло?

- Да вот проезжал мимо, смотрю, с машины рыбу живую продают, взял немного. Завтра день рождения зятю справляем, решил стол украсить.

- Так это же очень хорошо. А надолго они к вам?

- Да нет, через недельку уезжают.

Разговор продлился еще некоторое время.

- Ладно, Генка, ты сейчас куда?

- Да вот дождусь своего трамвайчика ^ и домой!

- Ну ладно, а я в магазин зайду, возьму сигарет, а то совсем без курева остался.

- Ох, уж это твое курево! Кашляешь как, давно тебе с ним надобно было распротиться!

- Да хочу, а никак не могу! Ну, ладно, кабы не закрыли. А вы тут с Олегом, племянничком моим покумекайте. На всякий случай, если придет трамвай, до свидания, и привет большой своим передавай.

- Но ты меня прямо,таки озадачил с Виктором Алексеевичем. Надо же, каким оказался?!

- Да ладно, ничего. И не такое приходилось пережить.

- Пока!

Подымаясь на второй этаж по высокой деревянной лестнице своего дома, Наум Руфович настраивался на то, что ему придется выдержать немало сюрпризов.

Но то, что ожидало его, пожалуй, превзошло все ожидания.

В квартире он увидел накрытый стол, за которым, кроме его домашних, сидели несколько человек из соседей, в том числе Софа и Люда.

Не успев еще как следует войти, он замер от неожиданности на месте.

- А...- протянула Аврора Давыдовна,- вот и наши рыбаки пришли. А рыбка где?

- Рыбки нет, она плавает по дну,- усталым и грустным голосом отозвался Руфович.

- Ну, нет, так нет, на нет и суда нет. Ничего, переодевайтесь и присоединяйтесь.

Пораженный Наум Руфович проследовал к себе на балкончик отвести душу курением.

- Ну,ка, посмотрим, что у нас тут,- слышался ему вдруг голос жены.- Да вы посмотрите, о,о! Какая

прекрасная рыба! Да они еще ведь живые! Смотрите, смотрите, как барахтаются. Обманщик, а еще говорил, что рыбы нет.

- Что еще за черт?- подумал Наум Руфович, направляясь с балкончика в комнату.

Посередине стола стояла большая эмалированная миска с барахтающимися в ней живыми рыбами.

Наум Руфович с недоумением бросил взгляд на широко улыбающегося Олега. И не отрывал его до тех пор, пока не расплылся в улыбке сам:

- Ну, заяц... тьфу, ну, Генка, погоди!

И рыболовы присоединились к уже развеселившейся компании. Подоспела даже рыба, с которой управилась и поджарила Клара.

Аврору Давыдовну преследовали вопросительные глаза мужа, пытающегося понять, что, как и в честь чего происходила у него в доме эта веселая вечеринка. И он вынудил, так ее еще при гостях дать ему объяснения.

- Мы два дня выясняли отношения. Ну, подумаешь, произошло некоторое недоразумение. С кем не бывало. Ну и что, что кто,то что,то сказал, кто,то что, то передал. Сошлись на том, что лучше вместе гулять, чем по парам судачить. Не правда ли?

- Правда, правда,- весело отозвались все в один голос.

- Все, что было, позади и забыто навсегда. Да?

- Да, да!- дружно отозвался хор.

"Гуси, гуси... Га,га,га!"- усмехнулся в душе Наум Руфович.

Потом он долго всматривался в веселое, доброе лицо своей жены под смешанный гул магнитофонной музыки и живых голосов.

Просто смотрел и поражался ее мудрости и искусству налаживать отношения между людьми, восстанавливать их и выводить из самых невозможных ситуаций.

Аврора поймала понимающий взгляд мужа и ответила ему тем же.

- Да, да, Наум, вот так,то,- мысленно отвечала она,- как не стремишься воспринять дар, ниспосылаемый нам от Него. Искать друг в друге надо объединяющее, а не разъединяющее.

Самолет выруливал на взлетную полосу. Подкатив к самому ее началу, разом остановился, будто замер. И, помедлив немного, словно лев, путившийся в погоню, все усиливал рев моторов, разбежался, все быстрее, быстрее, пока не взметнулся с края взлетной полосы с большой скоростью в голубую высь.

"Зачем так долго топтаться на месте, тянуть резину, а не сразу взметнуться ввысь?",- думал Олег, наблюдая через окно иллюминатора, как с каждой секундой уменьшается под его взглядом материальное, земное, остающееся внизу.

С высоты птичьего полета все казалось ничтожно малым, и не только по размерам, но и по смыслу и содержанию, по сравнению с небом и процессом полета.

- Чтобы однажды взлететь в воздух, нужно всю жизнь разбегаться по земле,- мелькнула у него в голове мысль,- иначе не взлетишь.

Самолет неожиданно лег на правое крыло, резко в сторону, уводя пассажиров от их мыслей, забот и курса полета.

02. 1995

- Вот и все кончено,
- И это все?

Л.Н. Толстой
Последние, предсмертные
слова писателя

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы молодости (от автора).....	3
Лучший ныряльщик.....	7
Возвращение.....	26
Дела курортные.....	40
Досуг "симулянта".....	70
Лиза.....	86
Вершины.....	112
Ванная философия.....	152
Тридцать седьмой.....	161
Трудные слова.....	201
Палермо.....	216
Племянничек.....	259
Приложение.....	313

~Àãõâèäçà Ñàìñí Ìõîèîùââè÷

(Тбилиси, 26 марта 1958 г.)

В 1975 году закончил 9,ую среднюю школу г.Тбилиси и в том же году поступил в Грузинский политехнический институт на строительный факультет, который с отличием окончил в 1980 году по специальности "Промышленное и гражданское строительство".

В 1989 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1980 года по сегодняшний день работает в разных учебных заведениях и научно,исследовательских институтах АН Грузии.

Является автором многих научных трудов и изобретений.

Свои первые шаги в поэзии и прозе начал делать с 1984 года.

В 2002 году вышли в свет первые сборники рассказов и стихов С.Гелхвидзе "Торговцы болью" и "Таинство стихоисповедания, или исповедь в стихах".

На суд читателей представляется его второй сборник рассказов "Возвращение".

ПРИЛОЖЕНИЕ

“ТОРГОВЦЫ БОЛЬЮ”

В издательстве “Деда зна” вышел в свет сборник рассказов Самсона Гелхвидзе “Торговцы болью”.

Несколько слов об авторе. По профессии он инженер, строитель. В 1989 году защитил кандидатскую диссертацию, с 1980 года по сегодняшний день работает в разных учебных заведениях и научно, исследовательских институтах АН Грузии, является автором многих научных трудов и изобретений. Свои первые шаги в поэзии и прозе начал делать с 1984 года. “Торговцы болью” - первый его сборник, в котором Самсон Гелхвидзе, по собственному признанию, пытается задержать “стрелю летящее время”.

Герои его рассказов - наши современники, оказавшиеся волею исторических судеб в сложных социально, экономических условиях постсоветского пространства. Это тоже своего рода “потерянное поколение”, если использовать известный литературоведческий термин. Оно тщетно пытается разобраться в своих отношениях с миром. Вспоминаются и лермонтовские строки: “Печально я гляжу на наше поколение, его грядущее иль пусто, иль темно”. Наш современник испытывает похожие чувства: “Все, таки в жизни постоянно чего, то не хватало... и поиски этого неизвестного, недостающего... приводили его то в ярость, то в усталость, опустошение и уныние вкупе с горечью безысходности и невозможности успеха этих поисков”.

Герои Гелхвидзе не могут найти своего места в жизни, обречены на метания, блуждания... Они слушают свой внутренний голос, много размышляют, философствуют, однако не способны испытать “социальный, духовный оргазм”, то есть освободиться, взлететь, ощутить полноту жизни, реализоваться. Быстротекущее время, невозможность удержать мгновение, бренность бытия - осознание этого причиняет героям Гелхвидзе острую боль. В одном из рассказов появляется образ розового, голубого парусника - надежда... Но, увы, он проплывает мимо так быстро, что

человек едва успевает осознать значение момента. "Мгновение бежит неудержимо, но мы ломаем руки и опять осуждены идти все мимо, мимо",- снова классик, на этот раз Гумилев.

Еще одна тщета, по мнению Гелхвидзе, - это взаимоотношения мужчины и женщины. Герои его рассказов, как правило, не могут обрести личного счастья, расстаются или просто нелюбимы своими избранниками.

Минорная интонация его рассказов отсылает нас к эпохе романтизма, ведь поэты и писатели той поры тоже испытывали острое чувство несовместимости с окружающей реальностью. "И ненавидим мы, и любим мы случайно",- писал все тот же Лермонтов - поэт, меланхолик, так и не сумевший примириться с жизнью.

Причина духовного тупика, в котором оказались герои Самсона Гелхвидзе,- социальная нереализованность. А еще - вечная человеческая проблема: невозможность обретения счастья на земле. Об этом и книга "Торговцы болью".

Инна БЕЗИРГАНОВА

Газета "Свободная
Грузия", 13.12.2002, N273

სამსონ ბელხვიძე

დაბრუნება

მოთხრობები

თბილისი I 2004

Контактный адрес:

E- mail: 1) [sams- gel@yandex.ru](mailto:sams-gel@yandex.ru)

2) sams_gelx@yahoo.com